

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ЗАПРЕЩЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ПЕРЕЗАГРУЗКА

Annotation

Пастухи человечества, всеземной Союз Неизвестных находит способ «перезагрузить» «запрещённую реальность» и вернуть в неё магию, сделав её эффективным инструментом воплощения своих чёрных замыслов. Для этого необходимо отыскать ещё несколько Великих Вещей и, когда их соберётся сорок, активировать магические артефакты, разрушив законы, установленные анархом Матвеем Соболевым. Помешать этому, казалось бы, не по силам никому, но в отчаянной попытке не выпустить Зло из клетки «запрещённой реальности» Василий Котов и его соратники по «Стопкриму», а с ними и другие воины добра и света, выходят на новую битву.

- [Василий Головачев](#)

-
-
-
- [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Часть 3](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Василий Головачев

Запрещенная реальность. Перезагрузка

© Головачёв В. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

А кроме того, у меня есть собственное правосудие, без отсрочек и апелляций, которое осуждает и оправдывает и в которое никто не вмешивается.

А. Дюма. Граф Монте-Кристо

Часть I

Мочить в сортире

Глава 1

Никто не забыт

Карательный батальон «Ганьба» был создан в мае две тысячи четырнадцатого года в Мариуполе. В декабре его передислоцировали в Бердянск, где численность батальона, состоящего из праворадикалов, неонацистов и откровенных бандитов, достигла пятисот человек. Штаб батальона расположился в Залесье, на даче бывшего президента Украины Януковича, и после ухода отряда на фронт дачу, превращённую в нужник, пришлось чистить и ремонтировать.

В две тысячи пятнадцатом году батальон, попавший в один из «котлов», был почти полностью уничтожен, а его командир Анджей Жилецкий, получивший титул «Белый Вождь», сбежал с поля боя в Киев и стал депутатом Рады. Тем не менее командование Минобороны Украины решило не распускать батальон, а доукомплектовать и оставить вблизи границы между Донецкой Народной Республикой и Украиной, в городке Павлополь, находящемся в восьмидесяти километрах к югу от Донецка.

С доукомплектацией батальона ничего не получилось.

В конце две тысячи пятнадцатого года командир роты спецназначения (чистые каратели) Вадим Шмара решил доказать, что он тоже «Белый Вождь», и ночью второго ноября атаковал Широкино, в результате чего рота попала в засаду и перестала существовать. Сам Шмара погиб. А остатки роты и батальона в количестве тридцати семи человек вошли в состав батальона «Правый сектор» под командованием Петра Криворучко, учившегося воевать у «самого Яроша».

В «Правом секторе», известном своей крайней патологической ненавистью ко всему русскому, служили не только украинские неонацисты, но и шведские искатели приключений, и французы, итальянцы, русские, канадцы и даже негры-американцы. Все они приехали не сражаться за идею «единой и неделимой» Украины, а пострелять, поохотиться на людей, простых граждан, желавших жить мирно и не признавших власть бандеровских недобитков. Но и они уступали украинским ультрарадикалам в ненависти к русским

и в применении зверских пыток к захваченным в плен защитникам Новороссии.

Впрочем, пытали эти звери в человеческом обличье не только бойцов армии ДНР. Их жертвами стали десятки мирных жителей «освобождённых районов» Донбасса, в том числе старики, женщины, подростки и совсем молодые девочки, о чём писали в докладах сотрудники комиссии ОБСЕ, напрасно трудившейся во время так называемого «минского перемирия» две тысячи пятнадцатого года на линии разграничения вооружённых сил Украины и армии Новороссии. Для «Правого сектора» вообще не существовало никаких моральных ограничений. Эти ублюдки не знали, что такое совесть, благородство и милосердие, и с одинаковым садистским удовлетворением убивали как пленных бойцов армии ДНР и ЛНР, так и гражданских лиц, причисляя их к «пособникам террористов».

Не прекратили своей жуткой деятельности ультранаци и впоследствии, продолжая в течение нескольких лет устраивать провокации на границах Новороссии и терроризировать местное население «освобождённых» сёл и городков Донбасса. В практику этих «защитников отечества» вошли все методы пыток в отношении подозреваемых в «пророссийской ориентации», в том числе угрозы убийства, утопления, имитации расстрела, пытки с помощью «бандеровской удавки», удушения с помощью пластикового мешка, раздробление конечностей, удары ножом в лицо, в пах, прижигание, уколы психотропных и отравляющих веществ, вызывающие дикие мучения, и удары электротоком.

Доклад Европейского Фонда исследования проблем демократии о военных преступлениях украинских силовиков был представлен в ОБСЕ и ООН ещё в конце две тысячи четырнадцатого года, однако не произвёл на эти структуры никакого впечатления. Командовали «парадом гражданской войны» спецслужбы США, которым был исключительно выгоден конфликт на Украине, и широкая мировая общественность практически ничего не узнала, зомбированная колоссальной системой тотальной лжи, пронизавшей всё человечество. Эта система промыла мозги почти всем жителям Украины, начавшим верить в «агрессию России» и поддерживать ставленников США – президента Украины, премьер-министра, руководителя Службы безопасности, откровенного агента ЦРУ, и чинов пониже – председателя украинского парламента, сформированного из карателей

почти на сто процентов, министров МВД и обороны, и руководителей соцслужб. На Украину опустился «чёрный флаг» внешнего управления, инициируемого послом США и сотрудниками американской «демократической системы» – ЦРУ, ФБР и АНБ. Настала долгая жестокая *ночь* торжества лжи, предательства и мракобесия.

Если бандитами майдана двигало трусливое и подлое ощущение безнаказанности, то их патронами руководили совсем иные идеи, рождённые нацистами довоенной Германии и впитанные с кровью жертв бандеровцами и их последователями.

Шестого октября года юбилейного творения майдана в дом семьи Гордеевых на окраине Павлополя, расположенного в сотне метров от берега реки Кальмиус, впадающей в Павлопольское водохранилище, заглянул патруль общественной безопасности в составе трёх бойцов батальона «Ганьба», вошедшего в ДУРА – Добровольческую Украинскую Радикальную Армию. Одеты они были в жёлто-коричневую форму спецназа натовского образца, но с шевронами «Чёрного корпуса» на рукавах. Все трое были навеселе, и все трое искали, чем поживиться, где выпить, поесть, а если повезёт, то и покуражиться над мирными жителями городка да справить естественные нужды, в которые входил и секс с лицами слабого пола независимо от их возраста.

Один из патрульных был французом по имени Гастон Контан, бывший десантник войск специального назначения французской гвардии, ныне наёмник, двое других служили в нацгвардии с две тысячи тринадцатого года, Петро Мищак по прозвищу Пищак и Демьян Синерезенко – Резвый, командир взвода «Ганьбы», проявивший себя в рейдах по предместьям Донецка в составе диверсионной группы.

Гордеевы собирались ужинать: шестидесятишестилетний глава семьи Иван Данилович, его жена Марья Константиновна, сын Александр, его жена Наталья и дети – семилетний Ивашка, пятилетний Руслан и четырнадцатилетняя Катя. Младшие уже сидели за столом в горнице – дом у Гордеевых был свой, с огородом и садом, – мужчины умывались, женщины хлопотали у стола, выставляя посуду.

Забрехала собака, с визгом умолкла, и тотчас же в сенях загремело, в дом вошли вооружённые до зубов brave хлопцы; француз, обзаведшийся соломенными усиками, нёс через плечо винтовку «М-14» дулом вниз, Мищак поигрывал автоматом российского производства, казавшимся игрушкой в его могучих руках. На его погонах виднелись

две красные полосы, соответствующие званию младшего урядника. Синерезенко, худой, чернявый, бородатый, поводит из стороны в сторону дулом новейшего «узи».

Мужчины, выглянув из угла, где пряталась раковина для мытья посуды, застыли, не сводя глаз с непрошенных гостей.

Женщины тоже растерялись, не зная, что делать, перестали ставить на стол горшки, миски и посуду.

Мищак закинул автомат за спину, потёр ладонь о ладонь, плотоядно облизнувшись.

– Пожрать угостите? Пахнет вкусно! Да и горилочки выпить не мешало бы, пошukaйте в голбце.

Отец и сын Гордеевы переглянулись.

– Нету... горилки, – сглотнул Иван Данилович.

– А ежели я найду? – расплылся в хмельной улыбке Мищак.

– Шо ты с ними как з родічами балакаешь? – буркнул Синерезенко. – Тащи самогон, старый, если горилки нема. А ты документы покажь. – Ствол автомата глянул на худенького, с болезненным лицом, Александра. – Чего тутa сидишь? Почему не в армии? Прятался небось, повестки рвал? С москалями дружил?

– Больной он, – заикнулась жена Александра, круглолицая, полная, коротко стриженная. – Геморрой у него, еле ходит.

– Как детей рожать – не больной, – хохотнул Мищак. – А как служить ридному отечеству – больной.

– Я служил... – тихо произнёс Александр, бледнея. – В погранвойсках.

– Так то небось ще при оккупантах? – хмыкнул Синерезенко. – До майдану? Паспорт кажи!

Александр вытащил ящик комода, дрожащими руками достал синюю книжицу с золотым тиснёным трезубцем, протянул бородачу, на плечах которого красовались ещё два синих шеврона-погона с жёлтой восьмиконечной звёздочкой на лычке; звания в Добровольческой Армии соответствовали украинским казачьим девятнадцатого века, и одна звёздочка на погоне говорила, что владелец – есаул.

Синерезенко развернул паспорт, небрежно пролистал.

– Гордеев Олекса Иванович... украинец... а на вид – чистый москаль. И ты, старый, доставай ксиву, быстро!

Иван Данилович, лысый, с остатками седых волос на голове, полез в голбец.

В этот момент взгляд француза упал на обнявшую младшего брата Катю. Глаза Гастона *поплыли*, стали масляными, он облизнулся.

– Яка красуня! – выговорил он по-украински, почти без акцента. – Пан есаул, почему она не радуется нам, не предлагает хлеб-соль? Может, шпионка москальска? Проверить бы надо.

– Проверим, – ухмыльнулся Мищак. – Пусть докажет, что она справна украинка. Документ е?

– Ей только четырнадцать... – пролепетала мать девочки.

– А на вид все двадцать. Говори правду!

Француз шагнул к сжавшимся детям, умело оторвал братца от сестры, рывком за ворот платья поставил Катю на ноги.

Александр бросился к ней с криком: «Не трогай!» – и Мищак ударил его прикладом автомата, отбрасывая к стене. Зацепившись за табурет, он упал. Женщины закричали, метнулись к нему, сделал шаг Иван Данилович.

– Выведите всех! – процедил сквозь зубы Синерезенко. – Шоб не мешали допросу...

Мищак и Гастон под дулами автоматов пинками погнали мужчин и причитавших женщин в сени, туда же вышвырнули заревевших мальчишек.

– В сарае их заprite! – крикнул есаул.

Плачущих женщин и пытавшихся сопротивляться мужчин увели в сарай, где хозяйева когда-то, ещё до войны, держали коз. Александр увернулся от рук Мищака, кинулся обратно в хату, но его перехватил француз, дал ему прикладом по голове и запихал в сарай вслед за остальными.

– Иди, я покараую, – сказал плохо видимый в темноте Мищак. Давно стемнело, а фонари по улице не горели. – Потом заменишь.

– Мерси! – Француз исчез в сенях.

– Ой, да что это будет, Ваня! – запричитала жена Ивана Даниловича. – Они ж её насильничают!

Гордеев подошёл к двери сарая, собираясь выбраться и учинить драку, несмотря на отсутствие какого-либо оружия, и в этот момент кто-то ухватил его за плечо. Он оглянулся, считая, что это сделал сын, но увидел лишь глыбу мрака за спиной.

– Тихо, отец, свои! – еле слышно выговорила глыба. – Скажи родным, чтобы не паниковали. Пусть продолжают в том же духе.

– В-вы... кто?!

– Потом.

– Маша, Саша... – Иван Данилович передал совет женщинам и сыну, вернулся к двери.

– Много их? – продолжала глыба, не производя никакого шума.

– Трое... двое в хате... с внучкой...

– Понял, сейчас исправим положение. Стучи в дверь.

– Она не заперта...

– Открывай и отвлеки сторожа.

– Да кто вы?!

– Некогда объясняться, действуй.

Старик заворчал на умолкших женщин, и те снова запричитали на разные голоса. Мальчишки, не понимая, что происходит, заревели.

– Батько... – проговорил сидевший у стены сын слабым голосом.

– Сиди, – строго сказал старик, толкая дверь. Заскрипев, старенькая дощатая дверь сарая открылась. Иван Данилович переступил порог.

– Ты шо, козёл старый?! – объявился перед ним массивный Мищак, в темноте напоминая огромного медведя.

Глыба мрака за спиной Ивана Даниловича бесшумно обогнула старика, послышался тихий щелчок, и гигант-бандеровец беззвучно осел на землю.

Из сарая вслед за первым «призраком» выскользнули ещё два.

– Отец, возвращайся в сарай и жди, – шепнул кто-то на ухо Гордееву. – Успокой своих, чтобы теперь сидели тихо.

Все три «глыбы мрака» исчезли. Заскрипела дверь со двора в сени, но это был единственный звук, который донёсся до слуха хозяина дома. Перекрестившись, он скрылся в сарае.

Синерезенко, уже снявший с себя коричневую, в жёлтых пятнах, куртку оглянулся, когда в горницу вошёл Гастон.

– Шо там?

– Та тихо усэ, эвой пью... злякалысь, – ухмыльнулся француз, демонстрируя владение украинским языком. – Я бы и молодуху приспособил, тоже ничего баба, титьки вкуснячи.

– Иди на двор, я тут... позанимаюсь.

– Я бы помог...

– Сам управляюсь, иди.

Гастон кинул хищный взгляд на сжавшуюся в углу между диваном и тумбочкой девочку, подмигнул ей и вышел.

Однако отсутствовал он недолго. Есаул успел лишь снять штаны и вытащить закричавшую Катю из угла, как дверь распахнулась от сильного удара из сеней, и в горницу влетел француз, потерявший на лету берет и винтовку.

Синерезенко выпрямился, ошеломлённый появлением подчинённого, но реакция у него была хорошая, и когда в горницу вслед за французом шмыгнула почти невидимая струящаяся фигура, он развернул девочку спиной к себе и прижал к груди, хватая с тумбочки зазубренный армейский тесак.

Странный призрак – у него была хорошо видна только голова в шлеме – остановился. Из плывущего прозрачными лепестками тела призрака выглянул ствол пистолета, снабжённый длинной насадкой бесшумного боя.

– Стоять! – каркнул есаул. – Я ей голову отрежу! Вы кто?!

– Санитары, – вырос за спиной призрака второй такой же, повыше ростом. – Отпусти девочку!

Француз – у него был сломан нос, и на усы лилась кровь – вскочил, намереваясь ухватить с пола «М-14», но пистолет «призрака» тихо щёлкнул, и бывший «чёрный берет» французской национальной гвардии, бывший десантник, а нынче – наёмник ДУРА, на счету которого числилась не одна сотня убитых по всему свету людей, упал навзничь с пульей в глазу.

Синерезенко проводил своего напарника непонимающим взглядом, вздрогнул, крепче прижал к себе Катю, напряг зрение, но фигуры перед ним по-прежнему были прозрачно-мерцающими, а шлемы и огромные чёрные очки надёжно скрывали головы и лица, не позволяя разглядеть ни одной детали.

– Фамилия, звание, страна! – коротко спросил первый призрак.

– Мищак! – заорал Синерезенко. – Ко мне!

– Он уже на том свете, – равнодушно сообщил второй «призрак». – Фамилия, звание? Страну не надо, и так понятно – Украина.

– Я... ей...

Первый «призрак» наконец выстрелил.

Пуля попала есаулу в левый глаз, отбросила к окну. К счастью, он наткнулся на стол, снёс с него всю посуду и до окна не долетел,

иначе разбил бы стекло.

Катя, вырвавшаяся из рук карателя, с криком отскочила к буфету, прижав кулачки ко рту, глядя на призраков огромными потемневшими глазами.

Первый «призрак» спрятал пистолет, успокаивающим жестом снял очки.

– Не кричи, милая, всё в порядке, никто тебя не тронет. Иди к своим, они ждут. Лось, проводи.

Второй «призрак» тоже снял очки, обнажив улыбающееся, заросшее седой щетиной, складчатое лицо, заговорил с девочкой по-украински, повёл к двери, не делая резких движений.

Первый «призрак» подошёл к телу Синерезенко, обыскал карманы, вытащил удостоверение есаула, прочитал вслух:

– Синерезенко Демьян Остапович, есаул ДУРА, заместитель командира батальона «Ганьба»... Ох, не вовремя ты здесь объявился, есаул.

В карманах француза он обнаружил пачку презервативов, какие-то порошки, понюхал, презрительно сунул обратно в карман наёмника. Достал удостоверение, прочитал, шевеля бровями.

В горницу вошёл спутник первого «призрака», заметил в руках первого синие книжечки с жёлтым тиснением.

– Кто?

– Батальон «Ганьба», заместитель командира Синерезенко и его телохран-француз.

– Оба-на! Они же в наших списках!

– Повезло. – «Призрак», командир группы «Штык» майор Ухватов, поднял руку, давая понять, что разговаривает по рации; она была вмонтирована в шлем. – Чук, что у тебя?

– Всё тихо, Кум, – доложил Чук, он же сержант Якимчук, обеспечивающий контроль местности.

– У нас три «двухсотых», бери Зура, Ю и ко мне, отнесёте к реке. Быстро!

– Понял.

Через минуту в горнице появились ещё три «призрака», вынесли тела убитых карателей.

– Кир, приведи хозяина, – велел Ухватов.

Сержант, остававшийся во дворе дома, привёл Ивана Даниловича.

Войдя в хату, освещённую единственной тусклой лампочкой на кухне, старик вытаращил глаза на «призраков», фигуры которых зыбились прозрачными изломами как эфемерные стекляшки в цилиндре калейдоскопа.

Командир группы понял ощущения старшего Гордеева – бойцы были экипированы в спецкостюмы «оборотень», сплетённые из метаматериалов и хитрым образом поглощающие и преломляющие световые лучи, – снял очки.

– Не пугайся, отец, мы не черти из преисподней.

– Русские...

– Не только. Скажем так: чистильщики, воздаём должное убийцам и насильникам. Кое-кого уже списали... на тот свет.

– Слишком их много... всех не перебьёшь.

– К сожалению, ты прав, пол-Украины – пособники нацистов. Да мы и не стремимся ликвидировать всех подонков в человеческом облике, так получилось, что мы оказались у вас.

– Вы... их...

– Не бери в голову, отец, они получили то, чего заслуживали. На этом бородаче сотня смертей плюс пытки, да и на остальных тоже. Все эти ублюдки думали, что их забудут и они смогут всю жизнь творить бесчинства. Но никто не забыт, и ничто не забыто! Давай договариваться. Нас здесь не было. Их тоже. Когда их хватятся, к вам придут с вопросами, сможете притвориться, что вы ужинаете и никого не видели?

Иван Данилович пощипал реденькую бородку, с сомнением поглядывая на бесшумно двигавшихся по хате «призраков».

– Не знаю...

– Если не сможете, вам придётся уходить.

– Да куда ж мы пойдём? Всю жизнь тут жили, работали...

– Иначе brave бандеровские хлопцы с чёрным крепом на рукаве вас пытать начнут, да и расстреляют ни за что. У этого батальона дурная слава, не лучше, чем у «Азова» и «Айдара».

– Поговорить со своими надо...

– Поговори, только побыстрее, уходить нам надо. Зови сюда взрослых, дети видеть нас не должны.

Гордеев вышел, покачивая головой, и вскоре вернулся в дом вместе с семьёй.

Но вместо «призраков» его встретил в горнице один человек, тот, что разговаривал с ним минуту назад, остальные исчезли. Впрочем, майор уже не был прозрачно-кристаллическим, сняв спецкостюм, смущавший старика, и оставаясь в зеленоватом трико наподобие спортивного. Шлем с очками он тоже снял, и на родных Ивана Даниловича смотрели с обветренного сурового лица светящиеся голубовато-серые глаза воина.

Женщины остановились у порога, теребя концы платков и фартуков. Катя спряталась за их спины, огромными глазами разглядывая гостя. Гордеев-младший, бледный до синевы, с кровоподтёком на скуле, поддерживал ушибленную руку.

– Вот, – сказал Иван Данилович, озираясь, ища глазами гостей.

Ухватов повторил своё предложение.

Гордеевы переглянулись. Однако уходить из дома никто не согласился.

– В таком случае вам придётся объяснить тем, кто придёт, причину синяков на лице сына, – с усмешкой сказал майор. – И вообще вести себя естественно. Вы ужинали, шума никакого не слышали, никто к вам не заходил, а ты... – Он посмотрел на хилого Александра.

– Упал сослепу во дворе на дровяник, – криво улыбнулся сын Ивана Даниловича.

– Пластырь есть, залепить кровоподтёк?

– Нет...

– Тряпицей перематаем, – торопливо проговорила жена Александра.

– Не надо, смажьте чем-нибудь, мукой, что ли, чтоб меньше заметно было, а то придерутся, что прячете рану. – Ухватов посмотрел на хозяина. – У вас лодки нет?

– Была, да отобрали ещё в прошлом году. Там на берегу кое у кого есть.

– У Стрыгиных осталась, – сказала жена Гордеева. – Через дом от нас.

– И у Шурки Петренки, – добавила мать Кати. – Только они не дадут, ихний Вовка в нацгвардии служит.

– Ладно, сообразим. Нам в Донецк надо, отец, подскажи дорогу покороче.

– Покороче – по водохранилищу до Дикого Поля, а там на Макеевку... либо через Святые Горы на правом берегу реки. Не этой,

нашей, Кальмиуски, а Северского Донца. Но пёхом, если у вас транспорта нету, всё равно долго будете добираться.

– С транспортом мы уладим.

– Тогда идите вдоль правого берега Кальмиуса на север, пересечёте овраги, балки, меловую террасу, карьер, и по прямой до Северского Донца.

– Спасибо, отец, так и сделаем. Приведите всё в порядок, а главное – не суетитесь и не прячьтесь. Мы следы во дворе уничтожим, а вы здесь в доме уберитесь.

– Сделаем... благодарствуем... за Катеньку.

– Берегите девочку. Если вдруг придётся признаваться, скажете, что есаула и его солдатиков увели с собой иностранцы в чёрном. Мол, не по-нашему гутарили. Но лучше бы до этого не дошло. Прощайте.

Ухватов повернулся и исчез, будто привидение.

Домочадцы Гордеева молча дивились на дверь в сени, оставшуюся открытой.

В саду за сплетённой из ивняка стенкой майора ждала группа.

Он натянул масккомплекс, превращавший человека в почти невидимого даже днём призрака, проверил оружие.

– Чук?

– Клиенты на берегу, – доложил сержант.

– Раздеть, обмундирование взять с собой, документы, оружие тоже. Найдите лодки.

– Уже нашли.

– Тогда грузимся и плывём на тот берег.

Отряд «Штык» в составе семи бойцов, не принадлежащих ни к одной армии мира, если не считать частной русской военной организации ЗРП «Возмездие», дислоцирующейся в Чечне, рассредоточился вдоль берега речки Кальмиус и, не производя ни малейшего шума, подвёл лодки к захламлённому обломками причала берегу, погрузил тела убитых карателей, разместился в них сам, и лодки отчалили от берега, погружённого во тьму близившейся безлунной ночи.

Городок Павлополь тоже был почти весь погружен в темноту, только в центре, возле здания бывшего горсовета, занятого штабом батальона «Ганьба», царило оживление, здание и улица перед ним были освещены, туда-сюда сновали боевики Добровольческой армии, слышался иноязычный говор, мат и хохот. Каратели считали себя здесь

полновластными хозяевами, на чиновников местного самоуправления, назначенных Киевом, смотрели как на своих холоуёв, что, между прочим, соответствовало истине, и развлекались как могли.

Жители городка, в котором когда-то проживали шестьсот с лишним человек, а сейчас осталось не больше трети, предпочитали по вечерам не выходить из домов и квартир, чтобы не нарваться на «дружеское хамство», а то и на пулю.

Тела Синерезенко и его спутников утопили в речке, привязав к ним танковые катки и траки.

Сожалений о содеянном никаких не было. «Штык» выполнял секретное задание командования ЗРП по ликвидации украинских карателей-ультранаци, особо проявивших свои садистские наклонности во время войны с защитниками Новороссии.

Команда Синерезенко попала на пути «Штыка» случайно, зайдя в дом Гордеевых, на территории усадьбы которых, в сарае, и расположилась группа Ухватава, чтобы переждать световой день. Бывший капитан ГРУ России, получивший в ЗРП звание майора, связываться с карателями не хотел, но провидение решило иначе, и он отдал приказ успокоить пришельцев, веривших в свою безнаказанность до полной неспособности оценивать ситуацию реально.

Оказалось, в руки бойцов отряда попались не рядовые боевики батальона «Ганьба», а самые что ни на есть душегубы, успевшие не раз искупаться в крови пленных, и жалеть было некого. Однако шла группа в Павлополь не ради того, чтобы свести счёты с одиозными командирами одного из подразделений ДУРА. Уже при переходе границы Ухватава получил задание вызволить из плена «настоящего» разведчика ГРУ, капитана Шинкаря (Ухватава его не знал лично), попавшего в плен к нацгвардейцам по странному стечению обстоятельств, и выяснить причину его провала. Были подозрения, что капитана сдали командиры в Москве, имеющие свой интерес в Украине, связанные с куратором Новороссии в администрации президента и с бизнесменом Карманщиковым, зарабатывающим капитал на торговле с украинскими силовиками и вкладывающим деньги в металлургический комбинат в Луганске.

– Докладывать наверх о стычке будем? – поинтересовался капитан Зиедонис, эстонец, отзывающийся на кличку Ювелир или – реже – просто Ю.

– Нет, – отрезал Ухватов. – Будем выполнять задание. Кир, гребите к берегу пониже Павлополя.

Через полчаса пристали к островку зелени, усеянному корягами и зарослями кустарника.

Ухватов поправил шлем, отметил время: светящиеся цифры хронометра выводились на внутреннюю поверхность очков, как и любые другие сведения о состоянии погоды, целеуказания и ответы подчинённых. Спутник должен был появиться над Волновахским районом Донбасса в десять часов вечера.

Из наушника шлема вырос полуметровой длины штёр антенны.

Ухватов переключил рацию на диапазон дальносвязи:

– Деверь, я Кум, как слышите?

– Кум, я Деверь, – ответил далёкий басовитый голос. – Слышу нормально.

– Новости?

– Объект будет отправлен завтра в шесть часов утра из Павлополя в Мариуполь через Пищевик и Орловское, предположительно – на бронированном «Форде Рэнджере», в сопровождении британского «Самсона». Предлагаем встретить кортеж после Пищевика, у моста через Кальмиус, это в пятнадцати километрах от Павлополя, или опять же у моста через Щеголку, сразу после Орловского. Успеете?

– Не вопрос.

– Приказ – объект... ликвидировать! Вместе с машинами сопровождения. Сразу после акции уходить к Азову. Как понял, Кум? Приём.

Ухватов сжал зубы.

– Не понял, Деверь. Парня надо было вытаскивать...

– Отбой, Кум! Приказ – ликвидировать! Он не должен попасть в руки америкосов, а вас слишком мало, чтобы обеспечить сохранность объекта до границы.

– Всё же рассчитано...

– Кум, есть приказ! – В голосе Деверя, полковника Сортова, замкомандира ЗРП, звякнул металл. – Конец связи!

Ухватов выключил рацию, глядя перед собой остановившимися глазами. Он никогда не встречался с майором Шинкарём и даже не знал о его существовании, но понимал, что любой мог оказаться на месте разведчика, уверенного, что его не сдадут в угоду каким-то меркантильным расчётам.

– Что там, командир? – спросил Лось, он же лейтенант Фёдор Величко.

– Приказано уничтожить объект.

Бойцы оцепенели.

– Не понял, – сдавленным шёпотом произнёс Чук. – Там совсем охренели?! Мы же собирались...

– Что тут непонятного, – простуженно прохрипел Зур – сержант Залхазур Гаргаев. – Мужик оказался лишним.

– Но это же *наш* мужик!

– Наверху посчитали иначе.

– Да к чертям собачьим такие расчёты!

– Не кипятись, – пришёл в себя Ухватов. – Решим на месте. Будем готовиться к операции по первому варианту. Пошли.

Отряд расселся по лодкам и направился к берегу.

Глава 2

Смена ориентации

На работу в понедельник, 5 октября, Матвей ехал с неохотой.

После возвращения с Кипра в Генпрокуратуре ему сообщили, что в его услугах больше не нуждаются, Стас вообще куда-то подевался, и Матвею ничего не оставалось делать, как вернуться в центр СЭП на Рогова.

Пацюк встретил его неласково.

– Мне звонили оттуда. – Начальник Управления санитарно-экологической полиции Москвы поднял очи горе. – Тебя охарактеризовали одним словом – грубиян. Кому ты там нагрубил?

Матвей вспомнил бой с командой американских «морских котиков» в подземелье МИРа Блаттоптеров, «тараканов разумных», находившегося под монастырём Лампадисту на Кипре. Уходили оттуда второпях, надеясь больше на удачу, нежели на свои возможности, но помог Кристопулос, Хранитель МИРа. Раненный, он вывел отряд Котова из подземелья, а потом взорвал оба входа-выхода из него, замуравив преследователей, жаждущих уничтожить русский десант и завладеть Великой Вещью под названием Сорок.

Впрочем, как уже было известно Матвею, этой Вещи в МИРе Блаттоптеров не оказалось. Во-первых, потому что легенда о Сорока Сороков действительно творилась как легенда ради сокрытия истины: чтобы заработал Закон магического оперирования в «запрещённой реальности», нужно было на самом деле собрать вместе сорок Великих Вещей, а не искать Сорок. Во-вторых, замок Блаттоптеров, предков людей, сам по себе был Великой Вещью, но он мог только летать, перемещаться в пространстве, по словам того же Хранителя, и к магическим эффекторам якобы не имел отношения.

Выбрались из подземного хода бойцы отряда, в том числе равнодушный ко всему Стас, Тарас Горшин, отец Матвея, Самандар и Дива, в трёх километрах от монастыря Лампадисту, за ущельем, разделявшим гору и деревушку Калапанайотис. Здесь отряд разделился: Самандар, Горшин и Стас вместе с тремя бойцами подразделения Вени

Соколова двинулись к Троодосу по горам, остальных Кристопулос повёл в Пафос, зная местность как свои пять пальцев.

Потом группу разыскали люди Самандара, отвечающие за обеспечение операции всем необходимым, и через два дня все благополучно добрались сначала до Херсонисоса в Греции, на катере, а потом самолётом из Афин в Москву. В пятницу 2 октября Матвей получил уведомление Генпрокуратуры о необходимости вернуться на прежнюю работу, а в понедельник его вызвал к себе Пацюк.

– Так во что ты вляпался в такой серьёзной конторе? – повторил вопрос полковник. Кисло пошутил: – Надеюсь, не потребовал от генпрокурора соблюдения СанПинов?

Матвей невольно улыбнулся, подумав, что, если бы Пацюк знал, чем занимался лично генпрокурор Меринов, о СанПинах он бы не спрашивал.

Начальник Управления заметил его усмешку.

– Чего улыбишься? Я должен реагировать и отписать, что меры приняты.

Матвей сделал официальное лицо:

– Готов понести любое наказание, товарищ полковник! Но я никому не грубил и выполнял все инструкции.

– Прокуроры не ошибаются в своих выводах.

– Ещё как ошибаются, Викентий Палыч, они тоже чиновники.

– Ладно, не будем спорить, хотя ответить мне им всё равно придётся. Зря я тебя отпустил к ним.

Матвей подумал, что вряд ли Пацюк стал бы возражать генпрокурору, приведись им встретиться лицом к лицу, но вслух говорить ничего не стал.

– Будем считать, что я провёл среди тебя профилактическую беседу, – закончил Пацюк. – Редькович тут извёлся, много жалоб, принимай дела. Первое, чем займёшься, – это проверь жалобу жильцов «сталинки» возле метро «Баррикадная». Знаешь, кто там живёт?

– Догадываюсь, – кивнул Матвей.

В «сталинской» высотке на углу Красной Пресни и Садово-Кудринской улицы жили многие депутаты Госдумы и чиновники московского правительства.

– Неделью назад там свара началась, – продолжал полковник с прежним кислым видом. – В цокольном помещении раньше ТСЖ располагалось, потом им завладел один предприниматель, выгнал всех

совладельцев. Но они считают, что этот пройдоха отобрал цокольный этаж незаконно, и попытались через суд имущество вернуть. Тогда он подвесил к потолку колонки и настроил систему таким образом, чтобы в шесть часов утра жители вплоть до седьмого этажа слушали музыку. Кроме того, и вечером музыка включается. Кстати, знаешь, что он выбрал? Шопена, «Сонату для фортепиано № 2 си-бемоль минор».

– Похоронный марш? – удивился Матвей.

– Именно. Представляешь? Садист! Просыпаешься, чистишь зубы, одеваешься, завтракаешь – и всё под траурную мелодию. Возвращаешься с работы – то же самое! Страдают все.

– Я бы давно набил ему морду! – искренне проговорил Матвей.

– Я тоже. А этот сволочуга заварил дверь в цокольное помещение и на связь не выходит.

– Ловко.

– Пенсионеры, разумеется, пошли в полицию. Несколько раз полицейские наведывались в дом, но разводили руками: дверь заварена, хозяина нет, а музыка играет тихо. Говорят, он взятку сунул кому-то из больших полицейских начальников, поэтому безобразие продолжается до сих пор.

– Брать взятку – бессовестно, – сказал Матвей первое, что пришло в голову.

Пацюк посмотрел на него недоверчиво.

– Не понимаю, когда ты шутишь, когда нет. Но ты прав, против дающего взятку человека совесть бессильна.

– Есть закон, подписанный мэром Москвы...

– Вот ты и займись выяснением обстоятельств, у тебя это хорошо получается. Сделай замеры, свяжись с местным участковым, взломайте дверь и отключите комбайн. Депутаты, что там живут, уже дали добро на акцию.

– Понял. – Матвей встал. – Разрешите выполнять?

– Только без грубости, – отвернулся к экрану компьютера Пацюк. – Принимай дела.

Паша Редькович обрадовался, узрев начальника отдела, вскочил, потряхнул руку трижды.

– Ох, командир, как же мне надоело получать от босса нагоняи! То не сделал, это упустил... Ты уже насовсем?

– Как получится, – ответил Матвей, подумав, что ему абсолютно не хочется заниматься жалобами граждан на поведение соседей

и санитарно-экологическую обстановку в городе. «Может, уволиться?» – пришла неожиданная мысль. Всё равно в скором времени придётся отпрашиваться на рейд в Киев, где будут встречаться эмиссары Комитета 300. Так не упредить ли предстоящий взрыв негодования полковника? Он может и не отпустить, тем более что неизвестно, сколько времени понадобится для исполнения задуманного.

«Вот тогда и напишешь заявление об увольнении», – резонно заметил внутренний голос. Инициатива не всегда прогрессивна, зато всегда наказуема.

– Пошли ко мне, – со вздохом повернулся к двери Матвей. – Доложишь, чем занимается отдел.

Разбирались с делами до обеда. Их и в самом деле накопилось много, в два раза больше, чем до командировки Матвея, хотя отсутствовал он всего неделю. Увеличилось количество жалоб горожан на запахи и ядовитые пары до сих пор не выведенных с территории Москвы химзавода, фармацевтических фабрик, производства пластмасс и асфальта, на шумные игры и свадьбы «кавказских принцев», на самоуправство чиновного люда или, наоборот, на отсутствие реакции муниципальных управ и полиции на то или иное событие.

Увеличилось число пожаров. И появились особо опасные для жителей столицы свалки в районах промзон и железнодорожных узлов. «Пытка Шопеном», о которой Пацюк сообщил Матвеем, ничем особым не выделялась из перечня подобных житейских проблем, но жалобщиками были здесь сами чиновники, и на их крик о помощи надо было реагировать быстро. Полковник не зря заострил внимание на ситуации, потому что ему наверняка звонили из аппарата МВД и требовали «зачистить территорию».

– Ты был там? – поинтересовался Матвей.

– Не успел, – признался лейтенант. – Только в пятницу получил разнарядку и приказ разобраться. Рук не хватает.

– Сегодня поедem.

– Как прикажете, босс, – заулыбался Паша. – В моей практике впервые надо реагировать на звучание похоронного марша. Во фантазия у козла! Видать, сильно его достало ТСЖ.

– А если он шизик? Кстати, досье на него ты составил?

– Нет. А надо?

– Иди, выясняй, мне необходимо знать, кто он, откуда, чем занимается, каким бизнесом, не сидел ли в СИЗО и не имеет ли

в нужных кабинетах «волосатую лапу».

Паша улетучился.

После обеда Матвей собрал сотрудников отдела, поинтересовался их настроением, ловя себя на мысли, что не может сконцентрироваться на проблемах СЭП, раздал новые задания и позвонил отцу.

– Пап, не хочу работать, – признался с неохотой. – Как сломалось что в душе... может, я заболел? Не подскажешь способ лечения?

– Забей на работу, – посоветовал Котов-старший серьёзным тоном. – Лучше всего – с хорошей компанией. Выпьешь водочки, закусишь шашлычком, и всё станет хорошо.

– Ты... шутишь? – не поверил ушам Матвей.

– А ещё лучше – увольняйся, – закончил Василий Никифорович. – Я не знаю, чем закончится эпопея со Сходом Комитета 300. Если им удастся активировать Великие Вещи, мир изменится. А связи с инфархом нет.

Матвей вздохнул свободней.

– Дива должна помочь...

– У неё тоже нет связи с отцом. Ты когда освобождаешься?

– Как всегда часов в семь-восемь вечера.

– В девять будь у меня, обговорим кое-какие планы.

– Вдвоём?

– Тебе нужен кто-то третий?

– Я просто думал...

– Может, будут ещё люди. – Котов выключил телефон.

Размышляя о таинственных намёках отца, Матвей позвонил Диве, но дочь Соболева не ответила. Автомат сообщил, что абонент находится вне зоны связи.

После возвращения в Москву все участники кипрской экспедиции разошлись по своим домам, договорившись встретиться в воскресенье и обсудить положение дел. Но сначала исчез Стас, пообещав не мешать комиссарам «Стопкрима» и не служить Меринову, потом Горшин, перестав отвечать на вызовы, и за ним пропала Дива, не предупредив никого о своём отъезде или о каких-то проблемах. Самандар утверждал, что дочь Соболева взяла отпуск за свой счёт в Генпрокуратуре, якобы «по семейным обстоятельствам», и после встречи с Мериновым уехала из Москвы. Куда – не знал даже сверхинформированный Вахид Тожиевич.

Впрочем, на бегство и исчезновение двух эмиссаров инфарха, какими, собственно, и были Тарас и Дива, не походило. Если бы им угрожала опасность, они предупредили бы соратников из «Стопкрима», зная, что им протянут руку помощи. А поскольку этого не произошло, можно было предположить, что оба занялись неотложными делами, не требующими участия боевых порядков «чистилища».

И всё же сердце Матвея ныло, а душа мучилась сомнениями и обидой, не получив весточки от той, которую он боготворил.

В начале пятого Матвей вызвал Редьковича:

– Поехали на Баррикадную, посмотрим на объект.

– Слушаюсь, босс! – обрадовался лейтенант. – До чёртиков надоело с бумагами возиться! На ком поедем? Вызвать службу?

– Не надо, поедем на моём «китайце». – Он имел в виду спортивный «Chery Sport CSS-16», мало в чём уступавший своим западным аналогам.

Спустились вниз, вышли из трёхэтажного здания бывшего клуба культуры, с недавних пор полностью принадлежавшего центру СЭП. В этот понедельник Матвей приехал на работу ровно к девяти часам утра и поставить машину на пяточке перед входом в контору не смог, пришлось парковаться в торце жилой пятиэтажки с выездом на улицу Максимова.

Подходя к машине, слушая разглагольствования Паши о вере в людей и доверии к их обещаниям, он увидел возле своего белого спорткара какого-то мальчишку лет четырнадцати, но не сразу понял, что тот делает.

Белобрысый сорванец в рваных джинсах, красной футболке с изображением танка и надписью «WAR infiniti», в надвинутой на лоб бейсболке с длинным козырьком, воровато оглядываясь, обошёл «Чери» и, быстро подскочив к машине, начал что-то совать под щётку стеклоочистителя.

Матвей, шагавший чуть впереди, ускорил шаг и ловко цапнул парня за ухо.

– Ты что делаешь?

Паша, обойдя обоих, вытащил из-под щётки листок с текстом, хмыкнул:

– Ни хрена себе! Знаешь, что это такое?

– Отпусти, пидор! – прохрипел белобрысый воспитанник улицы и Интернета. – Порежу!

– Читай, – сказал Матвей, не спеша выполнять просьбу.

Малец попытался выкрутиться из его руки, но не смог.

– «Порезать шины, поцарапать краску? Легко! – прочитал Паша. – Уважаемый владелец этого авто! Человеку, не раз побывавшему в колонии, на работу не устроиться, а детей кормить надо! Во избежание действий (первая строка), прошу Вас сделать добровольный, благотворительный, единоразовый взнос в размере 999 рублей на киви-кошелёк номер плюс семьсот девяносто восемь... и так далее. В комментариях или СМС на этот номер обязательно укажите марку и полный номер вашего прекрасного авто. Заранее благодарен за понимание. Приписка: один новый баллон стоит 5000 рублей, а покраска авто ещё дороже». Письмо счастья, командир. – Паша засмеялся. – В моду вошло.

Матвей кивнул.

Действительно, снимать госномера с автомобилей с целью вымогательства денег за их возврат в криминальной среде стало нерентабельно, так как процедура выдачи новых номеров упростилась и схема мошенничества действовать перестала. Но автожулики не успокоились и выдумали новые способы заработка от «заплатишь – посторожу» до наклеек на ветровое стекло наподобие той, что прилепили Матвею. И простенькое это хамство распространилось по всей стране, особенно там, где не существовало охраняемых парковок. Но в натуре Матвей сталкивался с подобным шантажом впервые.

– Кто тебя надоумил?

– Пусти, гад! – заорал вдруг юный «защитник зэков». – Пожалуюсь «крыше», она тебя в сортире утопит!

– Эй, деловой, отпусти мальчика, – вышли вдруг к машине из-за торца дома двое громил в расстёгнутых пятнистых куртках по моде «милитари». – В чём дело?

Паша оглянулся, хмыкнул:

– А вот и «крыша» подоспела. Ответный вопрос, граждане: кто вы такие?

– Отпусти пацана! – с ленивой угрозой сказал бритый наголо пузан; под курткой у него виднелась волосатая грудь, украшенная наколками; наколки вились и по шее на бритый череп.

Матвей подумал, наклонился к парню в бейсболке, сказал мягко:

– По кривой дорожке пошёл, дружок. До хорошего она не доведёт.

– Отпусти! – Молодой сорванец вдруг выхватил нож, полоснул по руке Матвея, и, если бы он вовремя не среагировал, получил бы серьёзную рану.

Пришлось напрягаться, искать ответ, отбирать нож: это был хороший острый нож, который у бандитов назывался финкой, хотя к финским боевым ножам отношения не имел.

Отобрав финку, Матвей отпустил ухо парня, и тот отскочил, прижимая к налившемуся кровью уху ладонь, плаксиво заорал:

– Отдай жабокол!

– Отдай перо, – повторил напарник бритоголового хриплым голосом, лохматый, с мощной челюстью, заросшей седым волосом.

– А идите-ка вы подобра-поздорову, – спокойно посоветовал Матвей; затевать свару рядом с конторой категорически не хотелось. – Вижу, что оба недавно откинулись, ещё не привыкли к нормальной жизни, однако не рано ли начали промышлять? Снова в казённый дом захотелось?

Бугаи переглянулись. Они явно не ожидали встретить понимающего ситуацию человека, но и терять «достоинство» не желали.

– Подснежников надо уважать, – поворочал головой на мощнейшее первое.

– Штыфта на котах не жалко? – цыкнул золотым зубом второй. – Не дрянцы^[1], чай.

Матвей поморщился:

– Ну, обратились бы по-честному: вышли, мол, из тюрьмы, я бы и посочувствовал. А таким способом вы только настраиваете общественность против себя.

– Не гони порожняк, – презрительно скривил губы небритый. – Гони бабло, ежели сочувствуешь. Твоя тачка заметная, везде найдём.

– Я вызову санитаров? – предложил Паша.

Матвей покачал головой.

– Это не лечится. Идите, мужики, не люблю хамов ни в каком обличье и вам не сочувствую.

– Дунец, врежь ему! – оскалился пацан. – Он же тебя за фрэера держит!

– Ох, не советую, – предупредил, нехорошо улыбаясь, Паша.

– Какая статья УК им светит за порчу имущества? – повернулся к нему Матвей.

– Сто шестьдесят седьмая, – ухмыльнулся Паша. – До двух лет.

Здоровяки снова переглянулись, озадаченные спокойствием клиентов.

– Ты на кого наезжаешь?! – шевельнул каменной челюстью небритый. – Фраер обколотый?!

– Предупреждаю. – Матвей отвернулся и открыл дверцу машины, боковым зрением не выпуская из виду бывших зэков.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Бритоголовый прыгнул на него сбоку, норовя ударить кулачищем по голове.

Небритый достал нож.

Их малолетний напарник метнулся к машине, поднимая с земли обломок бетонной плиты, неведь откуда взявшийся.

Паша, обладавший неплохой реакцией, перехватил парня, отобрал обломок.

Матвей сделал сложное движение, уходя от удара, поймал руку здоровяка, дёрнул его вниз, как бы продолжая движение, и впечатал лбом в ребро дверцы машины, мимолётно подумав: не отломать бы...

Бритоголовый утробно ухнул, упал.

Матвей повернулся к его замершему напарнику, крутанул нож, отнятый у расклеивателя «листовок», особым образом, создавая смертельно опасный веер.

– Рискнёшь, худенький? Или погуляешь ещё пару дней на свободе?

Небритый перевёл взгляд на ворочавшегося на асфальте напарника, спрятал свой «жабокол».

– Хиляем, начальник.

Он помог бритоголовому подняться, Паша отпустил злобно вырывающегося парня, и троица поковыляла прочь, провожаемая взглядами нескольких прохожих, не успевших понять, что произошло.

– Я тебе все шины поколю! – пообещал малолетний кандидат в СИЗО.

Матвей сел в машину. Паша примостился рядом:

– Вот подонки, а?! Покажи ножик.

Матвей отдал ему остро заточенный нож, включил двигатель и не без усилий вывел «Чери» со двора на улицу, размышляя об особенностях «случайных» событий, ведущих к серьёзным

последствиям. Не хотелось думать, что на нём кто-то поставил свою метку негативных инициаций, притягивающую неудачи и беды, но почистить себя от дурных наветов стоило. Ничего случайного в мире «запрещённой реальности» Земли не происходило.

* * *

Вечером он поехал к отцу.

Поход на территорию «сталинской» высотки ничего не дал.

Музыка, которую включал днём таинственный владелец цокольного этажа, слышна не была, хотя жильцы дома, которых удалось опросить экополицейским, утверждали, что похоронный марш играет каждое утро и каждый вечер с семи часов до десяти.

– Приедешь часам к девяти, – дал указание Паше Матвей, – запишешь шумы и заполнишь опросный лист жильцов, нужно иметь хотя бы десятка два фамилий. Утром повторим обследование, вызовем участкового, слесаря и свидетелей, вырежем замок и арестуем аппаратуру.

– А потом? – спросил Редькович.

– Потом заварим дверь сами, повесим предупреждение: «Не снимать! Работает полиция!» Или что-нибудь в этом роде.

– Понял, товарищ капитан, сделаем, – пообещал лейтенант.

Родители, а также братишка с сестрёнкой были дома.

Матвей обнял маму, живо напомнившую ему Диву, потискал Боруту и Лукерью, выслушал их рассказы о школьно-гимназическом бытие, дал пару ценных советов, поужинал вместе со всеми и присоединился к отцу в кабинете, с удивлением обнаружив там Самандара, грезившего с компьютерным визором на голове.

– Профессор? – поднял брови Матвей. – Вы здесь?

Самандар снял выпуклую дугу визора – очков виртуальной реальности, пригладил волосы, глянул на часы.

– Мимо проходил.

– Мне никто не сказал, что вы ждёте. Вместе поужинали бы.

– Я уже перекусил. – Самандар глянул на Котова-старшего. – Иван снова опаздывает?

– Сейчас будет. Что нового?

– Позитивного почти ноль, одни негативы. Как ни старается президент управлять страной в ручном режиме, система ему не подчиняется. Недавно стало известно о новом «подарке» с ядерными отходами из Германии, полученном через Варну и поступившем на завод «Маяк» в Челябинской губернии. Это около ста тонн токсичного высокорadioактивного дерьма!

Василий Никифорович пожал плечами:

– Давно известно, что Россия является единственной страной в мире, руководство которой готово принимать радиоактивное дерьмо со всего света.

– Вот я и думаю, не пора ли заняться нашим киндер-сюрпризом, атомным начальником, господином Корнюшенко? Похоже, у нынешнего президента действительно не хватает сил разрулить ситуацию.

– Артур говорил, что президент серьёзно болен.

– Так пусть уходит, если ничего не может!

– Не кипятись, комиссар, – улыбнулся Василий Никифорович. – Сформулируй предложение, мы обсудим и наметим бандлик. Хотя Корнюшенко – креатура премьера, как и остальные гнойники-министры вроде министров здравоохранения, образования, науки, транспорта и промышленности. Надо начинать с премьера.

– Кстати, Минздрав всё ещё колобродит, несмотря на бегство министра, – сказал Самандар. – Знаете что ещё там придумали для улучшения имиджа? Спустили в медцентры негласное распоряжение не писать анамнез – инфаркт!

– Зачем?

– В этом случае статистика сразу намного улучшается, больных вроде бы как становится меньше.

– Надо убрать всех, кто не внял. Минздрав остаётся чёрной дырой для населения.

– Я бы всё-таки начал с премьера.

– Начинать надо с анарха, – вставил слово Матвей. – С Дубинина. И с его правой руки – Меринова.

Хозяин квартиры и гость оценивающе посмотрели на него.

– Слово не мальчика, но мужа, – сказал Самандар одобрительно. – Мы тоже думаем об этом. К сожалению, силёнок пока не хватает. Я вообще считаю, что после Кипра надо срочно менять базу.

Котов-старший кивнул.

Матвей вопросительно посмотрел на него:

– Почему?

– Стас, – коротко ответил Вахид Тожиевич.

– Что Стас?

– Прошу прощения, но доверять я ему не могу, несмотря на данное им слово. Он хочет играть по своим правилам и убеждениям, подставил нас уже дважды, и что сотворит в следующий раз, никто не знает. Рисковать же, привлекая его к нашим делам, я не хочу. Что, если он предложит свои услуги Комитету 300?

Котов поморщился:

– Это ты уже загнул, Тожиевич. Стас не способен на такое предательство.

– Он пойдёт на любой шаг, чтобы доказать свою исключительность и правоту. Подтверждение сему – его служба на Меринова. Кто знает, где он в данный момент?

Матвей пожал плечами:

– Я не знаю. Уходил он с вами, но в Москве не появлялся и на звонки не отвечает.

– Мы расстались в аэропорту Афин. Он пообещал связаться.

– Не связывался, – качнул головой Василий Никифорович.

– Это плохо. Надо обязательно найти его и поговорить, чтобы знать, на что мы можем рассчитывать с его стороны.

В дверь стукнули, вошёл Парамонов, отпустивший седоватую бородку, превращавшую его в стареющего певца Михайлова.

– Извините, мужики, пробки. – Комиссар пожал руки всем присутствующим, сел рядом с Матвеем. – Как дела, коп?

– Нормально, – отчего-то смутился Матвей.

– Работать не хочет, – проворчал Василий Никифорович без особого осуждения в голосе.

Парамонов улыбнулся:

– Работа не волк...

– Анекдот есть в тему, – хмыкнул Вахид Тожиевич. – Господа, третий день не хочется работать, что бы это значило? Наверно, сегодня среда.

– Пусть увольняется, – посоветовал Парамонов. – Скоро такие события развернутся, что некогда будет вздохнуть.

– Товарищи «чистильщики», – проникновенно сказал Матвей, – можно я сам буду решать, увольняться мне или нет?

– Не груби старшим, – сдвинул брови Василий Никифорович. – Не мы сейчас решаем, что нам делать. В дверь стучится даже не война – *изменение реальности!* Мы все можем просто исчезнуть... вместе с дорогими и близкими людьми.

– И с Россией вообще, – добавил Парамонов.

Матвей внутренне поёжился, вдруг ощутив масштаб грядущих в связи со сбором Комитета 300 перемен.

– Надо определить ему место в комиссариате, – продолжил Иван Терентьевич. – Вахид, что мы можем предложить?

– Поначалу участие в бандлике. Веня Соколов не успевает отрабатывать наши рекомендации.

– Что за бандлик? – поинтересовался Матвей, зная, что под этим термином «чистильщики» имеют в виду не только ликвидацию бандитов, но и вообще операции «Стопкрима».

– Могу дать сводку предполагаемых операций.

– Не рано? – нахмурился Василий Никифорович. – Нам ещё предстоит разбор полётов на Кипре.

– Он был на высоте.

– Но до этого заставил и нас туда отправиться... не сообщая причину своих действий.

– Мы всё равно сами туда ринулись бы, узнав про Сход UnUn. Я считаю, Матвей справился, несмотря на допущенные ошибки, и вполне готов присоединиться к нам. Я прав, капитан?

Матвей выдержал взгляды мужчин, слегка порозовел, чувствуя лёгкую обиду на отца, который предъявлял больше претензий, чем остальные.

– Прошу прощения... за ошибки.

– Это правильный ответ, – благожелательно сказал Парамонов.

– Готов работать на благо справедливого возмездия, – добавил Матвей, тут же заметив неодобрительную морщинку на лбу отца; Василий Никифорович не любил пафосных речей. Но Самандар тоже уловил мину на лице друга.

– К сожалению, в нашей реальности, созданной Монархом Тьмы, никогда не будет работать принцип справедливого воздаяния. Локально разве что, в общем – никогда!

– С чего ты взял? – строптиво осведомился Парамонов.

– Потому что мы внутри – те же тараканы, что и наши предки Блаттоптеры, и управляет нашими поступками генетический комплекс

животного эгоизма: плодитесь и убивайте всех, кто сопротивляется! Разве нет?

– Философ, – укоризненно проворчал Парамонов, – исследователь тараканьих душ! Нам хотя бы мораль не читай.

– Я не вам читаю мораль, парень должен знать всё, что знаем мы. Пройдёмся по планам?

– Валяй.

– Начну с медицины, а точнее, с Министерства здравоохранения.

– Вот с него как раз и не надо, – возразил Иван Терентьевич. – С ним как раз всё понятно, мы его не дочистили, придётся ещё раз проанализировать работу всех департаментов и воздать всем должное. У тебя есть конкретные предложения?

– Я занимался другими вещами.

– Тогда давай опустим этот пункт.

Матвей вопросительно посмотрел на отца, он не знал подробностей работы «чистилища» в области здравоохранения, и Василий Никифорович ответил ему кивком, как бы говоря: «Потом расскажу».

– Мы начали разрабатывать корректымероприятия поблочно, – добавил Иван Терентьевич. – Каждая сфера народного хозяйства России коррумпирована по-разному, хотя управляет процессом единый механизм – российский Союз Неизвестных, опираясь на Купол, который, в свою очередь, использует продажных министров правительства и самого премьера, и он, по нашим данным, является правой рукой Дубинина, анарха российского UnUn. А правой рукой премьера является глава Купола...

– Генеральный прокурор России Меринов, – закончил Самандар, – у которого и служил твой брат. Сферу здравоохранения мы действительно пошерстили, нейтрализовав креатуры премьер-министра, и президент поставил на кое-какие важные посты своих людей. Но практически любая сфера деятельности правительства прогнила сверху донизу, и нам приходится разрабатывать целые цепочки «случайных событий», чтобы ликвидировать самых вороватых чиновников. Возьмём школу. Реформа образования со вводом ЕГЭ привела к колоссальному падению уровня образования в масштабах страны, хотя правительство упрямо докладывает общественности об обратном.

– Я слышал, – неуверенно промямлил Матвей.

– Ты только слышал, а нам приходится расхлёбывать эту кашу. Если реформа продлится дальше и ЕГЭ не отменят, Россия рухнет в яму деградации глубже, чем уже рухнула Европа. Ты должен знать, что там творится: чёрно-голубой беспредел, полное отупление обывателей и беспрекословное подчинение масс командам сверху, через беспрецедентно промытые СМИ, Интернет и соцсети. Франция, к примеру, уже утонула в голубом болоте и агрессивной волне исламских и африканских переселенцев, живущих по своим понятиям. В кильватере идёт Германия. Ещё чуть-чуть, и белых – французов, немцев, итальянцев – перережут. У нас, кстати, начинается то же самое. Но идём дальше. Проблема коррумпированности правительства серьёзнее, чем принято считать. Объявленная премьер-министром во всеуслышание борьба с коррупцией – чистейшей воды профанация! И эту болезнь нам тоже придётся лечить через наши институты. Сам понимаешь какие.

– Понимаю.

– Следующая структура – Министерство внутренних дел. Уволенные, попавшиеся на казнокрадстве генералы не тонут, просто пересаживаются в другие, не менее удобные кресла. Примеры: уволенный после бойни в супермаркете, устроенной майором полиции, начальник столичного ГУВД стал советником правительства Москвы. Начальник Краснодарского ГУВД после трагедии в Кущёвской пересел в кресло гендиректора Красноинвестбанка, и так далее и тому подобное. О прокурорской системе, возглавляемой генпрокурором Мериновым, вообще говорить не приходится. Это главная опора беспредела в России. В стране выращена генерация отморожков, имеющая опыт совершения преступлений, но уверенная в своей безнаказанности. Для наших прокуроров принцип «захотел – сделал» стал руководством к действию, так же как и наплевательское отношение к «быдловскому электорату» и даже к указам президента. В основе их деятельности лежит правоохранительная практика, более сочувствующая преступникам, чем законопослушным гражданам. Исправлять положение надо? Безусловно! Посадили бывшего министра обороны после развала армии и колоссальных финансовых потерь? Не посадили! Он должен остаться в «касте неприкасаемых»? Не должен! Как и его высшие крышеватели.

Теперь о местных царьках – губернаторах, которым хорошо там, где нас нет, продолжающих воровать в особо крупных размерах

и приобретать на ворованное элитное жильё за рубежом. Могу перечислить с десятков фамилий, многие из них на слуху, как губернатор Камчатки, у которого обнаружили миллионы ворованных денег, или губернатор Коми! Мы начали заниматься сферами образования и медицины, но результат пока нулевой. Ульяновская губерния, Красноярский край, Псковская губерния, где закрыли более ста сельских школ и сократили полсотни роддомов, в результате чего подскочила смертность среди новорождённых и матерей. Реагировать надо?

– Короче, Вахид, – хмуро сказал Котов. – Что ты предлагаешь конкретно?

– Пусть поучаствует в бандлике по делу заказного убийства следователя МВД Данилова, выявившего крупные хищения в Московской объединённой электросетевой компании.

Василий Никифорович посмотрел на Парамонова:

– Твоё мнение?

– Не надо засвечивать Матвея в оперативных мероприятиях с ликвидацией. Пусть начнёт с раздачи чёрных меток.

– Кому?

Иван Терентьевич покосился на Самандара:

– Найдёшь?

– Чего долго искать? – пожал плечами Вахид Тожиевич. – Можно начать с предупреждения НКО, финансируемым из-за бугра для «развития демократии» в России. Об этом, между прочим, Артур просил, с подачи президента. А можно проучить всю блядскую цепочку высокопоставленных законников, повязанных между собой делом Шебанковой.

– Той, которую амнистировали недавно? – поинтересовался Парамонов.

– О чём речь? – не выдержал Матвей, заинтригованный новостью. Газет он не читал, да и теленовостные программы смотрел нечасто.

– Алевтина, дочь председателя курского избиркома госпожи Шебанковой, сбила своим джипом двух сестёр Веремеевых и маленького сына старшей Веремеевой. Младшая сестра Валентина и сын старшей погибли, а сама она стала инвалидом. Суд вынес приговор Алевтине Шебанковой – два года колонии-поселения с отсрочкой наказания на двенадцать лет, до тех пор пока сын нарушительницы правил дорожного движения не получит паспорт.

А месяц назад эту даму, не просидевшую в тюрьме ни дня, абсолютно не раскаявшуюся в содеянном, – стоит только посмотреть на её блог, где она буквально издевается над пострадавшими людьми, целуя камеру со словами: «По сторонам смотреть надо!» – амнистировали. Естественно, не без помощи связей старшей Шебанковой.

– Ты успел разработать по этому делу бандлик? – хмыкнул Иван Терентьевич.

– Ну, бандликом назвать акцию трудно, однако цепочку сволочной связи и подстраховки чиновников, судебных и прокурорских органов Курса, оборвать нужно, чтобы другим неповадно было. Наказать эту молодую негодяйку, сбившую женщин и мальчишку, натуральную..., кстати, а также её мать – чиновницу, следователя, прокурора и судью.

– Что ты предлагаешь?

– Уничтожить джип младшей Шебанковой, подкинув чёрную метку. Подбросить в Сеть МВД компромат на старшую Шебанкову, он у меня уже собран. Поломать рёбра следователю и прокурору, подписавшему постановление об амнистии, и отрубить палец судье, который, точнее – которая уже не первое уголовное дело спускает на тормозах, посоветовав ей уволиться из судебного корпуса.

Парамонов исподлобья глянул на Матвея:

– И ты хочешь, чтобы он сделал это один?

– Почему один? Подсоединим орлов Вениамина, я помогу.

– Стоит ли начинать эти акции сейчас, до Схода мирового UnUn?

– А когда их надо начинать? Мир не изменится, человек тоже, властные структуры тем более, и коль уж мы начали работать по-серьёзному, надо работать. Что скажешь, Никифорович?

Котов помолчал. Матвей затаил дыхание, опустив голову как провинившийся школьник. Уши горели. От слов отца зависела если не его судьба, то результат дальнейших действий, а главное – путь этих действий.

– До Схода Комитета осталось всего две с половиной недели, – задумчиво заговорил Василий Никифорович. – Если верить словам Горшина. А не верить нет причин. Чтобы подготовиться к ликвидации этой вредоносной фауны, нам надо не меньше двух недель. Три-четыре дня можно работать по нашим прежним планам. – Котов-старший поднял голову и посмотрел на Матвея в упор. – Потянешь?

Матвей сглотнул, сделал паузу, как это делал отец, поправил ворот рубашки, стараясь выглядеть обыденно.

– Ты считаешь, у меня нет выбора?

– У нас нет выбора, – уточнил Иван Терентьевич.

– Тогда я с вами, – сказал Матвей бесстрастно.

Самандар рассмеялся, встал, тряхнул его за плечо:

– Мне нравится этот парень.

– Пока он не делает ошибок, – ворчливо отозвался Котов-старший.

– Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – возразил Парамонов. – Просто пусть помнит, что цена ошибки в наших делах может стоить ему жизни. Да и нам тоже.

Матвей сжал зубы:

– Если вы мне не верите...

Иван Терентьевич тоже встал, наклонился к нему:

– Если бы мы тебе не верили, этого разговора не было бы.

Ты принял решение?

– Да! – выговорил Матвей занемевшими губами.

Глава 3

Чёрная метка

Алевтина Арнольдовна Шебанкова привыкла жить за чужой счёт с момента окончания элитной школы-гимназии № 95 в Курске. Мать Алевтины Римма Самойловна разошлась с её отцом, когда девочке исполнилось двенадцать лет, и вышла замуж за известного в городе бизнесмена Каспарова, возглавлявшего местную администрацию и устроившего туда же свою жену, ставшую сначала начальником отдела ЖКХ, а потом председателем избиркома.

В элитную гимназию Алевтину без конкурса устроил родной отец. В институт развития предпринимательства, и тоже без конкурса, – отчим.

Однако закончив институт, девушка, успевшая проявить себя «светской львицей», работать не пошла, вышла замуж, родила мальчика, развелась и, получив квартиру в центре Курска, на улице Ленина, ударилась во все тяжкие, меняя партнёров как перчатки.

Случались неприятности, в том числе – кража, употребление наркотиков, участие в гейпарадах с избиением несогласных, драки в ресторанах, но все приводы Алевтины в полицию заканчивались одинаково: мать звонила кому следует, и дочь отпускали.

Затем весной она сбила на шикарном «Порше Кайенн» двух женщин с ребёнком, получила срок, но, выпущенная под залог в миллион рублей (основание – неработающая, с маленьким ребёнком), угодила под амнистию и зажила прежней жизнью, не выразив даже слова сочувствия семье погибших.

В дождливый вечер 8 октября Алевтина с подругой Ираидой, такой же оторвой, как она сама, поехала в ресторан «Дот» на окраине Курска, прославившийся дороговизной и почти ежевечерними разборками молодёжных банд. Поставила джип на стоянку у левого крыла ресторана, построенного в стиле долговременной огневой точки времён Великой Отечественной войны, и проследовала ко входу в «Дот».

В этот момент и подъехал к ресторану кроссовер «Хонда BR-V» вишнёвого цвета, в салоне которого находились Матвей, Вениамин

Соколов и двое крепких парней из его команды.

Из Москвы они выехали в шесть часов вечера, в Курск приехали в начале девятого, сменили номера, дождались сообщения от местных наблюдателей группы сопровождения и поехали к ресторану «Дот».

– Осмотритесь, – сказал командир оперативно-разыскной бригады «Стопкрима», вылезая из машины первым.

Парни вылезли следом, но остались у машины. Соколов и Матвей направились к ресторану. Оба были загримированы: худой, болезненного вида Вениамин стал брюнетом с шапкой выющихся волос, Матвей – блондином с усиками.

Ресторан был разделён на зоны – VIP и эконом-класса. Причём в VIP-зале проводило время гораздо больше гуляющей молодёжи, которую трудно было назвать «золотой», несмотря на их высокопоставленных предков, чем в экономзале.

Разумеется, Алевтина Шебанкова «тусила» в компании таких же, как она, отморожков в VIP-зоне, оборудованной кабинками на два, четыре и шесть мест. Компания в составе пятерых молодых людей и двух девушек заняла самую большую кабинку, а поскольку мест было всего шесть, девушки, одетые, а точнее, раздетые по моде «фри-бикини», восседали на коленях парней, не менее безвкусно одетых, с кричащими тату и причёсками под «стадо павианов».

Матвей никогда не относил себя к «золотой молодёжи», несмотря на семейный достаток и связи отца, и не увлекался молодёжными тусовками, хотя друзья у него были, и все вместе они встречались в середине февраля – в Брянске, где жил душа компании Лёха Шилов, и в середине августа – в подмосковном пансионате «Ягодные места». Но эти встречи проходили без каких-либо эксцессов и криков, весело, но не чересчур, тихо и почти камерно: даже старинные романсы и русские песни советского периода пели без бравурной лихости, хотя и увлечённо, насколько позволяли вокальные данные. Теперь же, глядя на гульбу другой компании, отвязной и хамской, ведущей себя как в хлеву, не обращавшей внимания на других посетителей ресторана, Матвей поймал себя на мысли, что, во-первых, дети высокопоставленных чиновников, за редчайшим исключением, всегда и везде ведут себя как наглецы и хамы, уверенные в своей безнаказанности. Во-вторых, ему вдруг захотелось одним движением бровей заколдовать этих безмозглых отморожков так, чтобы они *никогда* не вели себя беспардонно в общественных местах. Желание

было таким сильным, что он даже испугался, отмахнувшись пальцем возле уха как от нечистой силы.

– Сразу пойдём? – спросил он Соколова, едва сдерживаясь.

– Сядем, – флегматично предложил главный оперативник «Стопкрима», похожий на мальчишку угловатостью фигуры, худобой и взъерошенностью; никто никогда не догадался бы по виду определить в этом человеке мастера рукопашного боя и тонкого аналитика острых ситуаций.

Заняли двухместную кабинку у стены зала, превращённой архитекторами здания и художниками в ряд бойниц с установленными в них муляжами пулемётов «максим». Заказали чай с бутербродами «по-хрущёвски». Посидели десять минут для приличия, вслушиваясь в хохот, мат и вопли резвившихся, вполне взрослых двадцатилетних парней и почти тридцатилетних девиц. Алевтина Шебанкова вела себя ничуть не сдержаннее остальных, залезала на колени к парням, целовалась, пила виски и хохотала так же громко, как и остальные, не чувствуя за собой никакой вины. Это была молодая стерва, воспитанная такой же стервой матерью, и пронять её можно было только неким пугающим действием сродни взрыву гранаты в ухе, и Матвей мимолётно подумал, что на таких людей не действуют не только обычные методы воспитания и положительные примеры, но даже угрозы таких же отморожков, потому что они мысли не допускают о возможности ответного наказания.

– Что предлагаешь? – спросил Соколов.

– Их много... – пробормотал Матвей.

– Страшно? – усмехнулся Вениамин Кириллович.

Матвей смутился:

– Не хотелось бы поднимать бучу.

– Есть предложения?

– Давайте пошлём ей метку с объяснением в конверте, официант передаст, она прочитает...

Соколов кивнул:

– Разумно. Метку можно передать и в конверте, а вот письмо – улика, да и читать она не будет. Соображай.

Матвей пригляделся к сопровождению Шебанковой.

Парни являли собой прекрасный пример пофигистов, имеющих за спиной поддержку чиновничьей структуры, – их отцы, матери, братья и родственники «управляли» городом, что в преломлении

психики парней представлялось как управление всем миром, – и о последствиях своего «отдыха» они не задумывались. Бить им за это морды было бы напрасной тратой времени. Они всё равно не поняли бы, за что их метелят, и в первую очередь побежали бы жаловаться своим родственникам. Даже смотреть на них было *противно*.

– Позвонить? – сказал Матвей.

– Хорошая мысль, – согласился Соколов.

– Но ведь и номер мобильного – улика.

– Для таких звонков существуют одноразовые симки.

Матвей невольно качнул головой:

– Вы всё предусмотрели...

– Не я лично – второй.

Речь шла о комиссаре-2, эту должность в «Стопкриме» занимал Самандар, в то время как отец Матвея был первым.

– Номер её мобильного известен?

– Конечно.

– Кто будет звонить?

– Ты предложил, ты и звони.

Матвей спрашивал, зная ответ, поэтому возражать не стал.

– Давайте номер.

Соколов достал мобильный – старенький смартфон без 3D-экрана, нашёл адрес, коснулся панельки пальцем.

– Её зовут Алевтина Арнольдовна.

– Помню. Надо сначала передать конверт.

Соколов не изменил позы, бросив тихую фразу:

– Парни, запускайте.

Связь с оперативниками группы держали по рациям, замаскированным под гарнитуру новеньких смартфонов, поэтому переговоры всей группы слышал и Матвей.

– Пошли, – донёсся тихий голос в спрятанной в ушной раковине клипсе рации.

В ресторан вошёл небольшого роста, но толстый молодой парень с рюкзаком за плечами, в чёрной курточке и кожаных штанах, оглядел зал с кабинками, подошёл к гуляющей компании.

– Извините, кто из вас Шебанкова?

На него обратил внимание парень, у которого Алевтина сидела на коленях, толкнул её в спину.

– Тебя.

– Чего надо? – спросила молодая женщина, бросив на стол смятую салфетку.

– Велели передать. – Толстяк протянул Алевтине конвертик из плотной белой бумаги.

– Что это?

– Не знаю. Велели отдать вам в руки.

Шебанкова слезла с колен приятеля, взяла конверт.

– Звони, – скомандовал Соколов.

Матвей поднёс трубку к уху.

Алевтина Шебанкова, открывшая к этому моменту конверт и вытащившая оттуда прямоугольничек чёрного картона с вытисненным на нём кинжальчиком, рукоять которого образовывали буквы СК, услышала звон своего мобильного, достала его из сумочки, с недоумением разглядывая метку «Стопкрима».

– Что за хрень?! Да-а? Алё?

– Мадам Шебанкова, то, что вы держите в руке, – чёрная метка общественной организации «Стопкрим», известной ещё как «чистилище», – сказал Матвей с ледяным равнодушием. – Поскольку вы не только не раскаялись в содеянном – в убийстве женщины и ребёнка, – но даже издеваетесь над ними в своём блоге и не намереваетесь платить компенсацию, вы приговариваетесь к серьёзному наказанию. Это предупреждение первое и последнее. Если вы завтра же не явитесь в органы и не пройдёте правовые процедуры – с вами непременно случится несчастье! То же самое объявлено всем вашим защитникам и подельникам – матери, следователю, прокурору и судье.

– Да что за гадские шуточки?! – разъярилась Алевтина. – Кто звонит?!

– Прислушайтесь, пока не поздно. – Матвей выключил телефон, передал смартфон Соколову.

– Хорошо сказал, – похвалил его Вениамин. – Я бы не сказал лучше.

В кабинке с компанией Шебанковой началось оживление. Молодые люди зашумели, хохот усилился, и в этот момент за стенами «Дота» прогремел взрыв. Стены ресторана вздрогнули, посыпались стёкла ближайших к двери окон. В зале установилась пугливая тишина, даже звучавшая до этого момента музыка стихла, затем все посетители

ресторана выскочили из кабинок, бросились к выходу. За ними помчались и собутыльники Шебанковой, крича что-то о «террористах».

– Двинулись, – спокойно сказал Соколов, вставая.

Вышли вместе с испуганными официантами ресторана.

На стоянке перед старинной церковкой горел джип Шебанковой, разбрызгивая огненные капли и смрадные лохмотья дыма. Вокруг него сустились владельцы соседних авто, пытаясь защитить машины от огня и увести их со стоянки. Кто-то кричал, ревели клаксоны автомобилей, проезжавших по улице. Где-то недалеко слышался железный рёв пожарной машины. Однако Матвей отметил, что пострадал только «Порше» Алевтины Шебанковой, и восхитился ювелирной работой взрывников «Стопкрима», сработавших с похвальной точностью.

Поведение спутников Шебанковой было понятно, они испугались показательной акции, а вот её поведение озадачивало. Молодая женщина спокойно стояла в сторонке, смотрела на свою догорающую машину, стоившую немалых денег, и разговаривала по мобильному телефону. Растерянной она не выглядела, зло хмурия тонко подведённые брови.

– Вряд ли она поймёт предупреждение, – усомнился Матвей, усаживаясь в подъехавший кроссовер.

– Похоже, нам придётся ещё раз приезжать в Курск, – согласился Соколов, устраиваясь рядом на заднем сиденье.

– Надеюсь, вы не собираетесь её... мочить?

– Нет.

– Зачем же передавали чёрную метку?

– В принципе вина этой дамы не тянет на вышку, однако наказание должно быть неотвратимым. Как решит комиссариат. А вот старшие её подельники, по сути освободившие преступницу от справедливого возмездия, виновны больше.

– Вы их...

– Нужны более радикальные меры. – Соколов включил рацию. – Афоня, что у вас?

В Курск приехали двенадцать бойцов оперативной бригады, не считая сопровождавших Соколова оперативников, и все они должны были сделать одно и то же – вручить «спасителям» Шебанковой чёрные метки и провести акции устрашения.

– Все на месте, – ответил Соколову командир подразделения, специализирующегося на проведении «мелких» бандликов. – Акции

проведены без сучка и задоринки. Больше всего возились с судьёй, она как чувствовала наш интерес, бегала по всему городу.

– Передали?

– Так точно.

– Свидетели?

– Нет. Джип «Тойота Лендкрузер» – горит, мизинец укоротили, поорала, но поняла.

– Хорошо. – Соколов выключил рацию. – Федя, домой.

Водитель кроссовера, хорошо ориентирующийся в Курске, повернул к мосту через реку Тускарь. Спустя полчаса они были за городом.

Уже в Москве Матвеем сообщили сводку криминальных новостей по Курску, в которых сообщалось, что в городе неизвестные «отморозки» взорвали одновременно пять автомобилей, принадлежащих сотруднику УВД следователю Своеву, прокурору Лившицу, судье Синякиной, председателю горизбиркома Шебанковой и её дочери Алевтине. Всем пятерым были вручены чёрные визитки «Стопкрима» с вытесненными кинжальчиками, после чего прокурору, судье и председателю избиркома были отрублены мизинцы. А в Интернет были сброшены компроматы на всех пятерых, объяснявшие суть необычных наказаний чиновников правопорядка, позволивших уйти от ответственности Алевтине Шебанковой за совершённое ею преступление.

Акция наделала много шума, и в УВД города пообещали сделать всё возможное, чтобы найти самодеятельных «судей и палачей» заработавшего в полной мере «чистилища», деятельность которого в душе поддерживала большая часть населения России.

– Плевали они на закон, – сказал Матвей, прощаясь у дома с Вениамином; его вдруг взяли сомнения, что карательная акция возымеет действие. – У них все повязаны меж собой круговой порукой, крышуют друг друга испокон веков, это система страшнее мафии.

– Посмотрим, – сказал Соколов обещающе. – Мы тоже система.

Только через три дня после этого события Матвей узнал от отца, что курского прокурора Лившица срочно перевели в Магадан, следователь Своев уволился, судья Синякина уехала за границу, в Литву, а на Алевтину Шебанкову повторно завели уголовное дело.

«Стопкрим» начали уважать, хотя и злобно. Во всяком случае, глава Следственного комитета России Вергилий Хомутич заявил,

что сделает всё возможное для ликвидации «террористической организации» «Стопкрим», попирающей законы государства. Читать следовало: «попирающей законы бандитской чиновничьей структуры государства».

Глава 4

Хроники национальной катастрофы

Президент чувствовал себя скверно. Боли в коленях не проходили, несмотря на применение магнито-волновой терапии для лечения артрозов, а к ним ещё добавились боли в сердце. После разговора с советником месячной давности, в котором Артур Владиленович посоветовал Игорю Владиславовичу пройти курс лечения, президент сдал анализы на онкомаркер – ПСА, прошёл полное медицинское обследование и убедился в том, что советник прав: каждая международная встреча отнимала у Игоря Владиславовича много сил, и, как бы ни шутили по этому поводу российские либералы (Артур называл их либерастами), управляемые Западом через так называемые неправительственные организации и фонды развития демократии, на президента оказывалось негативное дистанционное пси-воздействие, сказывающееся на здоровье, на психике прежде всего, провоцирующее заболевания опорно-двигательного аппарата и сердца. Он поздно спохватился, начиная искать методы защиты от воздействия, но теперь хотя бы знал, что его приговорили к ликвидации, спровоцировав неизлечимую болезнь. И хотя рак ему «не всадили», вдруг участились сердечные приступы, начались боли в суставах, и не приходилось сомневаться, что враги научились издали воздействовать на людей, активируя либо усиливая их недуги.

Игорь Владиславович нажал на панели селектора клавишу вызова секретаря, бросил:

– Полчаса ни с кем не соединять, я занят.

– Хорошо, Игорь Владиславович, – ответил пресс-секретарь густым баритоном.

Президент знал его давно, ещё по работе в Иркутске, и этот всегда тщательно выбритый, подтянутый, безукоризненно одевающийся, вежливый человек ему нравился.

Обезболивающее – Игорь Владиславович пользовался вольтареновыми свечами – подействовало через двадцать минут. Стало значительно легче, захотелось сделать если не пробежку по парку, то хотя бы прогулку. Однако он давно не давал себе поблажек,

научившись отдыхать в короткие периоды между рабочими совещаниями, визитами к губернаторам и работой с документацией, поэтому и в нынешний дождливый октябрьский день позволил себе лишь прогулку по кабинету и чашку кофе с ломтиком лайма.

День начался с доклада пресс-секретаря о положении дел внутри страны. Отсеиванием важной информации для президента занимался целый отдел экспертов, после чего пресс-секретарь выделял наиболее важные события и обращал на них внимание шефа.

Потом в десять заявился директор ФСБ Звягинцев с докладом о событиях в Приднестровье. В последние полгода война там на границе с Украиной прекратилась, но неподконтрольные официальному Киеву нацбатальоны «Днепр» и «Азов», переброшенные из-под Донецка в Одесскую область, по-прежнему вели обстрелы пограничных укреплений российских миротворцев, жертвы множились, по большей части среди мирного населения, и надо было эту проблему решать. Кроме того, у главного ведомства, отвечающего за безопасность страны, хватало хлопот с деятельностью боевиков «Исламского государства» на Ближнем Востоке, уже занявшем почти весь Ирак, Ливию, Палестину и половину Сирии, рвущегося к границам Ирана, Саудовской Аравии и устраивающего теракты и диверсии не только в Египте и Турции, но и на территории Узбекистана, Киргизии, Армении и Азербайджана.

Звягинцев сообщил о деятельности российской разведывательно-диверсионной группы «Блиц» в ИГИЛ, уже отличившейся в спасении российских журналистов и ликвидации амиров – особо одиозных полевых командиров бандгосударства из числа наёмников из той же России, и предложил направить группу в Турцию для ликвидации спецподразделения ЦРУ, включающего надсмотрщиков за агентами-вербовщиками, и самого мотиватора, вербующего сторонников для ИГИЛ, в том числе – на территории России.

Конечно, Игорь Владиславович понимал, что нельзя в таких делах надеяться только на мастерство спецслужб, вычислявших в рядах боевиков выходцев из России и уничтожавших их на месте, надо было вводить жёсткий визовый режим со странами СНГ и южными государствами, надо было вести умную политику сдерживания, учить детей в школах и студентов патриотизму без окраса «квасной», работать с вербовщиками и проамериканскими СМИ, идеологами некоммерческих фондов, и так далее и так далее, но президент

не являлся сторонником убудочной толерантности, по сути – программы пси-воздействия на лидеров государств, заставлявшей их лизать задницы американских кукловодов, и дал согласие на отправку группы в Турцию. Опасность усиления ИГИЛ была настолько велика, что колебаться с радикальными мерами противодействия этой стремительно увеличивающейся банде головорезов не стоило. Договориться с ними было невозможно, их надо было просто уничтожать, как стаю всепожирающей саранчи.

Вслед за директором ФСБ на приём напросился председатель «Народного Фронта» Симаков, молодой, энергичный, всегда настроенный по-деловому и тщательно готовивший неожиданные, но весьма полезные предложения. Говорили о борьбе с пропагандой «европейских ценностей» родными СМИ, которых Симаков откровенно называл вражескими, и о тех чиновниках, которые им помогают, поддерживая колонну предателей России. Он же завёл разговор о деятельности таинственного «Стопкрима», заставившего многих чиновников-либералов у власти умерить свои амбиции и пересмотреть политику хозяйственного хаоса, не позволяющую государству стимулировать реальный сектор экономики. Служа глобальному бизнесу против своей же страны, эти либералы реализовывали чужие схемы управления финансами, всё чаще приводящие к банкротству и разорению малых предприятий и целых секторов хозяйства.

Затронул Симаков и тему дискуссии в средствах массовой информации России о возвращении смертной казни. Дискуссия выплеснулась на все виды площадок телевизионных каналов, в ней участвовали как учёные-политологи, психологи и специалисты в области социологии, так и студенты, домохозяйки и писатели. Но больше всех бесновалась по этому поводу аудитория либеральных каналов – РБК, ТНТ, НТВ, Забугорные Вести, а также «Коммерсанта-FM», «Новой газеты» и радиостанции «Ухо Москвы», несмотря на то что её главный редактор недавно погиб от случайного падения на его машину столба-осветителя.

Президент помнил наделавшее шуму происшествие, так как советник признался ему, что смерть Венедикта Горелика была делом рук чистильщиков «Стопкрима», однако говорить собеседнику об этом не стал.

– Да, мне докладывали о ходе расследования, – подтвердил он. – Но ведь это был несчастный случай?

Смутлолицый, скуластый Симаков улыбнулся:

– Говорят, Горелика убрали «чистильщики». Но поскольку радиостанция по-прежнему занимается развращением населения, каждодневно выливая в уши слушателей тонны яда неприятия российской идентичности, «чистильщикам» следовало бы убрать и замов Горелика, отрабатывающих западные деньги, и лоббистов радиостанции в правительстве.

– Вы не слишком агрессивны, Иван Сергеевич? – шевельнул бровью президент.

– Возможно, я перегибаю палку, – не стушевался Симаков, – но реагировать на деятельность вражеских организаций необходимо, чтобы и у нас не грянула какая-нибудь «цветная» революция. Я бы в ближайшее время лишил российского гражданства несколько десятков журналюг и выслал бы в Европу, к примеру, в Чехию, где до сих пор вещает радио «Свобода». Их всех туда возьмут. А тех, кого не возьмут на «Свободу», пристроят на «Голос Америки». Именно такие нытики и разрушили когда-то СССР.

– Вы настолько не любите журналистов? – улыбнулся Игорь Владиславович.

– Не всех, только тех, кто не любит Россию и постоянно обливает её грязью. Но у меня есть и другие предложения, не менее радикальные, но более необходимые. Выслушаете или я пришлю вам записку по электронной почте?

Игорь Владиславович поколебался, глянув на часы, однако решил не обижать председателя НФ, полностью поддерживающего его политику.

– Только покороче, Иван Сергеевич.

– Совсем коротко, Игорь Владиславович, хотя меры это неотложные. Считаю, что нужно срочно обеспечить абсолютную независимость суда во главе с Верховным и Конституционным судом как главного арбитра во всех спорах. Парламент, то бишь Государственная Дума, тоже должен быть независимым и от президента, и от премьера. Надо доработать закон о миграции, который ограничит приток в страну неквалифицированных рабочих кадров. Плюс доработать закон о бесплатном образовании и возврат к старой советской школе с учётом прогрессивного контроля и новаций в этой сфере. Закон о бесплатной медицине расширить. И, наконец, ввести закон о смертной казни убийц с отягчающими обстоятельствами

и торговцев наркотиками! Что бы ни кричали либералы и правозащитники, защищающие преступников с гораздо большим рвением, чем ни в чём не повинных людей, народ не хочет кормить убийц, продолжающих жить в тюрьмах!

Президент покачал головой:

– Вы замахнулись, однако. Такие законы нельзя принимать, не обдумав тщательно последствия.

– Больше семидесяти процентов населения вас поддержит, особенно в части смертной казни.

– Всё равно мы должны работать по этому вопросу в правовом поле, чтобы на нас потом те же либералы-правозащитники не спустили всех собак и не устроили революции. Осенью объявим общероссийский референдум и посмотрим, с чем нам придётся столкнуться.

– Ничего, пробьёмся, Игорь Владиславович, «Народный Фронт» с вами.

– Главное, чтобы он был с народом, – улыбнулся президент. – Остальные ваши предложения оформите как пакет неотложных мер по реформе хозяйства, примите на съезде «Фронта» и предложите для закрепления их законодательно в Думу.

– Будет сделано, Игорь Владиславович. Вообще-то все наши предложения были высказаны и прежнему президенту, но он, к сожалению, почти ничего не реализовал. Да и вообще наделал ошибок.

– Это каких, хотелось бы знать?

– Майдан Украины – его ошибка! Спецслужбы знали о нарастающем бандеровском движении, но ничего не предпринимали! Не надо было ждать, когда в президентах и чиновниках страны проснётся совесть. И войны бы не было! Плюс принятие ЕГЭ! Разве это не ошибка? Колоссальная! Он не видел, к чему это приведёт?

– Не видел, наверно.

– Не верю! А реформа Минздрава?! Рост смертности от этой реформы тоже был не виден? А уничтожение контрафактной продукции как ответ на санкции – не ошибка? Ну, пусть уничтожали бы некачественные продукты, но ведь уничтожали и те, которые можно было бы отдать обездоленным! А они не только уничтожались, но и продавались из-под полы!

Игорь Владиславович засмеялся:

– Полегче, Иван Сергеевич, полегче, президенты – тоже люди и способны ошибаться.

– Но не в таких вопросах!

– Согласен, я пытаюсь их не делать. Всего доброго.

Симаков ушёл, но президент ещё несколько минут не отвечал на звонки, обдумывая слова Ивана Сергеевича, пока в кабинете не появился советник, которого он вызвал на двенадцать часов дня.

Артур Суворов выглядел как всегда подтянутым, внимательным, спокойным и уверенным в себе.

Игорь Владиславович вспомнил рассказ советника о предках человека – Блаттоптера сапиенс, «тараканах разумных», – и невольно улыбнулся: Суворов на таракана не походил никак. Мелькнула мысль – не пошутил ли советник с мифом о «запрещённой реальности», созданной Монархом Тьмы, не проверял ли умственные способности президента? Мысль устыдилась сама себя и тихо скользнула в недоступные даже самому президенту тайники души.

– Хорошо выглядите, Артур Владиленович. – Президент пожал гостью руку, усадил напротив себя.

– Чего не могу сказать о вас, – проговорил Суворов с сожалением. – Что говорят врачи?

– Врачи советуют бросить работу и лечь на месяц в клинику, подлечить сердечно-сосудистую систему. Не говоря уже о колене.

– Лечь на месяц – мудрый совет, – улыбнулся Артур, – особенно если учесть, что вы президент. Алмаг не помог?

– Помог, но артроз зашёл далеко, нужен комплексный план спасения здоровья. К счастью, ПСА в норме, а то я уже запаниковал после ваших слов об активизации рака агентами ЦРУ.

– Я не шутил.

– Верю, но прямых доказательств того, что американцы натренировались дистанционно активировать вирус рака, у меня нет.

– Болезни президентов и премьеров, не следующих в кильватере американской политики, вас не впечатляют?

– Возможно, в этом что-то есть. Но давайте поговорим о делах, а не о моих болезнях. Я только что беседовал с Симаковым, он нарисовал далеко не радужную картину жизни страны. Хотелось бы выслушать ваши соображения, что происходит.

– Я не скажу ничего нового.

– Уверен в обратном.

– Хорошо, попробую, – согласился Артур, подумав, что сегодня же свяжется с Котовым и попросит найти президенту целителя. Нужен был не обычный врач, использующий западные стандарты лечения, а ведический, воспринимающий нарушения здоровья пациента на уровне энергетики, видящий суть и причины заболеваний. О вирусе рака речь, к счастью, не шла, но что-то с Игорем Владиславовичем происходило, внутри сидела какая-то зараза, некий «энергоинформационный вирус», и его надо было срочно удалять.

– Если совсем лаконично, Игорь Владиславович, то у нас почти всё плохо, – собрался он с духом. – Налицо национальная катастрофа, несмотря на эмоциональный подъём народа, удачное импортозамещение, рост самосознания и патриотизма. Мы не поддались кризису, беспрецедентному давлению извне, науськиванию американцев устроить бойню в Украине, Киргизии, Таджикистане, Молдавии, Армении и Прибалтике, вырастили приличную армию, создали мощную оборону, космические войска, но...

– Всё-таки «но», – грустно кивнул президент.

– Чёрная дьявольская система не отступила, а, наоборот, усилила натиск через подконтрольные ей правительственно-чиновничьи структуры. Доля коренного населения России продолжает снижаться, не в последнюю очередь из-за лишения людей социальных гарантий, бесплатной качественной медицины, права на достойно оплачиваемый труд. Катастрофическими темпами идёт латентное замещение русского населения пришлыми этносами. Тихой сапой иностранцам отдаются в аренду на полсотни лет сельскохозяйственные угодья в Сибири, на Дальнем Востоке, в Забайкалье и на Кольском полуострове. Налицо подмена натурального здорового питания импортными эрзац-продуктами, наносящими вред здоровью. Вы этого не знаете?

– Действительно, ничего нового, – вздохнул Игорь Владиславович. – Бьёшься за выживание, как раб на галерах, а результата нет.

– Нужно менять систему.

– На другую такую же?

– На исповедующую справедливость как закон.

– Всеобщая справедливость – утопия, – фыркнул Игорь Владиславович, – миф, как и эта ваша Великая Вещь под названием «Сорок».

Артур усмехнулся:

– Вы так и не поверили, что люди – потомки тараканов?

– Если судить по нашим поступкам – похоже, но мне никто не доказал, что существуют тайные Союзы Неизвестных, МИРы и их Хранители, древние магические сокровища и тому подобное. Воюем мы не с колдунами-магами, а с реальными людьми.

– Управляемыми колдунами.

Игорь Владиславович нахмурился:

– Вы упрямец, Артур Владиленович... хотя я почему-то вам верю. Но давайте закончим бесплодные рассуждения о необходимости улучшения жизни страны. Для этого существуют другие институты. Как вы думаете, какая проблема стоит перед нами в первую голову? Что прогнило до основания и требует вмешательства вашего «чистилища»?

– Оно такое же моё, как и ваше.

– Ну, ладно, не придирайтесь к словам. Никогда не думал, что мне придётся обращаться за помощью к организации, действующей вне закона.

– Во-первых, не вы первый прибегаете к помощи таких организаций. Все Союзы Неизвестных, управляющие миром, или UnUn, как иногда их называют, являются незаконными формированиями. Точнее, они и определяют законы, по которым мы живём. Во-вторых, ваш предшественник тоже понимал пагубность активизации неонацистов и либералов, создав частные военизированные подразделения «Рубеж» и «Возмездие». Теперь они в вашем распоряжении.

– Не зайдём ли мы так далеко, используя их, что, как говорил герой фильма «Собака на сене», самым меньшим наказанием для нас будет плаха?

– Вы боитесь?

Президент покивал каким-то своим невесёлым мыслям, но сказал:

– Нет.

– Тогда прочь сомнения! «Рубеж» и «Возмездие» хороши за рубежом, а «Стопкрим» поможет очистить страну от мусора изнутри. Смертная казнь возвращается неотвратимо, и пусть все подонки на всех уровнях власти знают это! Неужели вы не видите, что в России идёт скрытое выращивание из молодых людей ублюдков, живущих Интернетом и одним днём, готовых на всё? На Украине больше

тридцати лет шёл такой же тихий процесс, воспитавший из молодёжи настоящих неонацистов, пропитанных ненавистью ко всему русскому. Выросло не одно, а целых два поколения нацистов и бандеровцев, мечтающих истребить русских всех до одного и доказать всему миру, что они древнее, главнее и сильнее всех живущих на Земле!

– Древнее? – не понял Игорь Владиславович.

– Вы не слышали откровения украинских историков о том, что это именно укры создали цивилизацию инков и майя, построили египетские пирамиды, Великую Китайскую стену и вырыли Чёрное море?

Президент засмеялся:

– Шутите.

– Ничуть, почитайте украинские учебники истории. Нынешняя Украина – не просто театр абсурда, подчинённый воле заокеанских кукловодов, это глобальный блеф и тотальная ложь! Это ежедневное убийство мирных граждан с иным мировоззрением с молчаливого согласия толпы обывателей с промытыми мозгами и звериного одобрения безумных молодчиков в балаклавах! В две тысячи пятнадцатом году у киевской власти был шанс мирного урегулирования конфликта, но мозгов там как не было, так и нет, да и американским кукловодам мир на Украине невыгоден. Налицо вторая, если уже не третья, волна антироссийской истерии, инспирируемая американцами.

– Джеб Буш...

– Джеб Буш – порождение того же мрака, что и его предшественник Обама и вообще все американцы.

– Я гляжу, вы не только украинцев не любите, но и американскую нацию не меньше, – улыбнулся Игорь Владиславович.

– Да какая это нация? – презрительно сморщился Артур. – Потомки сброда бандитов, воров, насильников и убийц, бежавших от наказания из Европы и всего мира в Северную Америку! Такого тяжелейшего в психическом отношении наследства не имеет ни один земной этнос! Но если после создания частных армий мы можем защищать россиян за рубежом, как не стесняются это делать те же американцы, то кто очистит от скверны Россию изнутри?

– Пушкин, – пошутил Игорь Владиславович.

– То есть никто, – развёл руками Артур. – У финансово-банковской группы есть свои лоббисты в Думе и в правительстве, поэтому наши

банкиры и получают триллионы на поддержку своего ростовщического бизнеса. А у бюджетников, пенсионеров, учителей нет таких лоббистов, и власть спокойно и цинично их обирает, под новыми предложениями увеличивая налоги и стоимость услуг. Вам ли не знать, что очередной налоговый маневр привёл к снижению экспортных пошлин на добычу полезных ископаемых, и в результате мы получили рост стоимости энергоресурсов внутри страны. А ещё удивляемся, почему растёт цена на бензин.

– Я пытался бороться...

– Плохо пытались, Игорь Владиславович, прошу прощения за укор. Премьер-министр доклевал вас, как... – Артур поискал слово, – как коршун воробья.

– Вы... безжалостны, Артур Владиленович, – криво улыбнулся президент.

– Я объективен, и только. – Артур расслабился, обнаружив, что ногти сжатых в кулаки пальцев вонзились в ладонь. – Я не хочу ни с кем воевать, но если придётся – загрызу любого за Россию и российский народ!

– Это я уже понял. Было время, когда я сомневался в вас.

– Надеюсь, оно прошло?

– Я убедился в ваших искренности и опыте. Хотя вы всё равно не растолковали мне до конца суть глобального противостояния в мире.

– Эта суть совершенно проста и однозначна. Мировой Внутренний Круг человечества расплескался на отдельные закрытые зоны под давлением сил тьмы. Комитет 300, или, как принято называть эту организацию с оттенком ёрничества и насмешки, «мировое правительство», «мировая закулиса», а по сути – надгосударственная структура, планетарный Союз Неизвестных – UnUn, стремится к мировому господству и установлению тоталитарного режима Нового Мировопорядка, используя все доступные ей методы и средства.

– Того, в чём запад обвиняет Россию.

– Совершенно верно. До битвы инфарха и Монарха Тьмы мировой UnUn использовал магические возможности эмиссаров и соответствующие практики, сохранявшие силу миллионы лет. Инфарх сбросил Монарха в иные пространства, установив новый глобальный Закон, запрещающий в пространстве Земли магию. Вы следите за мыслью?

– Д-да, – не сразу отозвался слегка ослотивший Игорь Владиславович.

– Но UnUn остался как структура, и устремления этого Комитета не ушли в никуда. Бывший анарх Союза Неизвестных России собрал тридцать семь Великих Вещей, о которых я вам говорил...

– В Киеве.

– К сожалению, мы узнали об этом недавно, что существенно усложнило нашу задачу. Эти Вещи хранятся в МИРе Акарин под Киево-Печерской лаврой. Именно туда собираются прибыть эмиссары Комитета 300, мирового UnUn, чтобы попытаться инициировать Великие Вещи и вернуть магическое оперирование реальностью и людьми под свой контроль.

– Помнится, вы говорили о Кипре.

– Это оказался ложный след. Ходили слухи, что на Кипре прячется Великая Вещь, способная наделить могуществом любого человека.

– Сорок. Её нашли?

– Сорок – легенда, придуманная Хранителями МИРов для направления искателей по ложному следу. Чтобы нейтрализовать Закон забвения магии, установленный служителем светлых сил, инфархом, нужно собрать вместе сорок Великих Вещей.

– Вы сказали, что собрано всего тридцать семь?

– Наш анарх с помощью главы Купола, которым является генеральный прокурор Меринов, я давал вам пакет доказательств, ищет Великие Вещи давно и жаждет стать главой российского UnUn, уничтожив при этом соперника – американский UnUn.

– Хорошая идея, – усмехнулся президент.

– Да, неплохая, если бы не нюансы. Меринов сам желает стать главой Комитета, для чего наметил план ликвидации всех анархов, как чужих, так и своих.

– Ловко!

Артур оценивающе посмотрел на порозовевшее лицо руководителя страны:

– Вы так считаете?

Президент вытер пот на лбу платком, достал таблетку обезболивающего, проглотил, запил водой из графина. Руки его дрожали.

– Я в том смысле, не помочь ли ему?

– Эту идею разрабатывают и наши стратеги в «Стопкриме». Но у них не хватит сил, чтобы устроить в Киеве засаду на весь Комитет. Они даже подготовиться как следует не успеют.

– Каким же образом Меринов собирается устранить конкурентов?

– В его распоряжении мощь всего криминального мира, всего Купола, а главное – вы не поверите – деятели в МВД, ФСБ и Министерстве обороны.

Брови президента прыгнули на лоб.

– Министерство обороны?! ФСБ?! Он что же, хочет развязать войну?!

– Не думаю, глобальная война не в его интересах, но ради достижения абсолютной власти этот человек способен на всё.

– Он не посмеет! Армия не пойдёт за ним!

– Посмеет, и армия ему по большому счёту будет не нужна, достаточно будет пары ракетных полков стратегического назначения. – Артур подумал. – Или всего одной подводной лодки с «Булавами» на борту.

– Не верю! Ни один командир атомохода ему не подчинится.

– Но подчинится министру обороны, способному отдать приказ, а по моим сведениям, нынешний министр с Мериновым в очень хороших отношениях.

– Я сегодня же встречу с ним...

– Не торопитесь, Игорь Владиславович, эту встречу надо тщательно подготовить. Я тоже не верю, что Меринов пойдёт на ядерный удар по Киеву ради своих амбиций, однако наверняка пошлёт туда спецкоманду для решения проблемы. Надо упредить его.

– Как?

– Комиссариат «Стопкрима» намеревается послать на Украину своих бойцов, чтобы не дать анархам UnUn завладеть пороговым кластером Великих Вещей, но «чистильщикам» надо помочь.

– Чем?

– На территории Донбасса сейчас работает разведывательно-диверсионная группа «Штык» из бригады «Возмездия»...

Президент сделал нетерпеливое движение рукой: воинское формирование «Возмездие» было создано ещё прежним президентом, а команда «Штык» была послана на Украину после отказа ООН дать ход делу о преступлениях украинских нацистов и карателей. Игорь Владиславович знал об этом и поддерживал деятельность «Возмездия»,

не имея возможности делать то же самое официальным путём. Группа «Штык», набранная из добровольцев, желающих отомстить карателям за гибель близких и пытки ни в чём не повинных людей, ликвидировала наиболее жестоких полевых командиров СВУ и «Правого сектора».

– Можно переподчинить «Штык» «чистилищу», – закончил Артур.

– Этого будет достаточно? – с сомнением проговорил Игорь Владиславович.

– Можно подсоединить к нашим парням и СДРГ «Блиц» в Турции, которая отстреливает боевиков и вербовщиков ИГИЛ. Ей будет проще проникнуть на территорию Украины через Балканы или открытый американцами коридор из Румынии в Молдавию.

Президент покачал головой:

– Вы всё продумали.

– Не всё, – честно признался Артур. – Но это наш единственный шанс повернуть историю в нужном направлении. Придёт ли к власти американский UnUn или наш, российский, или Купол, что ещё хуже, Россию накроет чёрная дыра сатанинского управления. Вы – единственный президент из ныне существующих на Земле – знаете об этом и можете предотвратить катастрофу.

– А что, если объявить об угрозе во всеуслышание? Нас поддержит «Народный Фронт», коммунисты, ЛДПР, весь народ...

– Не поверят. UnUn существует тысячи лет, информация о его деятельности в форме легенд о масонских ложах то и дело просачивается в СМИ и гуляет по Интернету, и что? Что изменилось? Дьявол специально распускает о себе полуправдивые слухи, создав колоссальный слой мифов и легенд, в которые никто не верит. Но он есть!

На лбу президента выступила испарина. Он выпил ещё полстакана воды. Ему действительно было нехорошо, но думал он не о себе.

– Я большой негодяй, – пробормотал он.

Артур непонимающе посмотрел на него.

– И, может быть, дьявол, а не Бог послал меня на эту дорогу, – продолжил Игорь Владиславович твёрже, – но я пойду по ней до конца.

– Я вас не совсем...

– Читайте О'Генри, Артур Владиленович, – усмехнулся президент. – В его новеллах много поучительного. Эта фраза оттуда. Я дам распоряжение подчинить спецгруппы «Блиц» и «Штык»

«чистильщикам». Но вы будете докладывать мне о происходящем в «Стопкриме» ежедневно.

Артур почтительно склонил голову.

Глава 5

Дива

Он уходил во тьму, высокий, статный, ощутимо сильный, седой, с широко развёрнутыми плечами, и белый плащ развевался за его спиной, как крылья невиданной птицы, оставляя за собой тающий шлейф искр. Вокруг реяли алые молнии, тьма клубилась всё яростней, но он не останавливался, налитый *силой*, которую нельзя было остановить!

Бездна разверзлась перед ним, в ней сверкнули чьи-то узкие красные глаза, грохот прилетел из немыслимых глубин...

Матвей проснулся с неистово колотящимся сердцем, дыша, как после стремительного смертельно опасного бега. Приподнялся на локтях, ловя ртом ночной воздух, лёг, глядя в потолок ничего не видящими глазами.

Этот сон посещал его уже второй раз, но Матвей так и не смог понять, кто уходил во тьму, исполненный величия и силы.

Сначала показалось, что это Тарас Горшин, бывший декарх Внутреннего Круга, помощник инфарха в сфере безопасности; только у него были коротко стриженные седые волосы. Потом пришла мысль, что это сам инфарх – Матвей Соболев, уходящий сражаться с Монархом Тьмы, и чем больше деталей фигуры разворачивала память, тем реальней казалось это предположение.

Где ты, тёзка, чьим именем назвал сына Василий Никифорович Балуев? Почему и куда ушёл? Почему даже твоя дочь не знает, где ты обитаешь?

Матвей встал, всунул ноги в тапочки, прогулялся на кухню, по пути глянув на часы: половина четвёртого, глубокая ночь, – напился брусничного морса и лёг снова.

Мысли свернули к Диве. Она по-прежнему не отзывалась на звонки, как и сам Горшин, и никто из комиссаров «чистилища» не знал, куда улетела или уехала женщина, без которой Матвей уже не видел смысла в жизни. Может, обратилась за помощью к отцу? Больно уж грозные дела разворачивались в «запрещённой реальности»,

требующие вмешательства светлых сил во главе с инфархом. Или она отдыхает вместе с Тарасом в уютном местечке после напряжения на Кипре?

Мысль была неприятной, уколол душу колючкой ревности, но Матвей отбросил её и безжалостно развеял усилием воли. Если бы между Дивой и Тарасом что-то было, она сказала бы об этом. И всё же где ты, дочь инфарха, способная отнять разум у кого угодно, даже у генерального прокурора Меринова?

Матвей улыбнулся. По словам Стаса, Меринов настолько глубоко «запал» на неё, что не мог реально оценивать своё положение и даже попытался силой завлечь Диву на свою подмосковную виллу. Не получилось. Но ведь он мог и повторить атаку?

Матвей сжал кулаки, выдохнул сквозь стиснутые зубы: только попробуй, огрызок тараканьего дьявола!

Расслабился, унимая воображение. Подумал о Стасе: «А ты куда подевался, братец? Обещал не служить анарху и главе Купола, а сам что задумал?»

Мысли свернули ещё раз.

Поездка в Курск не стала напрасной тратой времени. Она научила его пристальнее всматриваться в лица окружающих, оценивать их мысли и желания и точно формировать свою позицию по отношению к тем, кто ни в грош не ставил чужое мнение, а то и жизнь простых людей.

Незаметно для себя он уснул, а проснулся от мурлыканья айкома, лежащего на тумбочке рядом с кроватью. Удивился, отметив время – в шесть часов утра ему звонили редко, – бросил сонным голосом:

– Ответь.

– Доброе утро, капитан, – раздался грудной женский голос, от которого Матвей подскочил, как ужаленный, потому что голос принадлежал Диве.

– Доброе!

– Извини, что звоню рано, мы можем встретиться?

– Ты где?! – чуть не закричал он, спохватился, понизил голос: – Конечно, в любое время. Где? У меня? Ты в Москве?

– Уже в Москве.

– Где была?

– Потом расскажу. Есть такое место недалеко от площади Трёх Вокзалов, Леснорядская аномальная зона, не бывал там?

– Нет.

– Ближайшее метро – «Сокольники» или «Красносельская», но на машине туда не попадёшь. Лучше всего доехать до второй Леснорядской улицы, пересекающей Русаковку, и подняться к зоне по откосу железнодорожной насыпи. Там со всех сторон заборы, пробраться можно только по рельсам.

– Попробую разобраться.

– Я буду в здании бывшей пельменной на краю пустыря. Рельсы там раздваиваются, справа стоят корпуса Сокольнического мелькомбината, слева элеваторы, Николаевский отстойник для пассажирских составов.

– Разберусь, – повторил Матвей.

– Жду к восьми часам. – Связь оборвалась.

Матвей встал, умылся, подсел к компьютеру, чтобы по карте посмотреть местоположение указанной зоны. Это был настоящий пустырь, где не один раз начиналось строительство каких-либо сооружений, но заканчивалось ничем. Как утверждала «Википедия», аномальным пустырь назвали потому, во-первых, что по его территории сами собой перемещались многотонные бетонные блоки, во-вторых, здесь не селились даже самые опустившиеся вокзальные бомжи. Что там делала Дива, да ещё в такую рань, представить было трудно.

Натянув джинсы, кроссовки и куртку с капюшоном, Матвей сел в «Чери» и выехал со двора, автоматически выбрав путь движения от Измайлово до Сокольников.

Было ещё темно, когда он оставил по совету Дивы машину в тупике второй Леснорядской улицы, напротив продуктового магазина, и отправился вдоль бетонного забора справа, накрытого цилиндром колючей проволоки, искать проход к пустырю.

Шёл вдоль забора недолго, обнаружил пролом в стене, проник на территорию зоны и поднялся вверх по откосу железнодорожных путей. Под ногами захрустели пластмассовые шприцы, пакеты, осколки битых бутылок. Запахло карболкой, нашатырём и сырым гудроном.

Территория зоны, несколько гектаров захламлённой до предела земли, практически не освещалась фонарями, и пробираться по ней в темноте – солнце словно и не собиралось вылезать из-под туч на край небосвода – было трудно.

Матвей остановился, попытался сосредоточиться. Нашёл глазами цилиндры элеваторов, повернул правее, перелез через четыре ветки рельсов, обошёл состав, снова остановился. Мелькнула мысль выйти

в ментал, как он делал это в подземельях Крыма и Кипра. Хотелось найти Диву, не прибегая к помощи мобильного и не пользуясь её дополнительными указаниями.

Успокоив дыхание, он расслабился до тихого звона в ушах, представил себе, что смотрит на пустырь сверху, чуть ли не из космоса.

Слева прогромыхал состав, справа далеко заговорил голос дежурного по грузовой станции, но он этого не слышал.

Сфера внечувственного восприятия обняла его со всех сторон.

Он стал видеть не только заборы, вагоны и массивы зданий, но и то, что находилось внутри и за плотными бетонными плитами. Здания стали полупрозрачными, наполнились дымными слабосветящимися струями и огоньками; огоньки являлись мыслепакетами находящихся в зданиях людей, и один из них, похожий на красивую, равномерно взмахивающую крылышками бабочку, привлёк внимание. Мало того что он был красив, он ещё и подмигивал призывно, и пах знакомо, так что сердце отреагировало первым – судорожным толчком в грудь. Не оставалось сомнений, что светилась аура Дивы.

Не выключаясь из состояния экстрасенсорного восприятия, Матвей двинулся в нужном направлении, обошёл экскаватор, застрявший во рву, стоянку самосвалов, и вышел к одноэтажному шатру бывшей пельменной. В окнах неказистого строения (шалман, он и в Африке шалман) не горел свет, но стоило Матвею подойти к двери вплотную, как та со скрипом отворилась, и на пороге появилось привидение: Дива была одета в белый брючный костюм, какой Матвей ещё не видел.

Он остановился, оглушённый вылившейся на него волной тепла, радостного ожидания и нетерпения. Хотел сказать что-то бодрое, весёлое, пошутить про партизан, но Дива вдруг, ни слова не говоря, обняла его, и губы капитана обжёг горячий поцелуй.

Дыхание оборвалось, ноги ослабли, однако внутреннее «я», заметив беспомощность хозяина, взял командование на себя, и Матвей ответил на поцелуй с такой страстью, что Дива, оттолкнув его, засмеялась.

– Ты горяч, Архитектор.

– К-какой архитектор? – не понял он. – Я капитан экополиции...

– Тарас сказал, что ты Архитектор Согласия. А я ему верю.

– Прости...

– За поцелуи не извиняются. Мне не всегда нравятся сдержанные мужчины. – Она взяла его за руку, повела за собой.

Прошли коридор, пустое помещение с грудой коробок, вошли в крохотную комнату без окон, щёлкнул выключатель, под потолком вспыхнул тусклый плафон.

Матвей осмотрелся.

В комнате умещались диван, столик, два стула и холодильник. На одной стене висела реклама пиццы, на соседней – плакат «Кто не курит и не пьёт, тот круглый идиот».

Дива села на диван, шлёпнула ладонью по сиденью.

– Падай.

Матвей сел на стул напротив, всё ещё ощущая на губах мятный вкус поцелуя.

– Что это за притон? И почему ты решила встретиться здесь?

– Выбирай слова, – фыркнула женщина. – На сегодняшний день этот бывший пельменный шалман является самым безопасным местом в Москве.

– Ты в бегах? За тобой гонятся?

– Богатая фантазия. Ещё вариант?

Мысли в голову приходили, но фривольные, тем более что после поцелуя думать не хотелось ни о чём, кроме другого поцелуя.

– Ты хотела проверить...

– Так, теплее. Что именно я хотела проверить?

– Найду я тебя или нет.

Глаза Дивы потемнели, она перестала снисходительно улыбаться.

– Ты... научился... читать мысли?

– Ну-у, не у всех, – попытался он отшутиться. – Иногда угадываю.

– Наша встреча здесь – действительно тест, ты прошёл его. Неужели почуял?

– Ни о каких тестах я не думал. Хотел самостоятельно определить, где ты меня ждёшь, вот и... доплёлся. Ты одна?

– Подожди, давай расставим все точки над «i». Ты в самом деле почувствовал, где я?

– Не сразу, если честно... но увидел... твою ауру.

– Боже мой! Стас всё-таки настроил твою экстрасенсорику, а мы не поверили.

– Стас ничего не настраивал.

– Он признался, что засунул тебя в саркофаг Гастроподов.

– Никто меня не засовывал, я сам туда полез.

– Не суть важно, речь не об этом. Мы с тобой находимся над одним из московских МИРов, предположительно – замка Мирмеков.

– Серьёзно? – удивился он. – Этих... муравьёв?

– Муравьёв разумных, причём вида *Murmesia* – Муравьёв-бульдогов. Это были самые крупные муравьи в те времена, они и в наше время огромны, достигают трёх сантиметров в длину.

– Откуда сведения? Я имею в виду – о МИРе?

– От Борана-воина, нашего друга Хранителя из Новгорода. Сможешь определить точное местонахождение МИРа и подходы к нему? Боран утверждает, что здесь хранится Гхош.

Матвей наморщил лоб, вспоминая рассказы отца.

– Гхош – это...

– Переводчик Необъяснимого. С его помощью можно разговаривать с любым живым существом, с птицами, змеями, насекомыми и даже с деревьями.

– Вспомнил, отец когда-то держал в руках Гхош.

– Я об этом не знала. Попробуешь найти вход в МИР?

На него внезапно напали сомнения.

– Постараюсь, но гарантировать не могу. Если не получится – не взыщите.

– Я могла в тебе ошибиться... один раз... но ты должен справиться!

– Это, – он указал на свои губы, – плата?

– Дурак! – вскочила Дива. – Я... просто...

Матвей сполз со стула на колени, поднял голову, умоляюще прижал руки к груди.

– Прости! Ляпнул не подумав.

Она оценивающе посмотрела на него большими, еще больше потемневшими глазами, внезапно улыбнулась.

– Какой же ты всё-таки мальчишка! – Протянула руки, помогла встать; несколько секунд они стояли вплотную друг к другу, ощущая одинаковое притягивающее тепло, он начал поднимать руки, чтобы обнять любимую, и Дива прошептала жаркими губами: – Не сегодня...

Он глубоко вздохнул, отодвинулся, приобретая привычный официально-внимательный вид. Она не сказала «нет», а её «не сегодня» звучало как «да», но ему и в самом деле некуда было торопиться.

– Я сделаю всё, что нужно.

— Садись, — заторопилась женщина. — Пить хочешь?
В холодильнике есть минералка.

— Давай.

Минералка оказалась с газом, но разгорячённое сердце успокоила.

Матвей уселся на диван, перестав обращать внимание на спутницу, разглядывающую его с повышенным интересом. Отстроился от долетающих снаружи звуков, закрыл глаза, сосредоточился на объединении энергоцентров или чакр, как их называли адепты восточных практик.

Озарение спустилось из глубин космоса бесшумным и невидимым, но ощущаемым световым облаком, расширяя границы тела и объём восприятия. Стены строения стали прозрачными, раздвигая горизонты внечувственного полевого *видения*.

Стали видны другие строения вокруг бывшей пельменной, рельсы, баки, стены, овраги и насыпи, массив мелькомбината, башни элеваторов, цепочки вагонов. Затем сфера восприятия пространства окунулась в землю, и примерно на глубине двухсот метров под железнодорожными путями обозначилась бесформенная пустота, в центре которой тлело кучей головешек некое сооружение, по форме напоминающее ажурный конус.

— Вижу... — прошептал он.

— Что? — вскинулась Дива.

— Конус... метров сто в высоту и больше ста в диаметре... рёбра, балки, ходы...

— Муравьиный замок! Ты нашёл его! К нему можно спуститься?

Матвей начал «разворачивать» фокус «биолокатора», обнаруживая отдельно стоящие чёрные глыбы, не то скалы, не то машины, спустился на дно каверны, где прятался модуль иной реальности, созданный древними инсектами. Пси-зрение качественно отличалось от физического зрения человека, получающего отражённый от предмета свет, поэтому иногда казалось, что воспринимающий контуры объектов мысленный «глаз» физически проникает внутрь каждого, отчего Матвей, боясь «пораниться», шарахался прочь. Однако он уже имел опыт внечувственного восприятия, опускаясь под землю в Крыму и на Кипре, и быстро приспособился к своему положению «призрака», проходящего сквозь стены.

В замок Мирмеков он заглянул лишь один раз, бегло осмотрев центральный зал и трон царя или, может быть, царицы древних

разумных муравьёв; трон светился ярче, что указывало на его энергетическую независимость и никем не нарушенную целостность.

Поиски подходов к МИРу заняли больше времени.

В конце концов он засёк тонкие жилки коридоров и колодцев, объединённых в сеточку пути к пещере с МИРом, и выбрался из глубин земли почти обессиленный, как шахтёр, проработавший всю смену.

Открыл глаза, провожая мысленно гул крови, втягивающийся в сосуды мозга, слабо улыбнулся, обнаружив перед собой лицо Дивы.

– Пей! – протянула она ему стакан с минералкой.

Зубы застучали о край стакана. Холодная струйка протекла по пищеводу живительным ручейком.

– Вкусно...

Дива намочила платок, протёрла ему лицо, села напротив, изучая лицо капитана.

– Рассказывай.

– Замок стоит аккуратно под элеваторами, и к нему можно спуститься через отстойник и заброшенную шахту. Или это не шахта, а колодец, не разобрать, но глубокий.

– Замок живой?

– Светится.

– А Великую Вещь видел?

Он улыбнулся.

– Я же не глазами смотрел. Трон светится ярче, а где там лежит Вещь, то есть Гхош, понять трудно. Отец говорил, что почти все Великие Вещи хранятся в определённых моментах времени. Если Гхош тоже прячется в прошлом, мы его не найдём.

– Всё равно ты молодец! – Губы женщины прошлись по его щеке. – Теперь мы знаем, что МИР уцелел, а если ещё найдём Гхош, сможем опереться сразу на три Вещи, а это уже сила!

– Но ведь магия не работает...

– Порог магического оперирования высок, но преодолим, поэтому и нельзя позволить анархам Комитета 300 собраться вместе и преодолеть этот порог. Представляешь, что будет, если инициация собранных Рыковым Вещей пройдёт успешно, и бывшим магам и колдунам Комитета удастся преодолеть потенциал включения магии?

– Будем пресмыкаться, – криво улыбнулся Матвей.

– Человечеством начнёт управлять безумная чёрная сила, для которой жизнь человека не значит ничего!

– Она же им управляла.

– Что ты имеешь в виду?

– До того как инфарх запретил магическое оперирование, оно было в ходу? То есть нами уже управляли колдуны и маги Союзов Неизвестных? И ничего, мы выжили.

– Кто знает, какой ценой мы выжили. Равновесие удерживал прежний инфарх, также обладавший магической силой. А папа всё это закрыл.

– Выходит, не совсем закрыл, если Комитет 300 пытается реанимировать прежний расклад?

Дива сморщилась:

– Ты задаёшь вопросы, на которые у меня нет ответов. Тебе бы с Тарасом поговорить.

– Где он?

– В Киеве, конечно, готовится встретить делегатов Всемирного конгресса правозащитников.

– Конгресса... правозащитников?

– Так Комитет зашифровал Сход мирового UnUn.

– Отец говорил, что мы отправимся туда в ближайшее время.

– Я присоединюсь к вам, но уже в Киеве.

– Как ты туда доберёшься? Украина разорвала с нами дипотношения.

– Разумеется, я буду добираться кружным путём. Да и вам тоже придётся придумывать способы доставки и легенды для каждого комиссара.

– Тожиевич придумает.

– Но прежде тебе надо найти Стаса. Нас тревожит его исчезновение и молчание.

– В Генпрокуратуре он не появлялся.

– Во-первых, ты не можешь знать это с уверенностью, во-вторых, это ни о чём не говорит.

– Может, он тоже в Киеве? Наши анархи наверняка собираются участвовать в Сходе, а Меринов спит и видит, как он уничтожает мировой UnUn и становится главным.

– Он действительно мечтает о мировом господстве, и сил у него много, да личность мелковата. Не потянет он главенство Комитета. Конечно, его агентура и диверсанты тоже собираются в Киев.

– Надо опередить его.

– Поэтому срочно поговори с отцом, нужна безошибочная стратегия действий в Киеве. Столица Украины будет буквально напигована шпионами всех ведущих стран, СБУ будет хватать всех подозрительных людей, а если учесть, что украинская Служба безопасности находится под управлением ЦРУ, умеющего вычислять вражеских агентов и вообще нелояльных к власти граждан, можно представить, какая вакханалия беззакония будет твориться в Киеве непосредственно перед Сходом.

– Пробраться бы первыми в МИР с Вещами, которые спрятал там Рыков.

– Он точно под Лаврой, которая будет охраняться, как наш Кремль. Но спускаться к нему всё равно придётся, так что на тебя возлагаются большие надежды в поисках подходов к МИРу. Сегодняшний тест подтвердил подозрения Тараса: ты – куколка Архитектора Согласия, хочешь ты этого или нет, и только от тебя будет зависеть судьба мероприятия. – Дива улыбнулась. – Если не судьба человечества.

– Я не бог, – пробормотал Матвей, снова начиная терзаться сомнениями. – И не инфарх. И даже не супермен.

– Ты Матвей Котов, – фыркнула Дива, – а это уже характеристика, бонус, если хочешь. Твоя сила и возможности никому не известны, но ещё отец обратил внимание на тебя, а он смотрел далеко вперёд.

– Я... сделаю... всё, что смогу.

– Постарайся, капитан, мы будем ждать. – Она стала серьёзной. – Я буду ждать.

– А кто ты в иерархии Круга? – перевёл он разговор. – Тарас на Кипре проговорился, назвав тебя Ангелом Света.

– Это ты спроси у него, что он имел в виду. Никакой я не ангел. Двадцать лет жила как и любая другая женщина, вышла замуж... развелась. Потом меня нашёл резидент инфарха...

– Отца?

– Не знаю, кто сейчас инфарх, честно. – Дива прижала кулачок к груди. – Но мне передали метку...

– Надеюсь, не чёрную? – пошутил он.

– Не чёрную, но она помогла мне вспомнить всё, что говорил отец, когда я была совсем маленькая. Короче, можешь смеяться и шутить, но мне самой смешно, что я посланник светлых сил на Земле.

– В этом нет ничего смешного. Хотя у тебя ведь есть какая-то миссия, задание, план?

– Миссия есть, плана нет, задания тоже. Тарас нашёл меня три года назад, с тех пор я ему помогаю.

– А он кто? Отец говорил, что он был декархом Внутреннего Круга и вообще заведовал службой безопасности инфарха.

– Повторяю, тебе надо задать вопросы ему. Сейчас он не декарх, но, может быть, единственный человек, кто может противостоять натиску сил Тьмы.

– Хорошо, я понял. Что мне нужно делать?

– Пока выполняй задания отца. В Киеве увидимся.

– А эту Вещь... Гхош... будем искать?

– Она была бы весьма кстати, но боюсь нам не удастся спуститься в МИР Мирмеков.

– Удастся! – хвастливо объявил Матвей. Увидел сомнения в глазах собеседницы, быстро поправился: – Я сделаю разведрейд и обзаведусь нужным оборудованием: фонарь, верёвка, зажимы, кусачки, то-сё.

– Готовься, я позвоню после обеда. А теперь иди и найди Стаса.

– А ты?

– Я останусь.

Матвей хотел спросить: что она здесь делает, кого ждёт ещё? – но вовремя прикусил язык. Дива обиделась бы. Он не имел права ревновать её ни к кому, а к Тарасу в особенности.

Она поняла его колебания.

Новый поцелуй обжёг губы.

– Иди, капитан, у нас ещё всё впереди.

Поднявшись, он безмолвно шагнул за порог.

Глава 6

«Штык» на мосту

Расположились перед мостом через речку Кальмиус.

Схема операции была понятна, поэтому действовали заученно, быстро, но без спешки, уверенно, понимая своё положение и цель скрытого маневра.

Уже было известно, что майора-разведчика Шинкаря повезут на бронированном американском автомобиле с усиленной подвеской «Форд Ренджер» в сопровождении колёсного английского бронемобиля «Саксон АТ-105».

Эти «Саксоны» подарили Киеву «с барского плеча» англичане, и хотя машины были разработаны в шестидесятых годах прошлого века и давно устарели, морально и технически, да и списаны были из армии Великобритании, всё же представляли собой серьёзную помеху для диверсантов «Возмездия». Броня «Саксона» защищала экипаж от пуль калибра 7,62 миллиметра, он имел танковый пулемёт «КТ-7», устанавливаемый в проёме люка, и вмещал до десяти человек десанта.

– Металлолом, – презрительно отозвался о нём снайпер группы Лось – Фёдор Величко. – Лоханулся штаб ВСУ, забирая эти железяки. На месте военных я бы их не взял.

– Потому что штабники ВСУ – полные кретины, – поддержал Лосю Костя Якимчук по кличке Чук. – Только о своей шкуре и заботятся да о том, чтобы набить карман. А долбанутый народ их слушается.

– Народ не трогай, – проворчал Тимофей Беда, чья фамилия стала и оперативным псевдонимом. – Он не виноват, что им управляют уроды. Да, командир?

– Зомбанутый этот ваш народ. Посмотри на пацанов в балаклавах – чистые упыри без мозгов! Они способны нападать только стаями, трусливые безмозглые твари! Это они убили моего брата! Просто за то, что он заговорил по-русски!

– Спокойно, Федя, – хмуро сказал Чук. – У меня тоже правосеки деда с бабкой замучили за то же самое. Надо понимать, что их науськивают америкосы. Но пацаны в балаклавах – не весь народ. Скажи, командир.

– Я сам из этого народа...

– Отставить трёп, – бросил Ухватов ровным голосом. – У нас у всех здесь родственники, и все кого-нибудь потеряли, у меня тоже маму пытали... – Он помолчал, стиснув зубы, борясь с желанием выругаться. – Я прекрасно отношусь к украинскому народу, но в данный момент этот народ оболванен нацистской идеологией превосходства, русофобии и человеконенавистничества. Кричалки типа «кто не скачет, той москаль» – не его изобретение. Зомбировать молодых националдебилов легко, а обыватели, которым всё равно кого убивать, лишь бы их не трогали, и в Африке обыватели, и в России.

– Может, кто не скачет, тот и москаль, – буркнул Чук, – зато точно кто скачет – тот козёл!

– Всё, прекратили баланду травить, – оборвал его Ухватов. – Работаем.

Рассредоточились вокруг моста согласно схеме операции.

За то время, пока они устраивали позиции, по мосту и вообще по дороге на Орловское проехал лишь один автомобиль – пошарпанный милицейский «уазик», и это позволяло не думать о вариантах, усложняющих обстановку при появлении случайных прохожих или автомашин.

Начало светать.

Заговорила рация Ухватава:

– Кум, кортеж выехал. Объект находится в «Форде», с ним ещё трое, все – американцы. В «Саксоне» четверо, все украинские силовики, водитель – тоже укроп.

– Принял, Деверь. Куда доставить объект?

– Ты не понял приказ, Кум?! Ликвидировать!

– Мы своих не сдаём, Деверь! Получится освободить – освободим!

Рация принесла порцию мата. Ухватов помолчал.

– Вернёшься – пойдёшь под трибунал... Если всё пройдёт тихо, довезёте до Кирилловки и сдадите нашему человеку, кличка Шахтёр. Координаты те же.

Ухватов выглянул из укрытия – он прятался за разбитой трансформаторной будкой, – оглядел мост, кустарник по сторонам дороги, рощицу чахлых берёзок, но никого из своих бойцов не увидел. Позиции они выбрали профессионально, а «оборотни» – костюмы из метаматериала, избирательно отражающего и поглощающего свет, –

вообще делали их практически невидимыми. Тем не менее майор сделал перекличку:

– Лось.

– На месте, – отозвался лейтенант.

Одна из звёздочек на забрале шлема, на который проецировались данные с каждого шлема бойца, мигнула.

– Чук.

– На месте.

– Ю.

– Есть.

– Зур?

– Я, – гортанным голосом откликнулся Захид Гаргаев, чеченец, ещё год назад служивший в охране президента Чечни. Как он попал в бригаду «Возмездие», Ухватов не знал, но парень зарекомендовал себя исключительно мощным рукопашником и ни разу группу не подвёл.

– Кир.

– На месте, – ответил штатный подрывник отряда Алексей Кириллович Шарыгин. – Сюрприз готов.

– Беда.

– На месте.

– Ждать команды!

Звёздочки на забрале шлема дружно мигнули.

Через пятнадцать минут издали прилетел усиливающийся лязг и гул моторов.

– Едут! – доложил Ю.

Местность была открытая, поэтому жёлто-коричневые пятнистые вездеходы были видны издалека. За ними тянулись недлинные хвосты пыли. Первым полз тупорылый «Саксон» с пулемётом на крыше, за ним переваливался с боку на бок «Форд Ренджер» с огромной решёткой бампера и угловатыми бортами.

Бронеавтомобили подошли к мосту, притормозили.

Из «Саксона» вылез ражий мордоворот в казачье-полевой форме Добровольческой Украинской Радикальной Армии, сдвинул фуражку с чёрно-красной кокардой на затылок, огляделся и вразвалочку поднялся на мост.

Ухватов затаил дыхание.

Но разведчик не ждал никаких сюрпризов и ничего подозрительного не заметил. Ему было важно, что мост в исправном состоянии и по нему можно проехать. Попробовав сапожищами прочность настила, он пожурчал с моста в реку и вернулся в английский БТР. «Саксон» взревел, первым выполз на мост, медленно переехал его и остановился. За ним двинулся «Форд».

Однако, если старенький англичанин перебрался на другой берег реки свободно, американцу не было суждено повторить его успех. Точно на середине реки под ним вдруг провалился целый кусок настила – взрыва никто не увидел и не услышал, Кир сделал подрыв с ювелирной точностью, – и «Форд» ухнул мордой в провал, уйдя в него чуть ли не до середины корпуса.

На «Саксоне» откинулся кормовой люк для десантников, оттуда выскочили бойцы первой группы сопровождения, бросились к застрявшему «Форду», дверцы которого справа и слева оказались зажатыми фермами моста.

Ухватов посчитал вылезших из БТР «казаков» ДУРА, кивнул сам себе: выбрались все четверо, в самом броневике остался только водитель.

Подбежавшие к «Форду» боевики батальона «Ганьба» начали размахивать руками, кричать друг на друга и на тех, кто сидел в кабине машины. Попытались вытолкать её из ямы, но только загнали глубже; «Форд» с пассажирами, защитными дугами и усиленной противоминной защитой весил не меньше трёх тонн.

Крик усилился. Боевики заспорили: подогнать ли «Саксон» и попробовать вытащить застрявший вездеход либо бросить его на мосту, пересадив пленного в броневик. Победила вторая точка зрения. С помощью кувалды и ломика выбили заклиненную заднюю дверцу «Форда», помогли сидевшим там американцам и закованному в наручники пленнику вылезти на мост.

Ухватов ещё раз сосчитал всех действующих лиц и бросил в микрофон рации одно слово:

– Упали!

Раздался дружный залп из семи стволов: вооружены бойцы группы были американскими винтовками «М-14» последней модификации, с лазерными прицелами и компьютерной подводкой на цель, а у Лося была винтовка «Баррет М107» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, и ни одна пуля не пропала даром. С воплями боевики

ДУРА и американские коммандос попадали на настил моста, двое из них сорвались в воду.

Пленник, услышав стрельбу, мгновенно сориентировался, присел под защиту «Форда», завертел головой, пытаясь разобраться в происходящем. Он был опытным военным и ждал лишь удобного момента для бегства.

К мосту с четырёх сторон метнулись тающие, смазанные, разбрасывающие мелкие блики «призраки».

Пленник вскочил, бросился к перилам моста, собираясь прыгнуть в воду.

Один из американцев, раненный, но ещё опасно активный, встал на колени, направляя ему в спину ствол такой же «М-14», какими были вооружены и бойцы Ухватова. Раздался выстрел, и майор увидел, как руку американца буквально снесло вместе с винтовкой. Пуля «Баррета», выпущенная Лосем с расстояния всего в три десятка метров, обладавшая колоссальной убойной силой, оторвала руку противника.

Пленник перемахнул через перила моста, нырнул в воду.

Оставались в живых ещё трое сопровождавших его бойцов, но подбежавшие к ним Чук и Зур без жалости добились всех троих.

Зашевелилась вдруг турель пулемёта на «Саксоне». Водитель, сориентировавшись в обстановке, ухитрился незаметно выбраться на крышу броневика через верхний люк и развернуть пулемёт к мосту.

– Алярм! – рявкнул Ухватов, стреляя по «Саксону».

Бойцы сыпанули с моста вслед за пленником, хорошо зная цену промедления.

Ударившая по мосту и «Форду» очередь заставила подскочить несколько трупов, но никого не зацепила. А затем сквозь грохот пулемёта щёлкнул ещё один выстрел: Лось сменил позицию, встал во весь рост и спустил курок.

Очередь оборвалась.

Пуля снайперской винтовки прошла защитный бортик пулемётного гнезда и поразила стрелка.

Наступила тишина.

Пленник вынырнул в пятнадцати метрах от моста, забарахтался, пытаясь грести ногами к берегу, но ему мешали скованные наручниками за спиной руки, и он то и дело скрывался под водой.

– Беда! – крикнул Ухватов.

Сержант, нырнувший с моста первым, ловко бросил винтовку Зуру, в несколько взмахов догнал пленника, помог ему доплыть до низкого топкого берега.

— Кто вы?! — прохрипел заросший рыжеватой щетиной, растрёпанный, со всклоченными седоватыми волосами мужчина лет сорока пяти, у которого под глазом и на скуле лиловели кровоподтёки.

— Свои, — коротко ответил Беда.

— Трупы в воду, — скомандовал Ухватов, отметив, что бой длился ровно четыре минуты. — Садимся в «бэшку».

Приказ исполнили за секунды, заняли места в броневице. Нашли ключ от наручников пленника, сняли с его посиневших запястий.

— Крутим педали назад и сворачиваем на просёлок к Чемалику, оттуда — в Кирилловку.

— Есть, командир, — отозвался Беда, севший за рычаги «Саксона».

— Кто вы? — повторил вопрос успокоившийся пленник, растирая запястья. — Не думал, что доживу до этого момента.

— Кум, — подал руку Ухватов.

— Понятно, работаем втихую. ГРУ или СВР?

— Ни то ни другое.

— Значит, «Возмездие»? — Пленник с любопытством посмотрел на сидевших рядом бойцов группы. — Слышал я о ваших подвигах! Многих сволочей положили. Жаль, большие погоны сбежали за границу. Офигеть можно! Вы-то зачем вмешиваетесь в наши дела?

— Не нравимся? — мрачно осведомился Лось.

— Свои не могут не нравиться. Просто я и в самом деле не ожидал, что меня освободят, да ещё к тому же наёмники. Хотя работаете вы классно!

— Спасибо на добром слове.

— Пробачьте, панове, ежели обидел.

— Мы не кисейные барышни, обойдёмся без благодарностей, — не менее мрачно добавил Чук.

— Отставить балаган! — оборвал бойцов Ухватов. — Не обижайся на них, майор, злые они на сегодняшних укропов, у каждого здесь кто-то погиб. У кого брат, у кого жена, у кого родители. Мы тоже не сильно обрадовались, получив задание спасти чужую жопу. Проще было бы ликвиднуть тебя вместе с сопровождающими на фугасе, видно, не нужен ты кому-то наверху.

– Похоже, что так, – кивнул пленник. – Сдал меня кто-то из наших. Я даже догадываюсь кто.

– Доберёмся до своих – разберись.

– Разберусь. Дайте воды, в горле пересохло, дня три пить и жрать не давали.

– В речке мог бы напиться, – проворчал Лось, но флягу протянул.

Больше не разговаривали.

«Саксон», завывая фрикционами, пёр по дорогам зоны, контролируемой нацбатальонами «Правого сектора», оставляя за собой хвост пыли, миновал какую-то деревушку слева, раздолбанную снарядами и опустевшую ещё в начале первой АТО-кампании, свернул на грунтовую дорогу вдоль берега Кальмиуса и помчался к селу Чемалик, чтобы от него направиться на северо-запад, к селу Кирилловка, где предполагалось сдать освобождённого разведчика ГРУ в руки местного «партизана».

Встречавшиеся автомашины, в том числе и военные, на «Саксон» внимания не обращали, и Ухватов порадовался этому обстоятельству. О бое на мосту командование батальона «Ганьба» ещё не знало, и у группы была фора во времени, хотя и небольшая. Рация в кабине «Саксона» уже не раз выдавала мат и требования радиста сообщить «сотому» о прохождении маршрута, поэтому вскоре следовало ожидать объявления тревоги.

В распоряжении ВСУ в Павлополе и под Мариуполем находились беспилотники, и, не получив сведений о передвижении автоколонны с пленным, командование наверняка должно было подключить к поиску радиотехнические средства обнаружения. И хотя «Саксон» мчался по дорогам «свободного Донбасса» с приличной скоростью, времени у его экипажа на скрытное передвижение оставалось всё меньше и меньше.

Внезапно на стекле вспыхнула красная точка. Ухватов высунулся в люк на крыше, выдвинул антенну и включил рацию.

– Кум, не слышу доклада, – просочился в ухо голос Свата – полковника Будничного, начальника оперативно-диверсионной части.

– Объект освобождён, – спохватился Ухватов. – Едем к месту передачи. Всё под контролем.

– Отбой передаче, переходите на вариант «Б». Добирайтесь к Борисполю и ждите указаний.

Ухватов не сразу сообразил, что от него требуется. План «Б» предусматривал вообще-то возвращение домой со всей возможной поспешностью. Однако на руках у группы был освобождённый майор ГРУ, а с ним переходить границу было рискованно.

– Борисполь? Это же под Киевом...

– Ты меня плохо слышишь, Кум? – холодно осведомился Будничный. – Выходи к аэропорту Борисполь и заглохни до моего приказа. Проводку и обеспечение вам готовят. На весь маршрут до Киева даётся двое суток. Как понял?

– С нами же... э-э, объект, куда его доставить?

– Бросьте к чёртовой матери, пусть сам выбирается.

– Но...

– Выполнять приказ, Кум! – Голос полковника пропал.

Ухватов задумчиво послушал шумы эфира, проговорил про себя: «Твою душу мать!», влез обратно в кабину. Шесть пар глаз скрестили на нём шпаги взглядов.

– Что слышно, командир? – не выдержал Лось.

Ухватов повернулся к бывшему пленнику:

– Майор, ситуация изменилась. Вам придётся добираться до Кирилловки самому.

– Понятно, – кивнул разведчик, не сильно огорчаясь. – А вы?

– У нас другое задание.

– А если я пойду с вами? Кое-чему я обучен.

– Нас ждёт не прогулка по пляжу.

– Понимаю, и всё же... честное слово, не помешаю. Знаю пять языков, умею стрелять и драться. – Спасённый улыбнулся. – А главное, не пьянею, сколько бы ни выпил.

Бойцы группы переглянулись с улыбками, хохотнул Чук:

– Наш человек!

– К тому же я хорошо знаю местность, не один год здесь тусуюсь, а под Киевом в Семёновке у меня живёт двоюродная сестра, у неё можно будет остановиться на какое-то время.

– Где это – Семёновка?

– В трёх километрах от Борисполя.

Ухватов умолк на несколько секунд, взвешивая решение. Последний довод майора был весомее остальных.

– Хорошо, присоединяйся, майор. Как там тебя?

– Захар Геннадиевич, оперативный псевдо – Хохол.

– Одно неперенное условие – беспрекословное подчинение моим приказам.

– Само собой.

– В таком случае начинаем менять диспозицию. Беда, гони броник к водохранилищу, утопим и пойдём дальше.

– Пёхом до Киева? – огорчился Чук. – Это ж километров четыреста с гаком!

– Чего-нибудь придумаем.

«Саксон» свернул на дорогу, ведущую к Павлопольскому водохранилищу.

Глава 7

Церковь спасения

Англиканская Церковь Спасения хотя и была создана в тысяча девятьсот девяносто девятом году как филиал Англиканской же епископальной Церкви, рождённой ещё в седьмом веке, не зря стала в нынешние времена оплотом государственной власти Великобритании, имея почти двадцать миллионов прихожан как в самой Англии, так и по всему свету. Располагался центральный епископат Церкви в графстве Нортумберленд, на северо-востоке Англии, в храме Благих Намерений, построенном ещё в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году зодчим Мерсье в готических традициях. Главным настоятелем храма и главой Церкви Спасения был с две тысячи пятнадцатого года преподобный Фенимор Фредерик Холл. Но мало кто в Англии и вообще в мире знал, что сэр Фенимор Холл является главархом Комитета 300 – надгосударственного института управления человечеством, координатором мирового Сообщества Союзов Неизвестных – UnUn и анархом британского Союза Неизвестных по совместительству.

Утром 10 октября епископ объявил о проведении заседания Синода Церкви Спасения, на котором планировалось обсудить состав делегации на «Мировой конгресс правозащитников», который должен был состояться в Киеве, столице новообращённой Украины.

На самом же деле верхушка британского Союза Неизвестных должна была получить последние инструкции перед киевским Сходом от своего главы и уточнить детали поездки.

Совещание, на котором присутствовали двенадцать иерархов Церкви Спасения во главе с Холлом, состоялось в подземном зале на глубине трёхсот ярдов под храмом, где покоился один из модулей иной реальности, созданный инсектами – родом Аноплюридов^[2].

Хранителем МИРа был легат Безмо, правая рука главарха, перешедший на сторону UnUn после смерти предшественника; Хранители жили долго, по сто пятьдесят и более лет, но и они не были бессмертными.

За время расширения Церкви Спасения (главного инструмента влияния UnUn) по всей Англии – приходы росли как грибы после

дождя – к МИРу Аноплюридов была проложена шахта и пущен лифт, поэтому долго спускаться к подножию замка царицы древних разумных вшей не пришлось.

Замок представлял собой сложное переплетение светящихся пузырей и труб, по форме напоминавшее коровий сычуг. Трудно было представить, что его создавали предки нынешних вшей, паразитов, обитавших под волосатым покровом человека. Геометрия замка ничем не напоминала форму создателей. Но члены британского UnUn давно привыкли к сооружению и никаких эмоций не испытывали, не задумываясь о его происхождении.

Фенимор Холл, вступая в должность главарха, надеялся найти в замке Великую Вещь – «по слухам, Аноплюриды создали Гниду – аппарат для отсоса пси-энергии», однако просчитался. Хранитель Безмо открыл ему тайну: Великую Гниду, она же – Соска и Биобанк, выкрал из замка российский анарх Рыков, и теперь она находилась вместе с другими Великими Вещами в замке Акарин под Киевом.

Главарх, облачённый в чёрную, расшитую серебром далматику, с митрой на голове и крестом на груди, вошёл в зал царицы Аноплюридов первым, прошёлся вокруг саркофага, взошёл на подобие амвона с колонной пюпитра, на котором лежала Библия Второго Пришествия.

Появились легаты, одетые в серо-белые балахоны со множеством деталей, подчёркивающих ранг и сан каждого, встали перед рядом сложенных из камня кресел.

– Слава Спасению! – произнёс Фенимор Фредерик Холл звучным голосом.

– Владыкам слава! – дружно ответили легаты, молодые и старые, с длинными волосами и вовсе без них, но все как один с чисто выбритыми лицами и – за этим следили в особенности – ушами, и так же дружно сели.

– Последние новости всем известны? – задал епископ привычный вопрос.

– Да-а, – раскатисто ответил хор легатов.

– В таком случае помолимся Спасителю, – открыл Библию главарх Комитета.

Легаты закрыли глаза, опустили подбородки, начиная шевелить губами, словно и в самом деле читали молитву.

Саркофаг Аноплюридов за спиной Холла, похожий на пузырчатую, сделанную из янтаря люстру, внезапно усилил свечение. Но это было в порядке вещей: трон царицы Аноплюридов реагировал на биополе собравшихся адептов новой религии, обладавших немалым пси-потенциалом.

Молитва длилась ровно семь минут, согласно традиции. Считалось, что Всемилоостивейший Монарх Тьмы во время второго пришествия ровно за семь минут уничтожит погрязшее в невежестве и грехах человеческое стадо и спасёт самых достойных, имя которым было – золотой миллион.

– Обсудим дела насущные, пастыри душ человеческих, – объявил координатор земного Союза Неизвестных, небольшого роста, сухой, нескладный, с лицом аскета, питавшегося травами и орехами, но с огненным взором, выдержать который мог далеко не каждый. – Все вы отобраны для глобальных деяний во славу Церкви и поедете на Сход Комитета. Что сделано для благополучного достижения цели?

Поднялся легат Монтгомери, глава Йоркширского прихода, сурового вида, смуглолицый, с тонким прямым носом и эспаньолкой.

– Подготовка к Сходу идёт успешно, ваше святейшество. Делегацию планируется доставить в Киев на двух самолётах компании «Люфтганза». Для вас зафрахтован суперджет «Миньон».

– Я полечу вместе с делегацией, – сказал Холл.

– Это неразумно, ваше святейшество...

– Суперджетом отправьте квартирьеров, проследите за секретностью посадки и старта.

– Слушаюсь, ваше святейшество, – справился с замешательством Монтгомери, почтительно поклонился и сел. Он явно был сбит с толку. Но глава Комитета не стал ему при всех объяснять свой замысел. Он знал, что российский и американский анархи готовят покушение на членов других Союзов, чтобы захватить все сорок Великих Вещей, и в Киев надо добираться кружными путями, тайно, чтобы об этом никто не знал. Самолёты легко было сбить, а способов у анархов, несмотря на невозможность магически оперировать реальностью, хватало. Пусть все думают, что епископ Церкви Спасения полетит на Украину на «Миньоне», тогда и станет ясно, готовы ли коллеги к устранению главы Комитета.

– Дойл?

Встал широкоплечий могучий старик с седыми волосами. Легат Орви Бен Дойл возглавлял епископат в Кенте и, по слухам, был прямым родственником писателя Артура Конан Дойла.

– Наши связи с СБУ подтверждены на всех уровнях. С 20 октября в Киеве и его окрестностях, в аэропорту Борисполь и на вокзалах будет объявлен режим усиления контртеррористических мероприятий – для поиска российских шпионов и диверсантов. Наши посланцы уже работают там, всё под контролем.

– Благодарю, Орви. Тэтчер?

Встал благообразный толстяк, заплетавший свои седоватые волосы в косички. В отличие от Дойла, о котором ходили *слухи*, Дэвид Тэтчер и в самом деле был внуком знаменитой «железной леди» Маргарет Тэтчер, много сделавшей для славы Великобритании и её тайных лож.

– Помощник Хранителя МИРа Акарин в Киеве Чемерис найден и допрошен, сведения о его служении российскому анарху Рыкову подтверждены.

– Великие Вещи?

– Находятся в замке Акарин.

– Кто может подтвердить?

– Посол Польши Станислав Штясны, он давно сотрудничает с нами, а также патриарх Украинской автокефальной церкви Амвросий, который также служит нашей Церкви. Он и сдал нам помощника киевского Хранителя.

– Прекрасно, используйте его связи, после чего ликвидируйте, предатели в наших рядах долго не живут, и они опасны. Докладывайте мне о его контактах. Вультон?

Поднялся молодой энергичный прелат, чем-то похожий на смуглолицего Монтгомери, но с хищным крупным носом. Он заведовал разведкой Комитета.

– Святейший, российский анарх разработал план операции по уничтожению американской делегации. Детали плана пока неизвестны, известно лишь то, что для операции российский анарх привлёк российский криминальный союз – Купол, возглавляемый генеральным прокурором России Мериновым. Сведения об этом представили наши агенты. Мы можем предупредить анарха США...

– Не надо, – прервал Вультона Холл. – Сокращение членов Комитета не повредит делу. Пусть бодаются, мы только выиграем от этого. Будет славно, если они перегрызут друг другу глотки.

Монтгомери, разработайте план замены анархов на всякий случай, отберите кандидатуры.

– Будет сделано, – встал и тут же сел на место прелат.

– Тэтчер, ещё раз о Великих Вещах. Вы обещали, что мы получим для инициации весь пакет, то есть сорок. Но в Киевском МИРе только тридцать семь. Где ещё три? Надежда на кипрский Сорок не оправдалась.

– Нас опередили русские, но и они ушли ни с чем.

– Ушли? Разве вход в подземелье не был взорван?

– Разрешите, ваше святейшество? – поднялся Безмо. – С нами работают три Хранителя, и все они сходятся во мнении, что у русских есть проводник. Именно он указал вход под монастырь Лампадисту и вывел оттуда группу русских диверсантов.

– Кто он?

– По слухам, сын одного из русских магистров Внутреннего Круга. В Москву послана спецкоманда, она вычислит этого человека и ликвидирует.

– Ни в коем случае! Он мне нужен живым.

– Слушаюсь, ваше святейшество.

– Но в любом случае нам нужны ещё три артефакта.

– Все они находятся в России: Щит Дхармы, Иерихонская Труба и Трансформатор. Две доступны, третья в поиске.

– Все три должны быть доставлены в Киев к началу Схода.

– Мы приняли необходимые меры.

– Благодарю, пастыри, помолимся, и все свободны.

Присутствующие закрыли глаза, опустили головы, просидели в молчании семь минут и дружно встали.

Глыба саркофага Аноплюридов за спиной главарха снова усилила свечение, отвечая на энергетический всплеск некогда могущественных магов. В нынешние времена они были лишены возможности мысленно воздействовать на людей и мир вокруг, и даже тхабс – способность мгновенно преодолевать большие расстояния, им не подчинялся, но всё же их биопотенциал был высок и питался такой целенаправленной злой волей, какой позавидовали бы и предки людей – Блаттоптеры.

Подождав, пока последние легаты покинут зал царицы Аноплюридов, Фенимор Фредерик Холл обошёл саркофаг, остановился

под выпуклым наростом, имитирующим голову царицы, увенчанную короной и ядовитым шипом, прислушался к своим ощущениям.

По каким-то причинам скелет царицы не был убран из саркофага после необходимых процедур погребения, и Холлу всё время казалось, что царица разумных вшей с ним разговаривает. Так было и на этот раз.

«Приветствую, Мать своих подданных, – мысленно проговорил он, – что скажешь?»

Вздых долетел из усыпальницы, неслышимый, но ощущаемый на уровне тонких полевых вибраций.

«Подскажи ход, чтобы мы победили, – продолжал епископ, – и чтобы я выиграл».

«Не-е-е...» – донеслось из тела саркофага.

Холл задумчиво взгляделся в огненные искорки, ползущие по округлостям и щетинам гробницы, покачал головой.

«Думаешь, не получится? Прежде мы всегда побеждали».

«Не-е-е...» – завибрировал воздух над саркофагом.

«Упрямая тварь! Лучше подсказала бы, где прячешь своё оружие!»

«Не-е-е...» – в третий раз донеслось из глубин сложного янтарно светящегося сооружения.

Холл плюнул, повернулся к нему спиной и поспешил к лифту.

Через полчаса из своей суперсовременной кельи, оборудованной независимым Wi-Fi и спутниковой связью, он позвонил анарху Германии. Двадцать лет назад компьютерная и спутниковая связь ему бы не понадобилась, так как все магистры Комитета владели легкоступом и тхабсом как способами внепространственной связи и мгновенного преодоления пространства. Но те времена прошли, и бывшие маги вынуждены были использовать технику и гаджеты, созданные «обычными» людьми.

В кубе объёмного экрана монитора мигнуло красное колечко, превратилось в птичий глаз; анарх Германии не любил показываться перед абонентами в своём физическом облике, что всегда напрягало Холла. Но виду он не подал:

– Доброе утро, доктор Шнайдер.

– Доброе утро, епископ.

По официальной версии, Шнайдер практиковал в частной евангелистской клинике Мюльхайма, неподалёку от Гамбурга, будучи

её владельцем, а на деле был одним из кандидатов на пост главарха Комитета 300.

— Я знаю, что вы посетите Киев в ближайшее время. Мне хотелось бы встретиться с вами до этого момента.

— Ни капли не возражаю, ваше святейшество, но до отъезда я буду крайне занят и не смогу к вам подъехать. Если хотите, приезжайте вы. В крайнем случае встретимся в Киеве. Вас это устраивает?

Холл выдержал паузу, унимая поднявшийся в душе гнев. Шнайдер откровенно издевался над ним, что было недопустимо в кругу анархов, но UnUn Германии укрепил позиции после снятия санкций с России, и с этим приходилось считаться.

— Я подумаю, доктор. Возможно, мы действительно пересечёмся в Киеве. Однако хочу предупредить.

Птичий глаз мигнул в глубине экрана, как живой.

— Я весь внимание.

— Один из наших коллег задумал резко сократить количество членов Комитета.

Собеседник скрипуче рассмеялся:

— Я даже в курсе, кто именно: русский анарх, Дубинин.

— С небольшим уточнением: на пару с помощником — сыном Рыкова. Оба очень увлекались идеей нейтрализации американского Союза.

— И это мне известно.

— Постарайтесь остаться в стороне от их разборок, а главное — уцелеть.

Новый взрыв скрипучего смеха:

— Я приму все необходимые меры.

— Это будет нелишним. Кстати, на чьей вы стороне?

— На своей, герр епископ. Если вы помните, я возражал против непродуманного введения санкций в отношении России, предложенных американским коллегой, и оказался прав, так как это позволило русским укрепить страну и усилить её защитные рубежи. А вы между прочим поддерживали мисс Кэтрин, после чего Обама, считающий американцев венцом эволюции человечества, и полез на Россию.

Холл пережил двухсекундную вспышку холодного гнева.

Анархом Союза Неизвестных США была женщина, люто ненавидящая всё славянское и русское, и справиться с её креническими идеями превосходства не мог никто.

– Я сделал всё, что мог.

– Знаю и ни за что вас не осуждаю, – отступил Шнайдер. – Благодарю за предупреждение.

– Увидимся в Киеве.

Глаз в кубе экрана мигнул, вспыхнул язычком пламени и растаял.

Холл флегматично пожевал горьковатую подушечку чевспайса, скомандовал компьютеру связать его с Америкой.

Через минуту в глубине экрана соткался из разноцветных лучиков света сложный кристалл с чёрной дыркой посредине. Это был опознавательный символ Кэтрин Блохшильд – анарха американского UnUn. Затем кристалл рассыпался на струи более мелких кристалликов, образовавших сначала радугу, а потом соединившихся в лицо Кэтрин, лобастое, бугристое, с мощными чёрными бровями, толстым носом и слегка вывороченными губами. В отличие от доктора Шнайдера глава американского Союза не пряталась за символы или изображения зверей и птиц. И походила она со своей причёской – жидкие, короткие волосы, свисающие сосульками, оттопыренные уши – больше на мужчину, нежели на женщину. Да и вела себя соответствующим образом, будучи представителем секс-меньшинств.

– Слушаю вас, выше святейшество, – сухо сказала она.

Холл приготовил для встречи пышную фразу, желая отметить ум и энергию «золотой леди», как её уважительно называли коллеги, но глянул на пренебрежительно оттопыренную губу анарха и ограничился короткой фразой:

– Добрый вечер, мисс Блохшильд.

– У нас ночь, – ещё суше заметила «недоженщина». Официально она занимала пост президента американского Фонда поддержки демократии, раскинувшего сеть по всей планете, финансируемого миллиардерами США и спецслужбами, на самом же деле управляла страной и почти половиной стран мира, чьи Союзы Неизвестных подчинялись американскому UnUn. За её спиной стояли практически все самые богатые бизнесмены США, столпы американских банковских систем и магнаты СМИ.

– Прошу прощения, мисс Блохшильд, – смирил гордыню главарх Комитета 300. – Хотел узнать, как идут дела по подготовке... мм-м, встречи в столице Украины.

– Нормально, – сказала анарх.

– Хотелось бы уточнить состав вашей делегации.

– Никаких изменений, ваше святейшество, – качнула головой женщина. – Восемнадцать фигур влияния. Или вы говорите о количестве *всех* необходимых деятелей вместе с группой обслуживания?

– Всех.

– Более пятидесяти.

– Охрана?

– Разумеется, мы побеспокоились об охране. Она входит в указанное количество участников. Почему вас это интересует?

– До меня дошли слухи о предполагаемой попытке... ограничения количества вашей делегации.

Губы Кэтрин Блохшильд искривила презрительная улыбка:

– Русские... я в курсе. Мы позаботимся о том, чтобы они... как это у них говорят? – Собеседница перешла на русский язык: – Остались с носом.

– В связи с этим у меня просьба, дорогая Кэтрин: не устраивайте разборки с русскими до начала Схода. Для инициации запорогового импульса нам потребуются все фигуры влияния. Понимаете, о чём я? Иначе мы не преодолеем энергопорог магической активации Великих Вещей. Потеря любой фигуры недопустима.

– Прекрасно понимаю, преподобный, – надменно изогнула брови женщина. – Предупредите лучше русских. Если они не успокоятся и начнут выяснять отношения, получат надлежащий отпор.

– После Схода.

– Разумеется.

– Предупрежу, мисс Блохшильд. – Холл постарался сохранить невозмутимый вид. – Насколько мне известно, русские наступили вам на мозоль, не так ли? Не нужно было отнимать у них Украину, доктор Шнайдер предупреждал вас, что это плохо кончится. Уже доказано: военный хаос – плохая политика.

– Видно, что вы не бизнесмен, – усмехнулась Кэтрин Блохшильд. – Политика – более доходный бизнес, чем вооружённый грабёж. У нас с русскими ничего личного, только бизнес.

– Это чересчур циничная оценка ваших отношений, – улыбнулся, в свою очередь, Холл.

Анарх нахмурилась:

– Циничность формулы «ничего личного – бизнес» как нельзя лучше описывает циничность человеческой натуры. Не забывайте,

что все мы – потомки тараканов. Хотя русские и считают себя потомками богов.

– А вы кем себя считаете?

– Без комментариев, епископ.

– Всё же вы ошиблись в их реакции, Россия не ослабела после ваших революций, как вы рассчитывали.

– Оставим политику тем, кто её делает. Нами движет чистый практический интерес – власть. Что движет русскими – не знают они сами.

– Мочить в сортире, – усмехнулся Холл.

– Что?!

– Они собираются ликвидировать всех своих врагов, как внешних, так и внутренних. Слышали об их криптокоманде «Стопкрим»?

– Детский лепет.

– Боюсь, вы ошибаетесь. Они практически пробили в парламенте возвращение смертной казни. Это говорит об их возможностях.

– Мы в любой момент можем уничтожить этот негосударственный институт.

– Сомневаюсь. Однако не поддавайтесь на провокации... если таковые случатся. После Схода делайте всё, что сочтёте нужным.

– Спасибо за совет.

– Всего самого доброго.

Изображение головы в объёме монитора исчезло.

– Фак ю! – выговорил главарь Комитета 300 каменными челюстями, глядя на экран.

Тихо прозвонил смартфон.

Холл встрепнулся, глянул на часы, попытался мысленно включить телефон, но у него ничего не вышло. Мыслеволевое оперирование природными процессами и даже гаджетами было по-прежнему недоступно.

«Проклятый инфарх! – привычно подумал епископ без особой злобы, почти равнодушно. – Мы всё равно добьёмся своего!»

Смартфон прозвонил вторично.

– Ответь, – приказал Холл.

– Ваше святейшество, вы просили зайти, – заговорил голосом легата Безмо коммуникатор, давно заменивший все остальные гаджеты.

– Зайди, – сказал Фенимор Фредерик.

Пора было посылать в Киев спецкоманду для зачистки территории предполагаемого Схода.

Часть 2

Путь в «чистилище»

Глава 1

Благие намерения

Решение далось нелегко.

С одной стороны, Стас дал слово комиссарам «Стопкрима» не служить Меринову, к тому же он и сам не хотел выполнять приказы мерзавца, мечтавшего о глобальной власти. С другой стороны, он понимал, что без поддержки, связей, средств и возможностей ничего один не сделает, даже во имя высшей цели, которую он озвучил «чистильщикам» в недрах кипрского МИРа. А поскольку в составе команды «Стопкрима» достигать эту самую цель – ликвидацию в человеке «тараканьих рудиментов», чиновничьего раболепия и гена агрессии – ему не хотелось ещё больше, то после долгих размышлений он-таки решил вернуться в «лоно церкви» – Генпрокуратуры, максимально закамуфлировав свои намерения и обеспечив скрытность присутствия в Москве.

Всё это время он провёл в Подмосковье, в деревне Елифановка, располагавшейся в двадцати километрах от МКАД по Каширскому шоссе. Несколько лет назад один из приятелей, управляющий строительной компании «Ладан», предложил Стасу дом в строящемся дачном посёлке Никитино Поле. Стас отказался поначалу, не видя в приобретении загородного жилья никакой надобности, но после встречи с Мериновым понял, что не известный никому схрон не помешает, и согласился вложить имевшийся капитал в строительство коттеджа.

Теперь у него был свой двухэтажный, скромный по нынешним меркам домик на краю посёлка, рядом с озерцом, и он мог спокойно проводить в нём время, практически не показываясь на глаза другим собственникам особняков.

После возвращения с Кипра Стас и в самом деле намеревался встретиться с комиссарами «Стопкрима» и обсудить степень своего участия в деятельности «чистилища». Однако прошёл день-другой, и желание прошло. Работать под началом Котова, воспитавшего его много лет назад, категорически не хотелось. Стасу нужна была полная свобода для решения собственных задач, и моральные ограничения

«чистильщиков» его не устраивали. Он считал, что для достижения благородной цели хороши все средства, а результат спишет любое несправедное деяние.

На звонки Матвея он не ответил ни разу, постепенно разрабатывая замысел вовлечения брата в свои игры.

Меринов тоже звонил неоднократно, желая выслушать объяснения порученца по особым делам о том, что произошло на Кипре. Стас не отвечал и ему, пока окончательно не просчитал стратегию поведения, находясь между молотом – генпрокурором и наковальней – «чистилищем».

На третий день после своей отсидки в коттедже он сам связался с Мериновым.

– Ты?! – задохнулся от гнева и удивления глава Купола. – Звонишь как ни в чём не бывало?! Это что за номер?! Почему не примчался сразу после кипрского провала?!

– Провал был неизбежен, – спокойно ответил Стас. – Нас переиграли спецслужбы Комитета. Хорошо, что удалось уйти живыми.

– Котов вернулся на второй день, почему ты не прилетел вместе с ним?

– Мы добирались разными путями. К тому же я был ранен. – Ложь сорвалась с языка легко, она была из разряда «во спасение», как считал сам Стас, а для общения с Мериновым годилось всё, что придумал человек в этом плане.

– Ранен?

– Да, пришлось лечиться.

– Ты где? – уже тише спросил генпрокурор.

– За пределами Москвы. Буду у вас после обеда.

– В два часа у меня совещание у президента, собирается Совбез, поэтому подъезжай к семи вечера на виллу.

– Как скажете, Леонард Маратович.

– Сорок нашли?

– Нет, Сорок не существует в природе, нас подставили, но обо всём подробно я сообщу при встрече.

– Жду. – Меринов выключил телефон.

Стас усмехнулся, понимая чувства генпрокурора, привыкшего не считаться ни с чьим мнением, кроме своего, и подумал, что допускать сына Рыкова к главенству в российском UnUn нельзя.

Безбашенный Меринов не станет добиваться консенсуса с другими иерархами Комитета 300 и спокойно развяжет войну, ядерную или климатическую, чтобы только упрочить свою власть.

Без пяти минут семь он въехал на территорию дачи Меринова в Поленове.

Усадьба генерального прокурора занимала два гектара леса и была скрыта от любопытных взглядов высоким четырёхметровым забором, выкрашенным в тёмно-зелёный цвет. Стас бывал здесь неоднократно, поэтому трёхэтажным особняком в стиле хай-тек – зеркальные панели, алюминий, хромированная сталь, цветной кирпич, декоративные панно, колонны, антенны – любоваться не стал, сразу прошёл в холл особняка, пол которого был сделан из хорвирапского чёрного, со светлыми прожилками мрамора.

Его встретил начальник охраны Меринова, огромный сутулый верзила с угрюмым рябым лицом. На поясе верзилы висела кобура с пистолетом.

– Привет, Цератопс, – сказал Стас, не подавая руки. – Шеф у себя?

– Приказано ждать, – буркнул охранник.

– Подожду, – пожал плечами Стас, оглядывая пустой холл, поражающий воображение обилием стекла, зеркал, перегородок-панно и огромных люстр, и направился к дивану, покрытому белой кожей. – Принеси кофе.

Цератопс боднул лбом воздух:

– Я не официант.

Стас обернулся, поднимая брови, глаза его налились мраком.

– Принеси... кофе!

Цератопс мигнул, выпрямляясь, оцепенело шагнул в коридорчик слева. Через три минуты охранник из его команды по имени Дюбель принёс кофе.

– Вот, пейте.

Стас кивнул, разглядывая журнал «Флиртим», сделал движение пальцами, означавшее «пошёл вон», и охранник безмолвно исчез.

Ждать, однако, пришлось долго. Стас уже и кофе выпил, и журнал пролистал, а вызова всё не было. Становилось ясно, что Меринов нарочно тянет время, чтобы гость понял и прочувствовал, кто командует парадом. Месть была детской, и при другом раскладе Стас просто посмеялся бы в душе над чванством сына бывшего анарха (всё-таки личность сына была мельче личности отца), но ему тоже

не хотелось выглядеть мальчишкой для битья, и, подождав сорок минут, Стас бросил журнал на столик и взбежал на второй этаж коттеджа, где располагались спальни и кабинет хозяина.

Цератопс, появившись в холле, лишь проводил его глазами.

Меринов был не один. Напротив него в кресле, обитом чёрной кожей, сидел полковник Семёнов, главный дознаватель Генпрокуратуры, мясистолицый, с мешками под глазами, напоминавший недавно осуждённого европейским Трибуналом президента Украины Порошенко. Оба держали в руках стаканчики с коньяком; Меринов курил, в другой руке держа сигару.

– Котов, – нахмурился Меринов, – я занят.

– В таком случае я завтра приеду, – повернулся к двери Стас.

– Пожалуй, мне пора, – поднялся Семёнов. – Не сомневайтесь, Леонард Маратович, всё будет сделано в лучшем виде.

– Больше никаких сюрпризов!

– Не допущу, босс!

Семёнов допил коньяк, кивнул остановившемуся Стасу и вышел.

– Садись, – кивнул на кресло Меринов, положив сигару в хрустальную пепельницу, изображавшую череп человека. – Коньяк будешь?

– Спасибо, нет.

– Ты знаешь, кто заставил его, – Меринов указал пальцем на закрывшуюся дверь, – отпустить Диву?

Стас знал, что это сделал Горшин, однако сказал:

– Догадываюсь.

– Найди мне этого супермена живого или мёртвого! Лучше живого, хочу познакомиться.

Стас вспомнил пословицу «Не буди лихо, пока спит тихо», усмехнулся.

– Этого человека лучше не трогать.

– Почему? Он кто – царь, президент, бог? Или инфарх? – Последнее слово генпрокурор выговорил с сарказмом.

– Берите выше: он был помощником инфарха по спецоперациям. Даже ваш отец его боялся.

– Горшин! – догадался Меринов, сцепив челюсти и раздув ноздри. – Опять Горшин! Откуда он вылез, из какой преисподней?

– Не знаю.

– Найди мне его, я дам любые средства, любые бабки!

– Он наверняка будет в Киеве, зная о Сходе Комитета.

– Мне туда попасть не удастся, я в чёрных списках СБУ, но ты обязан быть! Теперь рассказывай, что произошло на Кипре.

Стас, давно продумавший легенду о событиях в подземельях Кипра, поведал Меринову историю поисков МИРа под храмом Лампадисту, не преувеличивая своей роли, но и не давая повод усомниться, что он был главным координатором всего процесса. Закончил словами:

– По сути, они меня спасли, так как раненый я не смог бы выбраться оттуда без посторонней помощи.

Меринов недоверчиво покачал головой.

– «Чистильщики» ничего не делают зря. Они на тебя явно сделали расчёт. Какой? Что ты им пообещал?

– Что я присоединюсь к ним, – простодушно признался Стас. – Что бы мы о них ни говорили, люди они искренние и доверчивые. Надо использовать это обстоятельство.

Меринов подозрительно оглядел спокойное лицо Котова.

– Я подумал о возможности твоего перехода на их сторону и... предпринял кое-какие меры. Ждал только твоего появления.

– Меры? – наморщил лоб Стас.

– Гнездо «Стопкрима» необходимо ликвидировать в ближайшее время! Мне надоело то и дело выслушивать рапорты моих парней, что «чистильщики» прищемили им хвост, не давая возможности вести бизнес. Базу они устроили в посёлке Белые Росы, на даче комиссара-два Вахида Самандара. Кстати, эксперта Счётной палаты. Ты знал об этом?

– Что он эксперт СПР?

– Что его дача располагается в семи километрах от МКАД и используется как реперная база воскресшего «чистилища»?

Стас флегматично подумал, что Меринов зря времени не терял и его ищейки вычислили центр управления главными силами противника.

– Что дача Самандара в Белых Росах – знал, что она используется как база – нет.

– Я дам тебе шанс реабилитироваться. Получишь в распоряжение волоколамский СОБР, мэр – мой человек, и не оставишь камня на камне от дачи, не пощадив никого!

– «Стопкрим» нам ещё пригодился бы в Киеве...

– На хрен, я сказал! «Стопкрим» – как шило в заднице, куда ни повернёшься – колет! Не хочу оглядываться, постоянно ожидая удара в спину. Даже Дубинин согласен на акцию с ликвидацией всех «чистильщиков», они и ему дорогу перешли. Это война, милый мой, а в войне все средства хороши.

– И всё же вы спешите.

Меринов ощерился:

– Тебе не кажется странным, что ты их защищаешь? Неужто вспомнил, что был когда-то на их стороне? Совесть заела?

– Совесть – понятие этическое, – всё так же спокойно, с ленивой снисходительностью сказал Стас. – Эта категория психики редко даруется людям. Просто я уверен, что «чистильщики» здорово помогли бы нам в Киеве.

– Ещё раз – нет! Справимся сами. Базу и Самандара уничтожить! А заодно и братца с отцом! Даю на это два дня.

– Я бы справился и без СОБРа.

– Разве твои наёмники не погибли на Кипре?

– Погибли шестеро, но в подразделении ещё двадцать с лишним бойцов, все профессионалы.

– Вот и побереги их для Киева. И ни слова о «чистильщиках» больше, иначе не выйдешь отсюда!

Стас с любопытством посмотрел на лицо генпрокурора, налитое угрозой.

– Надеюсь, вы шутите?

– Кончились шутки. – Меринов повернул голову к двери: – Зайди.

В кабинет вошёл Цератопс, картинно держа руку на кобуре пистолета. За его спиной замаячила фигура охранника в чёрном мундире.

Стас оценивающе посмотрел на громилу снизу вверх, улыбнулся:

– Шурик, дорогой мой, неужели ты всерьёз надеешься меня *остановить*?

Цератопс перевёл взгляд на Меринова.

– Босс?

В то же мгновение Стас сорвался с места, оказался перед Цератопсом, выхватил у него из кобуры пистолет, врезал рукоятью по лбу второго охранника и одним гибким змеиным движением уложил Цератопса лицом в пол, выкрутив руку так, что тот сдавленно охнул, не имея возможности шевельнуться.

Второй охранник, не менее здоровый, чем его непосредственный начальник, закатил глаза и грохнулся на спину в коридор.

Ствол пистолета глянул ошеломлённому прокурору в глаз.

– Видите, Леонард Маратович, как всё может повернуться? – благожелательным тоном проговорил Стас. – Сегодня вы хозяин положения, завтра кто-то другой... если не принять кое-какие меры. А я на всякий случай тоже предпринял меры, со мной пятеро бойцов моей группы, и по первому свистку они будут здесь.

– Э-э-э... – сказал Меринов.

– Понял, конечно, – кивнул Стас, отпуская могучую руку Цератопса, помог ему встать, отдал пистолет. – Извини, Шурик, ничего личного, обычный цирковой трюк. Забирай своего солдата и топайте вниз, охраняйте усадьбу.

Цератопс налившимися кровью глазами глянул на Меринова, уловил кивок и вышел из кабинета.

Стас сел на место, взял со стола ломтик груши, сунул в рот.

– На чём мы остановились, босс?

– Любишь ты понты, – криво усмехнулся генпрокурор.

– Не отрицаю, – согласился Стас, жуя фрукт. – Иногда это даёт нужные результаты. Будем продолжать на оптимистичной ноте или у вас другой настрой?

Меринов дрожащими руками налил себе чуть ли не полный стакан коньяка, выпил залпом. Сунул в рот пол-лимона. Глаза его заблестели.

– Ты не единственный такой крутой.

– Знаю, – снова согласился Стас. – К примеру, младший Котов круче, а вы его бортанули за ненадобностью. Зачем? Парень был бы нам полезен. А теперь он влез в «чистилище» по самые маракасы и к нам не пойдёт ни под каким соусом, придётся продумывать другую легенду. Через него мы бы спокойно нейтрализовали «Стопкрим» без ненужного штурма базы.

Меринов упрямо качнул головой.

– Базу уничтожить! Это окончательное решение. Не захочешь возглавить операцию – подключу спецназ ФСБ. Звягинцев не откажет.

– Дайте на размышления ночь, утром я сообщу о своём решении.

Меринов хотел вспылить (не слишком ли ты возомнил о себе, бывший Воин Закона?), однако вспомнил, с какой лёгкостью спецпорученец справился с охранниками, и передумал:

– Решай быстрее, у тебя всего два-три дня, потом надо будет разбираться с Киевом. Меня беспокоит господин Дубинин. Ты его хорошо знаешь?

– Сволочь изрядная, – усмехнулся Стас. – На него нет никакого компромата, и при этом он держит за яйца всю нашу силовую верхушку, не считая либерастов. Директор ФСБ его кум. Министр внутренних дел консультируется у него как у специалиста-банкира. А дочка министра образования спит с ним.

Меринов дёрнул щекой.

– Кто с ней не спал... по слухам – даже Саакашвили, которого недавно прихлопнули в Одессе местные партизаны. Но я не об этом. Для инициации запорогового импульса магического оперирования нужны сорок Великих Вещей, а в Киеве их тридцать семь. Тем не менее Комитет не отменяет Сход, а Дубинин намекнул, что он знает, где хранятся недостающие три Вещи.

Стас остался невозмутим. Он тоже знал, где можно было захватить две Вещи: Свисток и Щит Дхармы находились у Котовых, отца и сына. Но говорить об этом Меринову было преждевременно.

– Где же?

– Я его понял так, что в МИРах на территории Москвы, где-то под промышленными зонами.

– В Москве до фига таких зон.

– Не до фига, всего чуть больше десятка, мои эксперты прошерстили всю столицу и выдали рекомендации. Тебе придётся побыстрому изучить наиболее перспективные зоны и определить, под какими прячутся МИРЫ. Сможешь это сделать?

Стас хотел сразу отказаться от поручения, но, во-первых, Великие Вещи не помешали бы ему лично, во-вторых, помочь в их поиске мог бы и братец Матвей, обладавший неслабой экстрасенсорикой.

– Какие зоны имеются в виду?

– Медведково, в районе кожгалантерейной фабрики, территория ЗИЛа, Нагатинский Затон, где расположен судоремонтный завод. – Меринов встрепнулся, подсел к компьютеру, вывел на экран текст документа с фотографиями и рисунками. – Вот, смотри.

Стас подошёл к рабочему столу хозяина виллы, с любопытством прочитал список:

– Перово... асфальто-бетонный завод... почему нет? Соколиная Гора, ткацкие фабрики начала века, оборонка... хрен его знает. Южный

порт... Грайвороново, лифты и жиркомбинат... Площадь Трёх Вокзалов, мелькомбинат... Распечатайте. – Стас сел на место. – Чтобы обыскать все эти территории, нужны по крайней мере полк МЧС, огромные средства и месяц времени.

– Средства будут, полка МЧС и времени – нет, обходись своими силами. – Меринов насмешливо скривил губы. – Слабо самому посмотреть под землю, где прячутся МИРы? Чуйка не работает?

– Не работает, – не обиделся Стас. – Вы знаете, что инфаркт перекрыл кислород магам и экстрасенсам. Хотя один человек найдётся, кто может почуять.

– Кто?

– Матвей Котов.

– Опять ты за своё! Брата жалко?

– Как раз не жалко.

– Тогда найди его, он должен быть с нами.

– Он и был с нами, если бы вы его...

– Хватит меня окунять мордой в дерьмо! – рявкнул Меринов, хлопнув ладонью по столу. Просеменил до кресла, рухнул в него так, что оно застонало. – Я не знал, что этот мальчишка экстрасенс. А найти его легко, он наверняка топчется под окнами Дивы. – Меринов фыркнул. – Влюблённый кретин!

Стас промолчал, подумав, что генпрокурор сам был не прочь заняться с Дивой любовью, да не вышло.

– Хорошо, что ещё?

Меринов остыл:

– Ищи Котова, найди Вещи, с ними проще будет диктовать свои условия кому угодно, тому же Дубинину или всему Комитету. Теперь о главном мероприятии. Американская делегация не должна долететь до Киева. Наша тоже. В твоё отсутствие я с экспертами прикинул, что мы можем предпринять. Выслушай и выскажи своё мнение. Глобально можно было бы решить задачу, выпустив по Киеву, по Лавре, всего одну ракету комплекса «Искандер», что стоят в Калининграде или ближе, в Белоруссии. Но тогда мы потеряем все хранящиеся в МИРе Акарин Вещи.

Стас кивнул, соглашаясь. Ему, как и генеральному прокурору, было всё равно, будет ли разрушен Киев или только Киево-Печерская лавра, погибнут или нет жители украинской столицы, а вместе с ними иерархи

мирового UnUn, главное было сохранить могущественные артефакты древних насекомых, способные изменять ткань реальности.

– Поэтому альтернативой этому решению, – продолжал Меринов, увлекаясь, приобретая прежний уверенно-властный вид, – могут стать точечные удары. Первый вариант – сбить самолёт с американской делегацией над Россией. Уже известно, что лететь он будет с Аляски над нашей территорией.

– А если они полетят не на одном, а на двух-трёх самолётах? – полюбопытствовал Стас.

– Мне тоже пришла в голову эта мысль, поэтому вариант с самолётами забракован. Зато нашу делегацию во главе с Дубининым мы сбить сможем. В Могилёвской области Белоруссии начинаются зенитно-ракетные учения ОДКБ, и одна из ракет случайно сожёт наш новенький «М-21».

– Тогда Сход не состоится.

– Он нам и не нужен, нам необходимо добыть тридцать семь Великих Вещей, спрятанных моим отцом в Киеве. Мы сами их иницилируем, здесь, в Москве.

– Как вы собираетесь их переправить в Россию, если нам удастся пройти в МИР под Лаврой?

– Курьерами.

– Курьеров можно настичь и убить.

– Разработать отвлекающий маневр... короче, с доставкой ещё надо покумекать.

Стас сделал вид, что размышляет:

– Логично. Но белорусские ракетчики могут ведь и не сбить наш самолёт?

– На этот случай у нас есть в запасе подлодка в Чёрном море и бомбер «Ту-23» в Крыму.

– Ни подлодка, ни бомбер не специалисты по сбиванию самолётов.

– В таком случае придётся задействовать спецназ ГРУ. – Меринов отхлебнул коньяк прямо из бутылки. – И твою группу. Мочить иерархов в сортире, по одному. Справишься?

Стас выдержал испытующий, угрожающий, полный сомнений и веры, *чёрный* взгляд генпрокурора. Отвечать не хотелось, но он ответил, подстраиваясь под хмельные речи хозяина виллы. Налил коньяку себе, поднял стаканчик:

– За *нашу* победу, босс!

Меринов захохотал, поднимая бутылку. Вряд ли он понял, какой смысл вложил в свой тост Стас, но это уже не имело значения.

Глава 2

Печальное расставание

Пацюк рассвирепел, впервые в жизни. Во всяком случае, в гневе, с красным лицом и расширенными глазами, постоянно вытирающим пот со лба платком, Матвей его никогда не видел.

– С ума сошёл, капитан?! – орал начальник Управления полушёпотом, что выглядело ещё страшнее. – А мне с кем работать прикажешь?! Жалобы сыплются как из рога изобилия, Москва пропахла химией и отбросами, объём работы увеличивается изо дня в день, штат остаётся прежним, сверху требуют отчёты каждый час, а ты – увольняться?! Куда собрался?! Не в бизнесмены случайно? Что продавать будешь? Нефть, газ, золото? Производственные тайны?!

Матвей, стоявший с опущенной головой, положил на стол полковника листок с заявлением.

– Лечиться буду, Викентий Палыч. Здесь всё написано.

– Что?! – Пацюк на мгновение потерял дар речи. – Ты – лечиться?! Бред! Ты же здоров как бык, в соревнованиях участвовал!

– Это всё фасад, – уныло обвёл себя пальцем Матвей, отводя глаза; врать не хотелось, но иных причин уволиться он не видел. – Внутри, как оказалось, я совсем слабый.

– Что у тебя? – понизил тон Пацюк. – Не рак, надеюсь?

– Язвенный простатит.

– Как?

– Ну, это связано с мочевым пузырём.

– Никогда не слышал о язве пузыря.

– Язвенном простатите.

– Какая разница? И что, эта самая язва житья не даёт, работать мешает?

– Ещё как мешает, – вздохнул Матвей, – с утра до вечера о ней думаю. Операцию собираюсь делать.

– Где?

– В Киеве, – ляпнул Матвей, не подумав.

– В Киеве? – удивился начальник Управления. – Почему не в Германии или на худой конец в Израиле?

– В Киеве спецклиника... – На самом деле мысль коснулась МИРа Акарин, торчащего в недрах земли под Киево-Печерской лаврой, однако вслух об этом говорить было нельзя.

– Ну, как знаешь, – мотнул головой Пацюк. – Я бы на твоём месте сорок раз подумал, куда лучше податься (при слове «сорок» Матвей невольно поёжился, вспомнив о сорока Великих Вещах, которые собирался инициировать Комитет 300). У нас тоже есть хорошие урологические центры, больница пятьдесят семь, к примеру, там моего сослуживца оперировали. Давай так: бери отпуск на месяц, лечись и возвращайся. Лучше тебя подчинённых у меня нет.

– Спасибо на добром слове. Боюсь, месяцем не обойтись.

– Бери два, три – сколько нужно, и обратно к нам. Приму с распростёртыми объятиями. Договорились?

Матвей поймал тоскливо-неуверенный взгляд полковника, осознал его переживания и неожиданно для себя самого согласился:

– Хорошо, Викентий Павлович, подпишите отпуск на лечение на два месяца.

– Вот спасибо, капитан! – обрадовался Пацюк. – Прямо бальзам на душу! Сам же понимаешь, кадры у нас пока слабые, неопытные, некого двинуть выше, а дел неувпоровот, город спасать надо, столько мест в столице неухоженных, грязных, опасных.

С этим утверждением Матвей был согласен на все сто. Недавний поход в Леснорядскую промзону у площади Трёх Вокзалов показал, что градоначальник не успевает разгрести завалы в Москве либо вообще не думает об этом.

– Редькович справится, – сказал он. – Парень активный и даже рьяный, многому научился, дайте ему капитана, он землю рыть будет. Да и этот новенький лейтенант Хромов, тоже растёт на глазах.

– Землю рыть нам без надобности, – отмахнулся Пацюк, – и тебя лейтенант не заменит, но потерпим. Давай, вырезай свои болячки и возвращайся.

Так Матвей добыл себе как минимум двухмесячную свободу от забот о санитарном благополучии Москвы, хотя не был уверен, что захочет остаться служить в санитарно-экологической полиции столицы.

Возле здания центра СЭП никто к его машине не подошёл. Скорее всего громилы-вымогатели, промышлявшие модным видом автомобильного рэкета – с помощью просьб-угроз заплатить

за непричинение ущерба автомобилю, получив хороший урок от него, сменили район «службы». В то, что они вообще перестанут бандитствовать, Матвей не верил.

Дома он больше часа наводил порядок – прятал в шкафы мундиры, штаны, рубашки с нашивками герба России и символикой СЭП, полюбовался на Свисток, не представляя, как эта маленькая свистулька может развернуться в Великую Вещь – Иерихонскую Трубу, и наконец позвонил Диве.

– Готов к походу, – доложил он. – Взял двухмесячный отпуск на лечение.

– Отлично, – с заминкой ответила девушка озабоченным тоном. – Встречаемся сегодня вечером там же, в бывшей пельменной.

– Оттуда к элеваторам идти далековато, предлагаю другой вариант: я заберу тебя, где скажешь и когда скажешь, и мы подъедем вплотную к нужному месту.

– Согласна, буду ждать в десять вечера у Юракадемии. Ты уверен, что найдём вход?

– Зуб даю, – пообещал он легкомысленно. – Я буду во всеоружии, возьму с собой все необходимые инструменты.

– Взрывчатку тоже?

– Взрывчатка не понадобится. Если МИР в рабочем состоянии и обслуживается Хранителем, тот должен к нему как-то спускаться. Не взрывать же проход каждый раз?

– Логично, жду в десять. Стасу звонил?

– Не отвечает оруженосец. Хотя телефон явно включён.

– Есть веские основания утверждать, что он снова с Мериновым.

– Он же слово давал! – вырвалось у Матвея.

– Бог дал, бог взял, – рассмеялась Дива. – Твой брат до сих пор считает себя Воином Закона, не подчиняющимся никаким законам. Он очень опасен. Не понимаю, почему твой отец и Вахид Тожиевич поверили ему.

– Лучше поверить и ошибиться, чем не поверить... и ошибиться!

– Это чисто мужская логика.

– Женская лучше?

– Не лучше, но креативней. До встречи, капитан.

Матвей посмотрел на замолчавший смартфон и подумал, что жить с Дивой, если она согласится выйти за него замуж, будет непросто. Дочь инфарха привыкла опираться не только на свой опыт

и мироощущение, но и на колоссальную мощь и возможности отца, контролирующего «запрещённую реальность» Земли, а такие возможности всегда накладывают отпечаток на психику детей, порождая в них ощущение вседозволенности.

Господи, пусть я ошибусь!

Впрочем, пришла ещё одна мысль: ты недалеко от неё ушёл, дружок, глубоко в душе считая себя непогрешимым. Бывало такое? Не раз! Вот и не приклеивай ярлыки, тем более что Дива не давала повода думать о ней как о взбалмошной особе. Кстати, она старше тебя на семь лет и была замужем. Спросить напрямую – кем был её муж?

«Дурак!» – пришла третья, самая трезвая мысль.

Матвей согласно кивнул головой и набрал номер отца.

– Ты далеко? – спросил Василий Никифорович.

– Дома, собираюсь, – сообщил Матвей. – Взял неоплачиваемый отпуск на лечение на два месяца. Точнее, Пацюк уговорил взять.

– Зря взял, надо было увольняться. Звонил Артур, предложил тебе работу посерьёзней, да и для нас полезней.

– Артур?

– Суворов, советник президента.

– Я не уверен, что соглашусь.

– Выслушай сначала. Хотя давай не по телефону. Сможешь приехать на базу? Мы с Вахидом решаем кое-какие задачи, нужна ещё одна светлая голова.

Неожиданная фраза отца о «светлой голове» произвела хорошее впечатление, вертевшиеся на языке возражения растаяли.

– Пап, моих накоплений хватит ровно на два месяца, ты знаешь размер зарплаты экополиции.

– Разберёмся, без средств не останешься.

– Буду через час.

– Ждём.

База «Стопкрима» располагалась на даче Самандара, которую хозяин оснастил по периметру телекамерами и датчиками движения, расширил подвал основного коттеджа и расчистил запасный выезд со стороны Дмитровского парка, а также установил на дороге скрытые подъёмники, в случае необходимости перекрывающие дорогу поднимающимися плитами. После известных событий с охотой на «чистилище», объявленной МВД и ФСБ, комиссары решили было перенести центр управления в более надёжное место,

так как компьютерный комплекс МГУ на Воробьёвых горах, где располагалось ситуационно-аналитическое подразделение «Стопкрима», не представлялся таковым, и дача Вахида Тожиевича продолжала играть роль главной базы.

Матвей подъехал к даче в час дня, отметив на себе взгляд одной из телекамер. В последнее время его интуиция начала работать как антирадар, ловя сигналы полицейских радаров и телекамер, и это капитана радовало. После похода со Стасом в МИР под скалами Крыма, где трон царя Гастроподов что-то проделал с его психикой, «подкорректировал нервные связи», как сказал Стас, проснувшаяся экстрасенсорная сфера Матвея то и дело преподносила ему сюрпризы, что иногда вызывало неприятие и страх, но чаще – удивление и восторг. Мелкие же открытия типа «антирадарного зрения» переставали восприниматься как нечто необычное, несвойственное нормальному человеку.

Машину пропустили, как только «Чери» остановился перед воротами, открывающимися автоматически. Дачу охраняло частное охранное предприятие «Дом», укомплектованное бывшими оперативниками спецслужб, полностью перешедшее на сторону «Стопкрима». Комиссар-четыре Синельников постарался снабдить команду всем необходимым, и при нужде она вполне могла отбить атаку спецбатальона МВД.

Отца Матвей обнаружил в кабинете хозяина дачи.

Оба сидели перед кубом объёмного монитора, изучая какие-то схемы и тексты. В кабинете пахло сигарами, хотя ни гость, ни хозяин не курили, и кофе.

– Травку покуриваете? – пошутил Матвей. – Или у вас кто-то был курящий?

Две головы повернулись к нему.

– Сигарами пахнет, – пояснил он в ответ на удивлённые взгляды. – Иван Захарович заходил?

– Ну и нюх у тебя, – проворчал Вахид Тожиевич. – В последний раз в этой комнате курили лет семь назад. Иван Захарович заходил, но тоже предпочитает здоровый образ жизни.

– Я чую запах.

– Мы на это рассчитываем, – проворчал Котов-старший, беря со стола чашку с остывшим кофе. – Стас сделал доброе дело, сунув тебя в саркофаг Гастроподов, хотя вряд ли делал это с благородной

целью. Твоё участие в предстоящей операции гарантирует шанс добиться успеха.

– Вы над этим маракуете? – кивнул Матвей на экран.

– Утрясаем план приоритетных бандликов.

Матвей сел на диван.

– Могу подсказать темы.

Самандар встал, потянулся, направился к двери со словами:

– Кофе принести?

– Сам могу сварить, – привстал Матвей.

– Сиди, принесу.

Дверь бесшумно открылась и закрылась, хотя при этом Матвей уловил тонкий ментальный писк: дверь кабинета, утолщённую бронепанелью, контролировали датчики движения с опознающим эффектом. Проникнуть в кабинет Самандара никто не смог бы даже при незапертой двери, не обладая чип-ключом или вшитой в тело симкой; ключ Матвей носил всегда в потайном кармашке брюк.

– Что нового? – поинтересовался Василий Никифорович.

– Стас молчит. Дива подозревает, что он снова начал работать на Меринова.

– Это возможно. Вахид утверждает то же самое. Его видели в Генпрокуратуре.

– Почему же он не отвечает на звонки?

– Ведёт свою игру.

– Хорошо, если бы сообщил нам, какую.

Матвей шмыгнул носом, подумав, что на него ложится новая ответственность, хотел спросить, что будет, если он не оправдает доверия отца, но вслух сказал бодрое:

– Приложу все силы.

Вошёл Самандар с подносом, на котором стояли три дымящиеся чашки кофе и сухари с изюмом.

– Прошу прощения, секретаря у меня нету, а кофемашину установить в кабинете руки не доходят.

Матвей взял чашку, пробормотав спасибо, отхлебнул.

– Кенийский... мой любимый.

Самандар оценивающе глянул на него:

– Как определил?

– Да просто... вкус... запах... кенийский чуть кислее бразильского и аргентинского.

– Ты и другие напитки можешь определить?

– Ну-у... да.

– Эффамация.

Василий Никифорович кивнул: Самандар заговорил о взрывообразном усилении экстрасенсорных способностей человека, вызываемом некоторыми видами наркотиков и ЛСД. Матвей этого термина не знал, поэтому промолчал.

– И без какой-либо наркоты, – сказал Котов.

– Завидую, – усмехнулся Вахид Тожиевич. – Мне бы это тоже пригодилось.

– Это всем бы пригодилось, за что и ратует UnUn, объявляя общий Сход. Если анархии добьются своего...

– Кранты человечеству, – закончил Самандар, рассматривая Матвея, пьющего кофе. – Ты хотел подсказать темы.

Матвей отставил чашку:

– Чёрные риелторы...

– Работаем.

– Я беседовал с Ромкой (Василий Никифорович перевёл взгляд на хозяина, сказал: «Это его однокашник»), он только что прилетел из-под Мурманска, его родители живут в посёлке Умка. Так вот всё население посёлка – шесть тысяч душ – ненавидит «Единую Россию».

– За что?

– Там на выборах победили коммунисты, в итоге чиновники-единороссы поснимали с пенсионеров надбавки, и теперь старики вместо шести тысяч рублей в месяц получают по две с половиной тысячи. Но и это не всё: если кто-то пытается там завести свой бизнес или построить что-нибудь, мимо офиса партии власти пройти не удастся. Поборы страшные! Отец Ромки хотел открыть в городе частную баню, а ему в ответ – без проблем, только один день выделишь бесплатно для мэрии. Он согласился, пришёл подписывать бумаги к пожарным, потом к медикам, те тоже – давай один день нам бесплатно, в итоге получилось, что баня всю неделю должна была работать бесплатно. Так и не построил.

Самандар встретил взгляд Котова-старшего:

– Не глобально, однако на заметку возьмём. Ещё?

– Продажа земель китайцам в Забайкалье и Приуралье. Есть свидетельства того, что после хозяйствования китайцев землю надо рекультивировать и восстанавливать не менее полусотни лет.

– Это у нас в приоритете.

– Мой сосед – бывший агропромышленник ездит к родственникам в глубинку и любит рассуждать о жизни на селе. Я с ним встречался месяц назад. Так вот он утверждает, что Россия внутри не только деградирует жуткими темпами, но и вымирает, несмотря на бодрые заявления премьер-министра о возрождении села.

– Это правда, – согласился Самандар. – Если в девяностом году прошлого века количество школ на селе достигало почти пятидесяти тысяч, то нынче их вдвое меньше, дооптимизировали образование до такой степени, что дети перестают учиться – вблизи школ нет. Больничных коек насчитывалось более двух миллионов, сейчас их около миллиона – на всю Россию! Дороги только-только начали ремонтировать и строить, но сравнить темпы их обновления с советскими нельзя. А самое плохое – за это время исчезло более тридцати тысяч сёл и деревень, и количество их продолжает снижаться.

– Откуда вы знаете? – полюбопытствовал Матвей.

– Зря я, что ли, работаю в Счётной палате?

– Кто виноват?

– Политика правительства, – буркнул Василий Никифорович. – Оно делает всё, чтобы превратить народ в легкоуправляемую легковёрную массу. Читай нужные газеты и беседуй с информированными людьми.

– Беседую вот, – улыбнулся Матвей. – И что в этих обстоятельствах предлагает народу «Стопкрим»?

– По большому счёту нужно менять всё правительство и как минимум половину Госдумы, – сказал Вахид Тожиевич. – С Министерством здравоохранения мы поработали, и президент поставил министром своего человека. Хотя этого оказалось мало, надо убирать замов министра и глав департаментов. На очереди министры образования и науки, экономического развития, культуры, сельского хозяйства и так далее по списку.

– А премьер?

– Доберёмся в конце концов и до него. Коррумпированные чиновничьи низы, на которые опираются и премьер и Меринов, тоже чистить надо. Всему своё время. К примеру, председателем Заксобрания города Балтийска Калининградской губернии стал криминальный авторитет Виктор Продан по прозвищу Танцор. А ведь Балтийск – главная база Балтийского флота с тридцатитысячным

населением. Реагировать надо, коль государственные органы безопасности не реагируют? Надо. Пример посерьёзнее – ситуация в авиастроительной корпорации, сплошное воровство и колоссальные убытки, исчисляющиеся сотнями миллионов «зелёных». Сейчас с этим разбираются наши эксперты. Реагировать надо, пока корпорацию не обанкротили?

– Надо, – согласился Матвей.

– А вот недавние факты, пониже уровнем, но тоже требующие внимания. Ты знаешь, что создана национальная электронная библиотека?

– Кажется, слышал.

– Был сформирован список из шестидесяти тысяч наименований, с ним работали эксперты Минкульта, работники библиотек, академики, учёные-литературоведы, читатели, сотрудники Российского книжного союза, и тем не менее в нём оказались такие «бестселлеры разврата», как порнографические романы Генри Миллера и «Пятьдесят оттенков Дориана Грея» Николь Спектор – «эротический пересказ мировой классики Уайльда», как уважительно охарактеризовали его чиновники от образования, с добавкой: «В книге соединились старомодная викторианская распущенность и сексуальная жажда двадцать первого столетия». Читал?

– Нет.

– Абсолютная мерзость, смею тебя уверить! В список попали ещё сотни «шедевров» современных авторов такого же плана, в том числе труд Кирсанова «Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы», а также книга Фаины Акуньшиной «Неприглядная русская история». Как ты думаешь, это необходимые вещи для воспитания здоровых детей?

Матвей промолчал. Ему показалось, что Самандар перегибает палку, включая темы чтения в список приоритетных для «Стопкрима» деяний. Вспомнился известный афоризм классика:^[3] «Нет такого уроды, который не нашёл бы себе пару, и нет такой чепухи, которая не нашла бы себе читателя». По мнению капитана, чтение книг не слишком сильно влияло на мировоззрение молодёжи, и куда опаснее реклама сигарет пива, нежели рекомендации, пусть и сомнительные, консультантов по литературе.

– Что молчишь? – спросил Вахид Тожиевич.

– Думаю... оцениваю... я не спец по образованию.

– Здесь и думать особенно нечего. Детей развращают целенаправленно. После чтения таких книг число девочек сокращается, привести статистику? Что вырастет из малоподвижного парня, день и ночь торчащего у экрана, если он будет читать гнусную порнуху типа романов того же Миллера или Сорокина, опусы Пелевина о вампирах или псевдоисторический бред Акунина?

– Дурак.

– К сожалению, хуже – винтик управляемой массы, живущей по принципу «моя хата с краю». Впрочем, до этого ты ещё сам дотумкаешь. Просто воспитание литературой – вещь не менее серьёзная, чем борьба с наркотой и террористами. Для тебя найдётся более интересная тема. Что ты знаешь о работе так называемых некоммерческих организаций?

– Тех, что кормятся из-за рубежа?

– Можно сказать и так. Несколько лет назад был создан стоп-лист неправительственных организаций в России, которым запрещено было вести подрывную деятельность в стране. На сегодняшний день в стоп-лист вошли более двадцати организаций, таких как Фонд Сороса, Фонд Макартуров, Национальный демократический институт, Национальный фонд поддержки демократии, находящиеся в США, Всемирный Украинский конгресс и так далее. Но лишь малая доля этих центров влияния перестала идеологически готовить в стране «пятую колонну», остальные как работали, закамouflировав свою деятельность под различные «прогрессивные консультативные советы», так и работают. Государство на них почти не отвлекается, что очень неправильно, так как подготовка «цветной революции» в России идёт полным ходом, число агрессивно настроенной молодёжи, по большей части не работающей, хотя и закончившей вузы, растёт, и с этим многоголовым врагом России надо бороться жёстко. Мы собираемся убирать руководителей центров влияния одного за другим. План случайников готовится. Предлагаю присоединиться.

– Мне кажется, вы делаете ошибку.

– Даже так? – изломил бровь Вахид Тожиевич. – Интересно, какую же?

– На место убранного вами босса придёт другой. Забугорная и наша внутренняя контра возбуждётся до предела. Это система, а систему можно победить, только создав не менее мощную структуру.

– А что? Правильно мыслит, – одобрительно кивнул Самандар, глянув на Котова-старшего.

– Мы создаём такую систему, – проворчал Василий Никифорович. – Убранных боссов заменят люди президента. Только это нескорое дело. Ни рук не хватает, ни голов, ни средств. Поэтому мы пока и наносим точечные удары. Но ты мог бы присоединиться, стоп-листом НКО надо заняться вплотную.

– Разве ФСБ ими не занимается?

– Только на словах, потому что и в Службе безопасности сидят эмиссары вражеских Союзов Неизвестных.

– Почему наш Союз этим не опечалился?

– Может быть, потому что ему выгодно иметь внутри страны силу, которая может помочь свергнуть власть Кремля в случае необходимости. Возьмёшься?

– Я не возражаю. Хотя сначала хотел бы устроиться на работу. В СЭП я не вернусь, а жить на что-то надо.

– Артур предлагает тебе хорошую работу в администрации президента.

– В администрации? – удивился Матвей.

– Президент намеревается сменить свою охрану.

– Плохо зарекомендовала себя, что ли? Я здесь с какого боку?

– Артур предлагает тебе место начальника личной охраны президента с повышением звания до полковника. Плюс дальнейшее продвижение по службе вплоть до генеральских должностей.

– Это каких же?

– Замглавы администрации, потом глава.

– А там и до самого президента недалеко, – рассмеялся Самандар. – Почему нет? Начинал же прежний президент карьеру с военного, и ничего, получилось. А у тебя голова не хуже.

– Мне всего двадцать три, – засомневался Матвей.

– Никто и не предлагает тебе титул в двадцать три года. Поживёшь, поднаберёшься опыта, станешь фигурой влияния и нашему делу поможешь.

– Охрана президента имеет специфику...

– Подучишься, проконсультируешься у специалистов, ничего мудрёного в этой службе нет, да и Артур поможет.

– Не знаю... хотя обещаю подумать. Надо же помочь вам разделаться с нависшей угрозой? Когда мы вылетаем в Киев? И вообще

какова диспозиция по этой проблеме?

– Послезавтра вылетаем в Брюссель, – сказал Василий Никифорович. – Проводим там необходимые процедуры, становимся иностранными гражданами и в составе делегации европейских правозащитников летим в Киев.

Первой мыслью была: отец шутит. Но, посмотрев на его твёрдое, лишённое мимики лицо, Матвей понял, что комиссар «Стопкрима» раскрыл реальный план действий.

– Не мало ли времени... на адаптацию и смену гражданства?

– Профессионал! – крикнул Самандар. – Соображает.

– У нас есть связи за рубежом, – сказал Котов-старший рассеянно. – СВР с нами. Так что всё будет сделано вовремя. Тебя ещё что-то беспокоит?

– Подготовка...

– Кстати, – встрепенулся Самандар. – насчёт подготовки. Не хочешь позаниматься со мной Увимаком?

– Чем?

– Я нашёл практику смертельного касания...

– Дим-Мак?

– Дим-Мак – азиатская школа, а Увимак – древнерусская, вернее, гиперборейская, раздел так называемой *живы*. Если Дим-Мак основан на уколах в нервные узлы тела, то Увимак гарантирует спазм любой мышцы тела, расслабляет скелетную мускулатуру и так далее.

– Что ж, я готов, – сдался Матвей, расправляя плечи.

О том, что они с Дивой вечером собрались искать МИР древних муравьёв – Мирмеков, говорить не хотелось. «Найду Гхош – сообщу», – решил он.

Глава 3

Кто-то теряет, кто-то находит

Вечера Матвей ждать не стал.

Чтобы определить тип и количество снаряжения для похода в модуль Мирмеков, надо было узнать точное место спуска под землю, и оставшееся до встречи с Дивой время он потратил на поиски этого места, а потом принялся обзванивать друзей и знакомых, кто мог помочь ему с приобретением необходимого снаряжения.

Гулять по Леснорядской промзоне он не стал. Подъехал на машине как можно ближе к торчащим слева от путей элеваторам, загнал «Чери» в тупичок между ржавыми баками и бетонной стеной, убедился, что никто его не потревожит – день был сырой, хмурый, у насыпи было грязно, народ по пустырям не бродил, – и настроился на состояние озарения, позволившее утром обнаружить подземелье с замком древних муравьёв.

Понадобилось около часа «порханий по верхним слоям ментала», прежде чем удалось определить подходы к засыпанной шахте, от которой и начинался – судя по возникшей перед глазами эфемерной схеме дыр, колодцев, трещин и подземных полостей – ход к МИРу. Судя по всему, ходом пользовались, так как пах он не плесенью и мертвечиной, а грибами и травой, – по ощущениям Матвея, словно кто-то оставил там следы специально для него, и этого было вполне достаточно, чтобы надеяться на благополучный исход экспедиции. Ходить здесь мог только Хранитель, а он-то уж наверняка сделал ход достаточно удобным, чтобы не тратить на спуск и подъём по два-три часа.

Вспомнился Варсонофий, Хранитель МИРа под Троице-Лыковым, взорвавший вход в подземелье. Может, и этот модуль опекает он? Жаль, не хватило смекалки при встрече договориться о способе связи. Позвонил бы – и дело с концом.

Обругав себя недоумком, Матвей успокоился и с сожалением погасил своё пси-поле, позволявшее ориентироваться в пространстве, после чего убрался с территории промзоны.

К вечеру он набил багажник машины необходимой для спуска под землю экипировкой, в которую входили фонари, бечева, спецзажимы для альпинистского снаряжения, клещи для перекусывания дужек замков и арматурных прутьев – всё это нашлось у Толи Юревича, спортсмена-скалолаза, с которым Матвей дружил с первого курса института, – а также влагонепроницаемые куртки и горные ботинки, для себя и Дивы, добытые другим институтским приятелем – Серёжей Сергиенко. Можно было начинать поход за Гхошем, если только он хранился в саркофаге царицы Мирмеков.

В десять часов вечера Матвей заехал за спутницей в Московскую Юракадемию, откуда она и попросила забрать её. Что дочь Соболева делала в здании Академии в столь поздний час, было непонятно, но спрашивать у неё об этом Матвей не решился. Подъехал к главному входу в здание, стоящее за решетчатой оградой, включил аварийные сигналы, чтобы на пару минут дезориентировать инспекторов ДПС, машина которых остановилась вслед за ним; стоянка для автомашин здесь была запрещена.

К счастью, Дива выбежала через пару минут, одетая в скромный серебристый плащик, и Матвей с облегчением отъехал, тут же забыв о полиции.

– Мне нужно переодеться, – сказала женщина, никак не показав, рада она его видеть или нет. – Едем на Русаковскую.

– Я взял куртку для тебя и ботинки.

– Всё равно нужна другая одежда. В принципе оттуда и до пустыря недалеко.

– Без проблем, – согласился он, вдыхая тонкий запах духов «Серебристая линия», которыми пользовалась Дива и которые стали для него волшебной квинтэссенцией облика любимой.

Остановились у дома номер пятнадцать, недалеко от съезда с третьего транспортного кольца. Дива убежала и вернулась уже в обычном джинсово-брючном костюме, с чёрной сумкой через плечо.

– Пойдём пешком?

– Подъедем поближе, – предложил он. – Я знаю тупичок на Второй Лесной, оттуда до элеваторов метров двести, не больше.

Дива не возражала. Выглядела она рассеянно-озабоченной, хмурила тонкие брови, но молчала, думая о своём, и Матвей задал лишь один вопрос:

– У тебя всё в порядке?

Ответила она не сразу, спокойно, хотя меж бровями и пролегла морщинка:

– Нормально.

Доехали до знакомого тупика. Сзади показалась мигающая красными и синими фонарями машина ДПС, но не остановилась, свернула на соседнюю улицу.

Оставили машину у бетонной стены, Матвей сменил обувь, предложил сделать то же самое спутнице, но она отказалась:

– У меня кроссовки удобные.

– Тогда возьми хотя бы куртку.

Дива осмотрела ворсистую коричневую курточку, какими пользовались в горах альпинисты, поколебалась, однако надела, превращаясь в спортсменку-скалолазку. Вязаная шапочка, которую она вытащила из сумки, дополнила наряд.

Пару раз руки молодых людей случайно соприкасались, и Матвею пришлось волевым усилием сдерживать себя, чтобы не сжать её руку и не поцеловать пальцы.

Вылезли из машины. Матвей достал фонари, один отдал Диве, другой повесил себе на шнуре на шею поверх куртки. Закинул сумку со снаряжением за плечи.

– Потопали?

– Веди, – коротко ответила женщина.

Через пролом в стене перелезли на территорию промзоны, двинулись вдоль путей с гроыхающими по ним составами к недалёкой батарее элеваторов, выкрашенных в серо-жёлтый цвет. Редкие фонари не способствовали быстрому продвижению, да и территория зоны была изрядно захламлена, тем не менее до элеваторов добрались быстро, миновали справа ряд старых гаражей, два строения слева, одно из которых было освещено, другое слепо таращилось по сторонам выбитыми окнами. Остановились у края заброшенной новостройки, доведённой лишь до третьего этажа, с зияющими проёмами окон и дверей.

– Далеко ещё? – прошептала Дива, зябко вздрагивая.

– Рядом, – ответил он, настраивая нервную систему, как рентгеновскую установку. – Замёрзла?

– Нет.

– Устала?

– Делай своё дело, – рассердилась она.

Горизонт расширился. Ожила система подкожного зрения, раздвигая диапазоны зрения в инфракрасную полосу. Стали видны светящиеся энерголинии и нагретые трубы теплоснабжения, комнаты в строениях, где жили и работали люди. Отчётливо проявился силуэт трансформаторной подстанции слева от элеваторов.

– Сюда.

Фонарь, освещавший стоянку грузовых автомобилей, находился в полусотне метров от них, но всё же в его свете Матвей разглядел штабеля ящиков, ржавые бочки и шпалы, между которыми можно было подойти к проволочному забору, окружавшему гудящие трансформаторы и будочку между ними.

Спину лизнул чей-то взгляд.

Матвей замер, просеивая сквозь себя паутину местных излучений. Никого не обнаружил, кроме стаи собак неподалёку. Если кто из людей и следил за ними, то издалека, в бинокль, либо вообще через камеру дрона.

– Что? – прошептала Дива, заметив, что он остановился.

– Показалось...

– Вход здесь?

– В будке.

– Охраняется?

– Непохоже, никого не чую. – Матвей пожалел, что не взял с собой штатный пистолет: уже становилось традицией, что, как только он не брал оружия, разворачивались какие-то нехорошие события. – На всякий случай постой в тени, за ящиками, я проверю и позову.

На сетчатой дверце ограды подстанции висел огромный амбарный замок. Ни телекамер, ни какой-либо сигнализации Матвей не заметил, что, с одной стороны, облегчало задачу, с другой, настораживало: Хранитель МИРа должен был как-то следить за подходами к своему детищу.

Клещи с длинными ручками и механизмом дотяга, увеличивающим усилие на губки, с негромким лязгом перекусили дужку замка. У Матвея был опыт открывания замков и без кусачек – в Троице-Лыкове, в принципе он мог бы, наверно, проделать тот же трюк и здесь, но решил поберечь силы.

Снова показалось, что в спину кто-то смотрит.

Матвей попытался определить местонахождение «змеиного глаза», но не смог, слишком много излучающих энергию объектов располагалось вокруг элеваторов, и наблюдатель мог находиться в любом из них.

«Может быть, это как раз и смотрит Хранитель? – подумал Матвей. – Странно, что он не преграждает путь».

Подошла Дива:

– Дальше куда?

Он оглядел будку меж гудящими махинами трансформаторов, по размерам выглядевшую не больше уличного туалета, обнаружил ещё один замок, тоже висячий, хранивший странное тепло, будто его недавно нагрели человеческие руки. Дужка замка слабо хрустнула под натиском кусачек. Матвей включил фонарь, влез в будку, оглядывая вполне современного вида шкафы с аппаратурой управления подстанцией, мигающие индикаторами панели, табло, ряды фиксаторов с предохранителями, консоли с кнопками. Развернуться внутри было практически невозможно, пришлось напрячь внутренний «рентгеновский аппарат», чтобы разобраться в особенностях помещения. Попасть в подземный ход, ведущий к МИРу Мирмеков, можно было только отсюда, и он уже *видел* жилку хода, когда дистанционно искал систему подземелий.

– Что там? – слышался нетерпеливый шёпот Дивы.

– Сейчас.

Зрение послушно развернуло дополнительные резервы. Стали видны все щели в полу и в стенах будки. Засветились тонкие жилки электрических проводов, соединявшихся в схему управления механизмом разгерметизации входа. Матвей проследил за переплетениями жил, нашёл незаметную панельку, ткнул в неё пальцем, получил ощутимый удар током. Отдёрнул руку.

– Чёрт!

– Что случилось?! – всполошилась Дива.

– Здесь защита. – Матвей пососал палец, нашёл ещё один бугорок, нажал, напрягая пси-зрение. Электрическая петелька, страхующая включение механизма, погасла. Он ещё раз дотронулся пальцем до панельки управления системой доступа к проходу.

Раздался металлический лязг, за ним тихий гул включённого мотора.

Один из шкафов с приборами начал разворачиваться, открывая в полу метровый квадрат колодца.

– Заходи, – сказал Матвей с облегчением, освещая устье колодца и ступени, уходившие в темноту.

Дива влезла в будку, закрыла за собой дверь, споткнулась, и он помог удержать ей равновесие, прижал на мгновение к себе.

– Осторожней!

– Буду стараться, – пообещала женщина, жарко дыша ему в шею. – Спускаемся?

– Подожди. – Он снова сосредоточился на внемчувственном восприятии, уже не удивляясь, что оно даётся ему всё легче и легче.

Стенки колодца и крепления лестницы послушно стали полупрозрачными, протаял в глубину массив земли, глины и осадочных пород, пронизанный штрихами рукотворных и естественных скважин, трещин и щелей. Но запрятанных в тверди опасных кладок и взрывных устройств подсознание не обнаружило. Хранитель, соорудивший удобный проход к МИРу в этом месте, не рассчитывал на появление непрошенных экскурсантов, уверенный в его скрытности.

Начали спускаться, подсвечивая путь фонарями.

Запахи битума, краски, масел и электричества постепенно сменились запахами гнили и какой-то химии, но на глубине примерно тридцати метров уступили место ароматам ржавого железа и камня.

Колодец упёрся в дно коридора, который внезапно вывел разведчиков в самую настоящую станцию метро, разве что без вагонов и перрона.

– Метро? – удивилась Дива, увидев нитки рельсов.

– Ничего удивительного, – пробормотал Матвей, водя лучом фонаря по дугам крепления потолка станции. – В Москве столько понарыли запасных веток, в том числе совершенно секретных, что на метро можно наткнуться в любом месте.

– Мы не заблудимся?

– Пока я с тобой, можешь не беспокоиться, – уверенно ответил Матвей, чувствуя в себе душевный подъём. – Нам налево.

Двинулись вдоль невысокого бордюра налево.

Полость древней выработки была практически пустой, если не считать тут и там разбросанных по её территории тюбингов и плит, поэтому каждый шаг и шорох порождал длинное резонансное эхо,

отчего казалось, будто по расколотому трещинами старому бетону шагают несколько человек.

Принюхиваясь к неаппетитным запахам, молодые люди дошагали по цепочке следов в пыли до тупика, обнаружили в полу ржавый люк с замком. Матвей хотел перекусить дужку, как делал уже дважды, но подумал, что не следует оставлять люк открытым после посещения МИРа, и сосредоточился на «вживлении» в механизм замка. Просветил его лучом «биолокатора», нашёл нужные зубцы и шестерёнки, освободил пружину. Замок с лязгом упал на край обода.

Крышка оказалась очень тяжёлой, килограммов под пятьдесят весом, будто была сделана из свинца, но Матвей поднял её, инстинктивно пытаясь уменьшить вес, сдвинул в сторону.

Под лучами фонаря засверкали скобы на стене колодца, и, судя по их блеску, лазили в него достаточно часто.

Начали спускаться, Матвей первым, Дива за ним.

На глубине двадцати с лишним метров колодец вылез в потолке узкого коридора с грубо обработанными стенами, явно проделанными в породе с помощью кирок и ломов. Но и он не был последним в этой сложной цепочке соединяющихся ходов и колодцев, связывающей поверхность земли и пещеру, в которой дремал МИР Мирмеков. Только на пятом колене, на глубине примерно в сто пятьдесят метров, уставшие открыватели иной реальности выбрались к пролому в стене очередного коридора, через который можно было попасть в огромную куполообразную полость, с виду ничем не укреплённую, блистающую в лучах фонарей выходами слюды или скорее дорожками оплавленного камня, которые, очевидно, и служили поддерживающими купол обручами.

Остановились, разглядывая тлеющий кучей головешек конус «муравьиного храма». Конус был многосложен, утыкан дырами и штырями и не производил впечатление гармоничной законченности, присущей архитектуре современных насекомых. Но всё же этот странный замок был построен сотни миллионов лет назад, и одно только это обстоятельство – он сохранился так, будто его возвели только вчера! – захватывало дух.

– Муравьиная куча, – негромко сказал Матвей с оттенком пренебрежения. – Я думал, Мирмеки хорошие строители.

– Они хорошие строители, – не согласилась с его мнением Дива. – Замок построен функционально рассчитанным для жизни целой семьи.

- Что-то выглядит он не больно эстетичным.
- Видел бы ты замки Аноплюридов и Гельминтов.
- Кого?
- Вшей и глистов.

Матвей фыркнул:

- Глисты тоже были разумными?
- Все черви, все насекомые, все мелкие твари были когда-то носителями разума.
- Да я знаю, – виновато сморщился он, – только представить тот мир трудно.
- Не отвлекайся.

Матвей сосредоточился на поиске *живого*, ничего не обнаружил, слегка расслабился.

- Странно всё-таки, что этот МИР не охраняется.
- Может, Хранитель умер?
- Нет, за модулем ухаживают, я это чувствую.
- Тогда Хранитель просто отлучился, не зная, что мы его найдём.
- Он должен был предусмотреть способ отсечки доступа, как Варсонофий, взорвавший вход в МИР под Троице-Лыковым.

Дива помолчала:

- Так и будем стоять?
- Спускаемся.

К подножию замка вела вырубленная в стене пещеры лестница, и спуск не занял много времени. Остановились у подножия пирамиды, с восхищением и недоверием взирая на сооружение древних разумных муравьёв-бульдогов.

– Вижу не первый раз, но никак не привыкну, – с дрожью в голосе призналась Дива. – Всё знаю, всё понимаю, много чего повидала в жизни, но осознание факта происхождения человека от таракана выше моего разума.

- Это МИР муравьёв...
- Я вообще.

– А я бы с удовольствием познакомился со своими предками, – задумчиво сказал Матвей. – Да и с Конкере тоже. Интересно всё же, почему он выбрал для трансформации вид Блаттоптера. Мог ведь и любой другой преобразовать?

– Захотел проверить, – улыбнулась женщина, – равен он Безусловно Первому или нет?

– В смысле?

– Тараканы и тогда были суперагрессивными и прожорливыми тварями, наравне с комарами и осами. Очевидно, Конкере решил их усовершенствовать, сделать вершиной добродетели.

– Это тебе отец сказал?

– Это я сама так решила.

– Всё равно ты знаешь больше, чем говоришь.

– Разве ты делаешь не так?

Он подумал:

– Меня на этом никто не ловил. Кто такой Безусловно Первый? Ещё один Аморф?

– Аморфы, в том числе Конкере, не первые создатели реальности, они скорее корректировщики. Вселенную вместе со звёздами, галактиками и планетами создал Изначально Первый Творец, а разумные системы после него – те же Предтечи, Аморфы и их потомки...

– Инсекты.

– В том числе вот они и принялись корректировать нашу реальность, пока не докорректировались до того, что её закрыли и стали называть «запрещённой».

Кто закрыл? Инфарх? Кстати, а он кто? Потомок Изначально Первого? Сын Творца?

– Этого я не знаю, не ёрничай. Мне кажется, он только проводник, координатор равновесия сил, условно светлых и условно тёмных. Его делегировали в нашу метавселенную.

– Кто?

– Может, ты прав, сам Изначально Первый. Или иные мыслящие системы из Вселенной рангом повыше нашей, где зло не служит источником развития и прогресса цивилизаций.

– Потрясающе!

– Не можешь обойтись без шуток?

– Честное слово, я не издеваюсь!

– Я сведу тебя с Тарасом, он много чего расскажет интересного. Сейчас не время выяснять историю нашей «запрещённой реальности». Куда дальше? Мы сможем пройти внутрь замка?

– Неужели ты не видишь? – не поверил Матвей, причём совершенно искренне.

Дива сделала большие глаза.

– Что – не вижу?
– Суть вещей. Ты же Ангел Света, Тарас так тебя называл.
– Он... – Дива с виноватым выражением лица пошевелила губами, ища формулировку: – шутил. Я всего лишь информатор.

– Кого?

– Тех, кто со мной связан. И я не вижу того, что видишь ты.

– А ещё дочь инфарха...

– И что? – рассердилась женщина. – Что это мне даёт?

– Ну-у... гены мага должны как-то сказываться...

– Может, и должны, только я не экстрасенс, как ты.

– Всё равно ты не обычный человек.

– В каком смысле?

– Ты лучше!

Дива невольно засмеялась:

– Неисправимый упрямец. Давай договоримся, ты будешь задавать только те вопросы, какие не требуют объяснений. Говори, что делать дальше.

Он с трудом вернулся к действительности:

– Держись за мной.

Обошли «муравьиную кучу» высотой около полусотни метров, вглядываясь в уходящие в глубь пирамиды окна и коридоры. Матвей наконец определил ход, ведущий к центральному залу МИРа, ориентируясь не только по величине и длине коридорчиков, но и по слабым струйкам ментальных «запахов», оставленных следами человека, не раз проходившего этим маршрутом. Оставить эти следы мог только Хранитель.

Ход внутрь замка Мирмеков начинался как неровная дыра в каменной, истыканной «червоточинами» плите высотой в полтора метра. Пригнувшись, исследователи углубились в тоннель, через три десятка метров, после трёх поворотов, приведший их в слабо освещённый – светились необычного вида колонны вдоль стен, похожие на гланды, – зал с прогнувшимся потолком, из которого свисала вниз длинная ножка, перетекавшая в шестиметровой длины люльку, напоминавшую суставчатое брюхо насекомого, только гигантских размеров.

В зале почему-то пахло мёдом и сгоревшим пластиком, хотя ни того, ни другого здесь в принципе не могло быть.

– Как здесь... неудобно, – прошептала Дива.

– Смердит, – согласился Матвей, начиная «просвечивать» стены зала и саркофаг. Останки царей и цариц инсектов, даже если они находились внутри усыпальниц, ничем не пахли, так как древние разумные насекомые «бальзамировали» тела своих владык, не применяя известные людям химикаты, но ощущение действительно складывалось такое, будто скелет самки-матки Мирмеков источал тонкий и не очень приятный запах тления.

– Что-нибудь видишь?

– Пока ничего.

Матово-серый пол зала, сложенный из выпуклых гранул размером с кирпич, гасил шаги как мягкий асфальт. Матвей обошёл «люльку» саркофага, сосредоточиваясь на её внутренностях, и ему показалось, что в сложных сочленениях муравьиного «скелета» (вряд ли его материал представлял собой хитин) загорелась и замигала фиолетовая искорка.

Сердце сжалось. Появилась надежда, что отреагировала на его биолокатор не какая-то деталь саркофага или «кость скелета», а именно Великая Вещь.

«Гхош!» – выговорил он мысленно.

«Не-е-е...» – ответила мигающая звёздочка.

Матвей едва не выговорил вслух: почему?!

Дива заметила изменившееся лицо спутника.

– Ты увидел, да?! Чего молчишь?

– Не понимаю...

– Чего?

– Там внутри что-то есть... но это не Гхош.

– Не может быть!

– Мне так кажется... надо посмотреть поближе.

– Туда не залезешь.

– Сами муравьи ведь должны были как-то пробираться в саркофаг?

– Может быть, у них были специальные лестницы или подъёмник.

– Если только они не умели колдовать, – усмехнулся он, останавливаясь под перепончато-дырчатым пузом «люльки». – Либо прыгать в высоту как кенгуру. Видишь ручки?

– Это просто дырки.

– Простые дырки не имеют валиков по краям. – Матвей прикинул высоту, на которой висело днище саркофага; выходило метра три с половиной. – Ну-ка попробуем.

Он подпрыгнул.

Ни в юности, ни в молодости Матвей не играл в баскетбол, рост не позволял, хотя и маленьким не был – метр восемьдесят семь. Поэтому он всегда с завистью смотрел на игроков, способных забросить мяч в корзину сверху.

Однако в зале Мирмеков ему удался прыжок, о котором он раньше и не мечтал.

Ноги сработали как катапульта, подбрасывая вверх «ядро» тела, руки легко достали днище саркофага и вцепились в отверстия с валиками, похожими на ручки. Он повис под радостный возглас Дивы:

– Достал!

Подумал, что дальше? Не лезть же по зализанным буграми перепонкам люльки как муравей, всовывая ноги в отверстия? Не акробат, не циркач, не альпинист. Или другого способа нет?

На всякий случай подтянулся и дёрнулся вниз всем телом, пробуя прочность ручек, рискуя выломать кусок днища под тяжестью тела.

Что-то хрустнуло, будто сломалась кость.

Вокруг отверстий с валиками, за края которых цеплялся Матвей, зазмеилась светлая трещина, и он инстинктивно отпустил края, прыгивая на пол.

Но метаморфозы дна «люльки» на этом не кончились. Светлая змейка разлома образовала неровную окружность, и выломанная часть дна саркофага начала опускаться вниз, потянув за собой пучок жил и перепонки.

Матвей отскочил назад, отталкивая Диву:

– Поберегись!

Однако зубчатый край отломанного куска дна не упал, а плавно отогнулся вниз и медленно выдвинулся полупрозрачным языком до пола, образуя нечто вроде пандуса в окружении частокола жил и потёков материала, напоминавшего мутное потемневшее стекло.

– Ты гигант! – проговорила Дива.

– А то! – подбоченился Матвей. – Я ещё гранату далеко кидаю... и спички взглядом зажигать могу. И гренки в тостере поджаривать. Подожди здесь, я поднимусь. Единственный вопрос: на что может быть похож Гхош?

– Не знаю, – виновато шмыгнула носом Дива. – Никто его не видел, Тарас тоже. Может быть, на какой-нибудь шлем? Или дугу

с наушниками? Он же переводчик, значит, должен как-то переводить хозяину всё, что слышит.

– Делали-то его не люди.

– Да-а... ну и что?

– Многие насекомые слышат не ушами, как мы, а ногами и другими частями тела^[4]. Так что форма Гхоша действительно может быть любой. Я просто хотел представить, что нужно искать. Кстати, почему он так называется – Гхош? Странное слово.

– Это по-кхмерски «язык».

– Понятно, с таким же успехом его можно было назвать спикером или толмачом. Я пошёл.

Матвей попробовал ногой прочность «пандуса», полез по его бугристо-дырчато-жилистой, скользкой на вид поверхности, как по лестнице, цепляясь руками за жилы и желваки. Неизвестно, являлся ли этот странный лаз запасным входом в усыпальницу матки Мирмеков или Матвей на самом деле выдрал из неё часть обшивки – судя по размерам «пандуса» и дыры, пролезть в неё могло бы только существо не крупнее человека, – но преодолевать некие экраны и перегородки разведчику не пришлось. Он выбрался в полость саркофага где-то чуть сбоку от центра, осторожно выпрямился во весь рост и огляделся.

Стенки полости, также пористые, жилистые, перепончатые, источали грязно-серое свечение. В этом полумраке лежащий «скелет» царицы Мирмеков казался насквозь проржавевшей грудой железа, напоминавшей поверженного Терминатора из старого одноимённого фантастического фильма. Разве что у него было не две руки и две ноги, а восемь сложенных вдоль тела корявых лап и огромная голова размером чуть ли не в половину всего тела.

Запах «тления» внутри саркофага усилился, хотя в нём не было ничего гниющего: горьковатый, кисловатый, не очень приятный – запах сгоревшего пластика с необычными добавками.

Матвей настроился на поиск Великой Вещи (интересно, как она выглядит, чёрт побери?) и вскоре разглядел тусклое фиолетовое мерцание в боку «скелета», там, где под ним лежала одна из лап муравьиной царицы. Обошёл полутораметровой высоты брюхо (хитин не хитин, но очень похоже), наклонился над сочленением лапы с грудиной туловища, проследил за трёхколенчатым рычагом лапы

и обнаружил на самом тонком сегменте – его можно было назвать запястьем – перед пятипалой суставчатой лапой нечто вроде браслета с тремя лепестками. В глубине браслета толщиной не больше двух сантиметров изредка проскакивала красная искорка, и тогда вся конструкция на пару мгновений одевалась в ореол едва заметного фиолетового свечения.

– Гхош! – невольно прошептал Матвей.

Браслет мигнул, в ушах прошелестело:

«Не-е-е...»

Да ладно, мысленно отмахнулся он, с недоверием разглядывая браслет с лепестками. Я тебе не верю.

Созданное древними муравьями украшение, или чем бы оно ни являлось на самом деле, не ответило, хотя мерцание браслета участилось. Он почуял дуновение биополя человека и давал понять, что находится в рабочем состоянии.

Снаружи донёсся возглас Дивы.

Матвей не обратил на него внимания, поглощённый созерцанием браслета и размышлениями о том, как его снять.

– Сейчас-сейчас...

Пальцы коснулись выпуклости на браслете, внутри которой и загоралась искра свечения. Матвей почувствовал лёгкий электрический укол, отдернул руку, потом снова дотронулся до находки. Ощущение было, будто он погладил шелковистую ткань: материал браслета только напоминал металл, но металлом не был.

Искорка замигала чаще, родила фиолетовый пунктирчик, пробежавший по кольцу браслета и оборвавшийся у одного из лепестков.

Ты подсказываешь, как тебя можно снять? Я тебя правильно понял?

Матвей провёл пальцами по «шёлку» боковины браслета, нащупал лепесток, пошевелил, надавил... и отдернул руку.

Браслет беззвучно раскрылся и с лёгким стуком упал на пол «люльки», рядом с лапой «скелета».

– Мать твою! – выговорил Матвей. – Так и заикой стать можно!

Поднял браслет, удивляясь его лёгкости. С виду изделие муравьёв должно было весить килограмма два, на самом же деле весило граммов пятьдесят. Никаких особых деталей, рычажков и кнопок ни снаружи кольца, ни внутри браслет не имел, не считая фигурных лепестков,

и лишь осознание того, что артефакт создан десятки миллионов лет назад, заставляло сердце сжиматься и захватывало дух.

Интересно, нельзя ли его надеть человеку?

Матвей повертел Гхош в руках, развернул, попробовал нацепить на руку и невольно вздрогнул, когда браслет изогнулся как живой и сам собой защёлкнул края, плотно прилипая к запястью левой руки.

– Блин! – пробормотал Матвей. – Доэкспериментировался... снять-то тебя можно?

Браслет мигнул.

Матвей потянул за лепесток – браслет раскрылся.

Понятно, спасибо, ничего сложного. Может, ты включишься, покажешь свои способности?

Браслет мигнул.

Включись!

Ничего не произошло. Вернее, Матвей не почувствовал того, что ожидал получить от «переводчика необъяснимого», зная его предназначение. Гхош отреагировал на его мысленную команду, однако не так, как он представлял. Вместо эфемерного мысленного шёпота или физического звука – уши тоже ничего не слышали – показалось, что от браслета по руке прынула волна электрического покалывания, отозвалась щекотливой полоской мурашек по спине и пронзила голову, оставив под черепом ощущение долгого затихающего резонанса всех клеток мозга.

С ума сойти! Что ты хотел мне сказать?

Искорка в браслете моргнула, но вместо ответа начала мигать реже, растеклась колечком по выпуклостям и листочкам, погасла. И Матвей перестал ощущать на руке инородный объект! Словно Великая Вещь превратилась в естественный орган тела, не воспринимаемый рецепторами как дополнительный или искусственный.

Очень интересно! Нашёл нового хозяина? Отключись!

Мгновение спустя на душе сделалось тоскливо, будто он потерял важную мысль или воспоминание.

Оп-ля! Как ты быстро реагируешь... включись!

Браслет мигнул, по руке побежала волна тепла, и на сердце вернулись лёгкость и ощущение полноты жизни.

Понятно, выключать тебя не надо.

Волна тепла влилась в плечо, в шею, промыла голову, Матвею показалось, что он снова слышит на грани восприятия тонкий голосок:

– Я-а-а... те-е-бя-а... на-а-стро-о-ю-у-у...

Настраивай, согласился он, улыбаясь. Мы подружимся.

Снаружи раздался негромкий крик:

– Матвей!

Он вздрогнул, осознав, что напрочь забыл о присутствии спутницы, хотел снять Гхош, потом подумал, что на руке он не будет мешать, и оставил, начал спускаться по пандусу обратно, на пол главной усыпальницы замка.

Спину продрал морозный ветер: в него кто-то целился! Но было уже поздно что-то предпринимать, он был незащищён и открыт как поставленный к стенке смертник. Если бы он был один, мог бы попытаться прыгнуть в сторону и укрыться за опущенным языком «пандуса». Но судьба Дивы была неизвестна, и Матвей, «разогрев» свои внутренние резервы, слез с мостика и повернулся к Диве лицом.

Её держали за руки два мордоворота в пятнистых спецкостюмах. Один зажимал ей рот рукой, второй приставил к голове девушки ствол пистолета. В шаге от них стоял Стас в расстёгнутой куртке, засунув руки в карманы штанов, и раскачивался с носков на пятки, разглядывая брата со снисходительной усмешкой на губах.

– Привет, братишка. Извини, что приходится прибегать к таким приёмам. Ничего личного, как ты сам понимаешь, только определённый интерес.

– Отпусти её! – глухо проговорил Матвей.

– Конечно, отпущу, это я на всякий случай, чтобы ты не полез в драку. Боец ты хороший, слов нет, может, даже лучше меня, хотя и я неплох, но в нынешних обстоятельствах твои кондиции не имеют значения.

– Чего ты хочешь?

– Правильный вопрос. Я не знал, что мы ищем одно и то же. Отдай мне эту штуку, – Стас показал на браслет, – и мы разойдёмся, как в море корабли.

Матвей покосился на руку с браслетом.

– Зачем тебе Гхош?

– Что? – удивился Стас. – Почему Гхош? Это Эскулап.

– Эскулап?! – в свою очередь, удивился Матвей. – Здесь прятали «переводчик»...

– Не знаю, откуда у вас эти сведения, но это Эскулап.

Дива замычала.

Стас посмотрел на неё:

– Освободите девушке рот.

Громила с чёлочкой отнял руку.

– Скоты! – сдавленным голосом проговорила Дива.

– И мы вас уважаем, – иронически заметил Стас. – Отдайте Эскулап, и вы свободны.

Матвей прислушался к своим ощущениям: по жилам побежали потоки энергии, подключаясь к общему резонансу от позвоночника к ногам и голове, тело обрело невиданную прежде гибкость и силу, сердце превратилось в реактор, координирующий объединение органов чувств, голову продул пронзительный морозный ветер, превращая её в компьютер, способный мгновенно рассчитать любое движение. Стало ясно, что Великая Вещь Мирмеков и в самом деле не является «переводчиком необъяснимого», зато подстраивает биополе жизни, корректирует соответствие желаний и возможностей, доводит тело до максимально возможной активности. Отдавать Эскулап в чужие руки было нельзя!

– Отпусти... её!

Слова шатнули пространство, и даже дубоголовые амбалы с пистолетами ощутили их мощь, повернули головы к Стасу.

Тот опустил подбородок на грудь, оценивающе разглядывая брата.

– Не делай глупости, если ценишь её жизнь. Даже инфарх не смог бы выдернуть твою милую из-под пули. Я знаю, ты человек слова, я тоже... Сборище иерархов Комитета 300 надо остановить, иначе всему человечеству пиндык. Согласен?

– Не заговаривай мне...

– Я не заговариваю, преамбула нужна не мне, а эмиссару инфарха. – Стас посмотрел на Диву, державшуюся без особого волнения. – Я вас правильно называю, сударыня? Или вас лучше называть Ангелом Света?

– Трепло! – коротко ответила девушка.

Стас укоризненно покачал головой:

– Вы меня огорчаете таким отношением. Буду говорить короче. Вы знаете, что произойдёт, если Комитет инициирует сорок Великих Вещей. Последствия будут в самом деле непредсказуемы. Я хочу помешать Сходу.

– Как? – не выдержал Матвей.

– Очень просто: прибыть в Киев раньше делегаций Комитета, спуститься в МИР Акарин и первым активировать Великие Вещи на реализацию Закона Возмездия.

– Какого закона? – поинтересовалась Дива.

– Чтобы каждый подонок получал справедливое наказание за свершённое преступление сразу после него. Мгновенно! И на планете наступит вечный мир и благоденствие.

– Это глубокое заблуждение.

– Что именно?

– Что на Земле наступит мир и благоденствие. Слуги Тьмы никуда не денутся, только станут изворотливее и хитрее.

– Ну, это ваше личное мнение, а я уверен, мир изменится. Что скажешь, братишка?

– Я не отдам Гх... – Матвей поправился: – Эскулап... или что он там собой представляет.

– Тогда тебе придётся чем-то поступиться. Готов за идею убить любимую женщину?

– Ты... не посмеешь...

– Кто знает, на что я пойду ради своей идеи, – пожал плечами Стас. – Я даже готов за неё отдать жизнь.

– Свою?

– Её. И твою заодно. Колдовство тебе так же неподвластно, как и мне, и остальным иерархам Круга, слава богу, несмотря на разбуженный крымским МИРом экстрарезерв. Будь ты даже «железным человеком» из одноимённого фильма, всё равно не успеешь её спасти. И не скрипи зубами, ты это знаешь. Я её не пожалею, будь уверен! Поэтому предлагаю договор: пообещай мне отдать Эскулап в Киеве, и я не буду забирать его у тебя сейчас.

– Дива...

– Она останется с тобой, даю слово. Даёшь своё?

– Не вздумай! – быстро заговорила Дива.

Блондин со шрамом под губой попытался зажать её рот ладонью, она укусила его, он охнул, ударил её по лицу, силой зажал рот.

Матвей дёрнулся вперёд.

Второй амбал направил на него ствол пистолета.

Стас не сделал ни одного движения, по-прежнему оценивающе разглядывая брата.

Матвей с трудом остановился, всматриваясь в лицо женщины, по которому ходили тени, отражавшие её тревоги и сомнения, однако страха на нём не увидел. Она находилась в смертельной опасности, но верила ему!

– Я... буду... в Киеве.

– Вот и прекрасно, там и обсудим дальнейшие планы. Кстати, захвати с собой и Свисток, который подарил тебе отец. Вместе с ним и Эскулапом у нас будет тридцать девять Великих Вещей, а если Вахид Тожиевич отдаст Дзи-но-рин – то и все сорок.

Мысль о том, откуда же Стас знает о Свистке и Щите Дхармы, мелькнула и исчезла, её сменила более трезвая: он заберёт Вещи и станет их единоличным владельцем! Что произойдёт в этом случае?!

– Ты не сможешь один активировать Вещи...

– Почему один? Ты поможешь, она, комиссары «чистилища», Тарас присоединится... я надеюсь. Я даже не потребую передавать Вещи мне, пусть они останутся у вас. Но ты должен дать *слово*!

Матвей набрал в грудь воздуха... и медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы:

– Согласен!

– Молодец, правильно мыслишь, – кивнул Стас, поворачиваясь к помощникам. – Отпустите её.

Дива вырвалась из лап верзил, бросилась к Матвею, всё ещё наполненному клокочущей энергией, схватила его за руки.

– Ты с ума сошёл?! Зачем ты пообещал?!

– Ты дороже...

– Чего?!

– Всего на свете! – выговорил он.

Стас засмеялся, направляясь к выходу из зала.

– Предупреди отца и Самандара: вашу базу будет взламывать либо СОБР, либо «Альфа». Не провожайте, мы найдём дорогу.

– Подожди...

Стас оглянулся.

– Ещё раз... пригрозить ей... – Матвей покосился на Диву. – Убью!

Стас оценивающе осмотрел его окаменевшее лицо, кивнул:

– Ты мажор известный, верю. Можешь и убить. Хорошо, договорились.

Он поманил пальцем пятнистых амбалов, и троица исчезла.

Матвей и Дива остались вдвоём.

– Прости, – проговорил он деревенеющим языком.

Она уткнулась ему лицом в грудь...

Глава 4

Секта

Василий Никифорович дочитал доклад аналитического отдела о проделанной работе, запер файл на ключ, который невозможно было вскрыть, не уничтожив сам файл, и суеверно отмахнулся указательным пальцем: дела «Стопкрима» шли так хорошо, что это начинало тревожить. Все бандлики прошли успешно, ни одна группа «чистильщиков» по всей стране не подставилась и не наделала ошибок, и ни одна операция ФСБ и МВД по поиску и ликвидации оперативников «Стопкрима» не дала результата.

Однако Василий Никифорович чувствовал, что бороться с государственной силовой машиной «чистилище» долго не сможет, нужно было привлекать на свою сторону руководителей ФСБ и Министерства внутренних дел либо менять их с помощью президента, предложив свои кандидатуры. В противном случае прогнозировалась война внутри России, которую и так давно разрабатывал американский Союз Незвестных, внедрив повсеместно свои идеологические институты – Фонды поддержки демократии, Фонды миллиардеров, Дома свободы слова, центры защиты прав СМИ и тому подобное.

Скрипнула дверь, в кабинет вошла жена в домашнем халатике.

– Поздно уже, а ты всё сидишь. Проблемы?

– Дети спят?

– Хотели к тебе напроситься перед сном, я не пустила, вдруг помешали бы?

Василий Никифорович помял лицо руками, взглядом выключил компьютер – скайп-ин реагировал на его взгляды, – повернулся к Ульяне. В полумраке комнаты её глаза влажно мерцали, будто она недавно плакала.

– Всё в порядке. Как ты?

Жена села к нему на колени.

– Тоже ничего... как будто... но у меня нехорошее предчувствие. Матвей обязательно должен ехать в Киев?

Василий Никифорович прижался к её мягкой груди лицом, сказал невнятно:

– Он сенс...

– Что?

– Без него мы не сможем на равных бороться с Комитетом.

– Матвей ещё мальчишка.

– Он – куколка Архитектора Согласия, без напряжения всех душевных и физических сил, без стрессов и переживаний ему не достичь этого состояния. Да, он ещё не научился действовать расчётливо, соразмерять свои возможности и желания, делает ошибки, сомневается в себе, но другого пути нет.

Губы коснулись ложбинки на шее жены.

– Щекотно! – поёжилась она, вставая и садясь напротив.

– Не нравится? – притворно оскорбился он.

Ульяна улыбнулась.

– В последнее время ты стал гораздо активнее.

– Ты против?

– Нет, но я пришла поговорить о серьёзных вещах. Может быть, ты прав и Матвею действительно необходимо пройти испытания, но это можно делать постепенно, не спеша, расчётливо, как ты говоришь. Необязательно сразу выставлять его поединщиком перед ратью Комитета.

– Кем?

– По легенде Куликовскую битву начал поединщик монах Пересвет схваткой с Челубеем. Оба погибли.

Василий Никифорович качнул головой:

– Это легенда. Никакой битвы Пересвета с Челубеем на Куликовом поле не было. И я этого не допущу.

– В учебниках истории везде написано...

– Легенда эта скорее всего выдумана псевдоисториками, поскольку никакой Куликовской битвы не было, во всяком случае на Куликовом поле точно.

– Всё равно я считаю, рано ему ещё выходить на смертный бой с эмиссарами Конкере. Нельзя найти применение его способностям здесь, в России?

– Он и здесь нужен. Завтра мы идём с ним на бандлик. А послезавтра полетим в Брюссель.

– Что за бандлик? Кого вы собрались напугать? Не VIP-охотников из полиции случайно?

– Каких ещё охотников?

– Я читала про генералов из МВД и менеджеров «Газпрома», отстреливавших лосей в несезон, которых задержал охотовед из Дмитровского района Подмосковья. А его за это суд осудил на пять лет! По статье двести восемьдесят шесть, за превышение служебных полномочий.

– Мы включили это дело в план мероприятий наравне с делами чёрных риелтеров, – кивнул Котов. – Знаешь, сколько таких случаев набирается по всей России по подсчётам Вахида? Два с лишним миллиона! Работы непочатый край! Мы ещё не окрепли, чтобы заниматься мелкой чисткой, крупные дела разгрести бы, в первую очередь внутренних врагов России ликвидировать. Несколько лет назад президент утвердил так называемый стоп-лист, в который попали десятки неправительственных организаций, идеологически вредных стране: Фонд Сороса, Национальный американский фонд поддержки демократии, Крымская комиссия и так далее, и что ты думаешь? Почти все они как работали, зомбируя оппозиционную молодёжь на реализацию «цветной революции», так и продолжают свою паршивую деятельность, слегка изменив вывески. А правительство их поддерживает. Правозащитников развелось, как тараканов, судьи с ума посходили, оправдывая бандитов и засуживая споткнувшихся людей на всю катушку. Украл пакет риса – пять лет тюрьмы! Министры и губернаторы воруют сотнями миллионов рублей и даже миллиардами, а проходят по делу как свидетели! Прокуроры крышуют игорную мафию! Куда дальше?

– Беспредел, – грустно кивнула Ульяна.

– Вот этим и будет заниматься Матвей... после Киева. Плюс кое-какими забугорными акциями, к примеру, ликвидацией телеканалов и СМИ, обливающих грязью Россию, в первую очередь в Польше и Прибалтике.

– У нас у самих такие телеканалы имеются.

– Это проблема, и ею надо заниматься.

– А что за бандлик вы с Матвеем наметили?

– Слышала что-нибудь о деятельности так называемых тренинговых центров, раскрывающих «безграничные возможности»?

– Я по телевизору смотрю только мультики, – смутилась Ульяна.

– Эти центры выросли по России как грибы после дождя. Здоровые нормальные люди на их сборища не ходят, а люди с неустоявшейся психикой, рефлексирующие по малейшему поводу, сомневающиеся в своих силах, после двух-трёх сеансов «коррекции» сходят с ума, отдают гуру последние сбережения, машины, квартиры и зачастую уходят из жизни.

– Что за центр вы хотите ликвидировать?

– «Лайф-спринт» в Домодедове, внедряет тренинг-проект «Перезагрузка». За полгода существования – семь суицидов, восемь женщин в психушке, больше десятка пацанов сбежали в ИГИЛ и на Украину воевать «за свободу».

– Ужас!

– Хочешь почитать их рекламу? – Василий Никифорович подсел к столу, вывел текст на экран, отодвинулся. – Читай.

Ульяна с любопытством села на его место.

Реклама тренингового центра «Лайф-спринт» и в самом деле впечатляла, разработанная по всем канонам нейропсихологического манипулирования.

«Дорогой друг! – начала читать вслух Ульяна. – Приглашаем тебя взглянуть на себя и на мир по-новому, разорвать круг повседневности и выйти на экстраординарные результаты. Знай! Мы приготовили для тебя удивительное путешествие в мир открытий и безграничных возможностей!»

– Круто! – покачала головой женщина. – После такого начала поневоле придёшь тренироваться жить по-новому. Не хочу читать, что там дальше.

– Дальше они рекомендуют прийти на собеседование, узнать, на что ты способен, обещают уникальные методики перезагрузки психики, включая самые передовые технологии развития личности и коучинга. Бла-бла-бла...

– Что такое коучинг?

– Нечто вроде консультирования и психологического тренинга.

– НЛП?

– Вроде того. Вход – три тысячи рублей. Второй и третий уроки – плата уже на порядок больше, после чего начинается собственно перезагрузка, за которую придётся выложить по семьдесят тысяч рублей.

– Неужели платят?

– Платят, люди ломаются за первые два занятия.

– Что такое перезагрузка? Человек же не киношная Матрица.

– Перезагрузка, как они утверждают, – это возможность разорвать замкнутый круг обыденности и однообразия, стать сильным и в то же время добрым, щедрым и одновременно богатым, что немаловажно. Это особо действует на умы бедных и обездоленных. Потом идёт план выхода на новый уровень осознания и обретения внутренней свободы, улучшение здоровья, чего тоже хотят все ученики. Их также учат прощать всех, отпускать людей и не спрашивать долги.

– Чтобы они потом не обращались в суды ради возвращения потраченных средств.

– Именно.

– Какую цель преследуют учителя?

– Сломать психику учеников до состояния раболепства. Всего разработаны три этапа тренинга: первый – точка отсчёта, как сформулировано в рекламе, «увлекательный интерактив», знакомство с собой, разрушение созданных стереотипов. Второй – трансформация, «захватывающие пятидневные приключения в мире новых возможностей, активизация внутренних ресурсов и тому подобное, по сути – закладка программы подчинения. Третий этап – игра, трёхмесячный марафон по реализации глобальных проектов, отработка привычки быть эффективным и успешным.

– Привычки даже?

– Так это формулируется.

– А результаты есть?

– О результатах я уже сказал, люди сходят с ума, а об успешных проектах никто не слышал.

– Сволочи!

– Полностью согласен.

Ульяна встала.

– Пойдёшь спать или ещё посидишь?

– Вахид должен был заскочить.

– Тогда я вам чай-кофе приготовлю. – Ульяна вышла.

Самандар подъехал через десять минут, одетый в обычный гражданский костюм муниципального чиновника, серый в синюю полоску, плащ сверху, зонтик. Котов подсунул ему тапки, Вахид Тожиевич поцеловал в щёку Ульяну, и комиссары прошли в кабинет Василия Никифоровича.

– Посчитал? – спросил гость, усаживаясь в кресло хозяина как в своё собственное.

– С трудом, – кивнул Котов, устраиваясь на стуле.

Речь шла о средствах, необходимых для реализации бандлика в отношении лидеров Совета по правам человека при президенте. Было доказано, что СПЧ напрямую связан с иностранными агентами и защищают организации, работающие против интересов России.

– Что получилось?

– Трое к ликвидации, трое к предупреждению. Нужны четыре группы и около двух миллионов.

– У меня примерно тот же расклад. Этот лысый подонок, глава СПЧ, вчера во всеуслышание заявил по первому каналу, что правозащитная деятельность – это не защищать хороших, а защищать всех. Каков пассаж?

– В русле всей его деятельности. СПЧ по сути является политической партией, представляющей интересы западно ориентированных, исключительно политизированных правозащитников, использующих правозащитное поле как прикрытие для отстаивания прав западных агентов влияния. Я уже позвонил Артуру, посоветовал искать замену для тех, кого мы нейтрализуем.

– Синельников справится, если мы закрепим за ним СПЧ?

– Почему ты спрашиваешь?

– Мне показалось, что он взялся за работу с неохотой.

– Точно по законам Йеркса – Додсона.

– Это ещё что за законы?

– Первый определяет зависимость эффективности деятельности от уровня мотивации: эффективность растёт до определённого предела, после чего начинает падать. Этот предел называют оптимумом мотивации.

– Думаешь, Саша потерял мотивацию?

– Не потерял, но достиг предела. Второй закон Йеркса – Додсона утверждает, что уровень оптимальной мотивации связан обратной зависимостью с уровнем трудности задачи. Чем она проще, тем выше оптимум. Синельников постарел, и не все стоящие перед нами задачи становятся ему по плечу.

– Но у нас с тобой это не прослеживается?

– Потому что мы ещё не достигли оптимума, – усмехнулся Самандар. – Образно говоря, мы моложе душой.

– Твоими устами да мёд пить... может, поговорить с ним? Обсудить условия, дать отдохнуть?

– Он поддержал нас без всяких условий. Другое дело – устал, пусть отдохнёт... после того как закончит оздоровлять СПЧ. У него большие связи, да и оперативник он исключительный, хотя и без задатков экстрасенса. Слышал, что американцы ещё одного нашего гражданина умыкнули в Турции?

– Верницкого? Слышал.

Речь зашла о похищении российского программиста Алекса Верницкого американскими спецслужбами по обвинению в хакерской деятельности против США и «всего мира».

– По моим данным, он не виновен.

– Когда это останавливало американцев?

– Вот бы проверить бандлик – освободить парня, пока его не переместили в Штаты. Сейчас он где-то на американской базе под Анкарой.

– У нас нет ни сил, ни времени на подготовку. Этим пусть занимается ГРУ.

– ГРУ не частная структура, не полезет без надобности. Артур упросил президента дать нам спецгруппу «Рубеж», которая работает в тылах ИГИЛ и в Турции. Может, её задействуем?

– Она понадобится нам в Киеве.

– После Киева.

– Посмотрим, не знаю, не слишком ли ты оптимистичен?

– В каком смысле?

– Настолько уверен, что мы справимся с Комитетом?

Вахид Тожиевич почесал гладкий подбородок, поглядывая на экран, в глубине которого всё ещё висел текст рекламы тренингового центра «Лайф-спринт», кивнул на монитор.

– Прикидываешь подступы?

– Ты не ответил на вопрос.

Лицо главного теоретика и аналитика «Стопкрима» опечалилось:

– Мы взяли за великое дело не ради наград и оценок. Фраза «Если не мы, то кто?» абсолютно точно определяет наш выбор. Мы *можем* проиграть, сил действительно маловато, несмотря на президентскую поддержку, но мы абсолютно *обязаны* победить! И я пойду по этой дороге до конца!

– Я тоже, – вздохнул Котов. – Хотя я боюсь. Боюсь направить Матвея по ложному пути.

– Восточная мудрость гласит: не беспокойся о том, по какому пути ты направляешь другого, ты ли знаешь, какой путь истинный, какой ложный?

– Вот и я о том. Отвечаю за этот выбор я.

– Мы с тобой ещё ни разу не ошиблись, дружище, так что твоему сыну не грозит ложный посыл.

– Стас ведь свернул с истинного пути?

– Ты забыл, как усыновлял его? Он прошёл такую мусорно-жизненную школу, которая оставила глубокий след в психике ребёнка. И он не слуга Тьмы, хотя и оказался на тёмной стороне. Я верю, что он будет с нами, несмотря на идею перехвата власти «во благо человечества». Эту дурь я у него из головы выбью.

– Попробуй, – задумчиво сказал Василий Никифорович. – Ты пойдёшь с Матвеем к сектантам?

– Могу и я. Давно не участвовал в бандликах как оперативник. Мы возьмём эту семейку, главных гуру, а Веня с командой – рыбку покрупнее, чиновников-муниципалов, закрывающих глаза на деятельность центра, и полицейских, крышующих заведение.

– Хорошо, я пойду с вами. Хочу посмотреть, как будет действовать Матвей. Теперь о главном.

– В Брюссель вылетаем послезавтра, маршрут построен.

– Я о Киеве.

– Вместе с СДРГ «Блиц» частного президентского воинского подразделения «Рубеж», которая ещё в Турции, но готова прибыть в Киев, нам передан «Штык» майора Ухватава. Отряд уже на месте и ждёт указаний. Туда же направилась наша группа обеспечения и поддержки, квартирьеры работают, «Киберберкут» предупреждён и готов содействовать.

Всё это Василий Никифорович знал, но выслушал слова Самандара с удовлетворением. И всё же сердце щемило: главная задача поиска МИРа с Великими Вещами в нём лежала на Матвее, и хотелось уберечь сына от провала, ошибок и бед, избежать которых не удавалось ещё никому, выбирающему Путь.

Офис тренингового центра «Лайф-спринт» располагался в Козицком переулке, в строении № 6, возведённом впритык к остаткам церкви Успения Богоматери и сдаваемом владельцем в аренду полусотне фирм и торговых учреждений. Строение было двухэтажным, не особенно роскошным, но офису «Лайф-спринт» досталось самое большое помещение площадью в двести квадратных метров, где собирались те, кто хотел «разорвать круг повседневности и стать успешным бизнесменом».

Наблюдатели сообщили, что хозяева центра, супруги Садыкбаевы, Ильяс и Мирра, уже прибыли на место «увлекательного интерактива», который должен был начаться через сорок минут. В офисе центра в данный момент находились четверо: супруги-гуру и два охранника.

– Заходим, – сказал Василий Никифорович.

Вход в строение № 6 охраняла не полиция, а сотрудники ЧОП.

Самандар показал молодому парню в серой униформе удостоверение полковника полиции.

– Эти со мной! Никого не впускать до моего распоряжения!

– Слушаюсь! – вытаращил глаза охранник.

Настенное зеркало в небольшом вестибюле отразило проходящих: все трое были в одинаковых чёрных плащах, одинаковых штанах фиолетовой искры и одинаковых штиблетах, а также укрывали шеи одинаковыми красными шарфами, что делало их похожими на братьев или скорее клонов. Стилисты «чистилища» подобрали всем и примерно одинаковые шевелюры неопределённого цвета, а также усы и бородки.

Василий Никифорович знал, что Матвею этот оперативный камуфляж не нравился, сын никогда не любил ряженых и не пользовался услугами стилистов, но в данном случае и вообще при работе «чистильщиков» такой камуфляж был оправдан.

Миновали вестибюль, по которому изредка проходили посетители фирм, вошли в дверь с надписью «Тренинговый центр «Лайф-спринт». Вход свободный».

Зал для занятий был ещё пуст. В нём располагались ряды стульев на полсотни сидельцев, подиум с пюпитром для лектора и музыкальные колонки. Над подиумом висел шар, обклеенный кусочками зеркал.

Один из углов зала был отгорожен зеркальной стеной с дверью, где и обретались, очевидно, гуру центра.

Из небольшой конторки слева от двери выглянул дюжий молодой малый в чёрно-сером комбинезоне. Лицо у него было рябое и сонное.

– Рано ещё.

– В самый раз, – отрывисто сказал Самандар, вторично показывая удостоверение. – Хозяева здесь?

– Готовятся.

– Свободен.

– Велено никого... э-э, не пускать, – заикнулся охранник.

– Со мной ОМОН, так что сиди в своей конуре и не рыпайся. – Самандар сделал знак спутникам. – Пошли.

Дверь в кабинет владельцев центра открылась бесшумно.

Помещение было небольшое, метров на десять. В нём стояли стол, кресло и диван, холодильник-бар и компьютер под столом. На столешнице светился пузырь объёмного экрана.

У зеркала над тумбочкой сидела молодая размалёванная женщина, примеряла рыжий парик, одетая в нечто напоминающее изумрудный хитон.

Мужчина, молодой, с развитой мускулатурой, типичный мачо, напяливал на себя седой парик. Лицо у него было приятное, смуглое, нос горбинкой, но губы кривились неприязненно, а в глазах стоял лютый холод, от которого у Матвея непроизвольно свело скулы. Обернувшись, глава семьи нахмурился, увидев незнакомых мужчин.

– Вы ко мне, граждане? Занятия начнутся через полчаса.

– Господин Садыкбаев Ильяс Саидович? – осведомился Самандар голосом радиодиктора времён Великой Отечественной войны.

Брови владельца центра изогнулись домиком:

– Вы не ошиблись. Хотите записаться на тренинг? Мирра, запиши их в кондуит. Условия обучения вам известны?

Самандар молча положил на столик перед Садыкбаевым чёрную визитку «Стопкрима».

– Вас предупреждали две недели назад. Помните?

Глаза владельца центра потемнели, метнули молнии.

– Вы понимаете, чем шутите?!

– Мы не шутим, родной, – ровным голосом сказал Котов-старший. – Тебя предупредили, чтобы ты закрыл школу и уехал из России в свою родную Киргизию. Ты не врубился, теперь очередь за нами.

– Илья? – удивлённо проговорила жена Садыкбаева, перестав возиться с париком. – Ты терпишь? Позови охрану!

– Кто вы такие, чёрт побери?! – взвился брюнет.

– «Чистильщики», – тем же тоном сказал Василий Никифорович. – К вашим услугам. Шутки кончились, пора платить.

– Да я вас... как мышей! – Садыкбаев выхватил из кармана халата смартфон, быстро набрал номер: – Климентий Баширович? Тут ко мне...

Матвей сделал шаг вперёд и выхватил из руки Садыкбаева телефон так быстро и ловко, что тот не успел отреагировать, передал Самандару.

Вахид Тожиевич глянул на экранчик мобильного, поправил на губе родинку микрофона своего айкома.

– Виктор, пробей номерок... – Он продиктовал набранный хозяином номер.

Садыкбаев бросился к нему и нарвался на защитную позицию Матвея – рука горизонтально вытянута, ребро ладони целится в горло.

– Галимов, ко мне! – крикнул брюнет, пытаясь ударить Матвея рукой, потом ногой. Человеком он был жилистым, сильным, но попытки сбить Матвея с ног не прошли, и в конце концов он оказался на полу, охнув, когда ему завернули руки за спину.

– Не трогай его, бандит! – очнулась рыжеволосая Мирра, бросаясь на Матвея кошкой.

Тут уже пришлось вмешаться Котову-старшему, который действовал не менее решительно, чем сын.

В течение нескольких секунд визжащая женщина, извиваясь в руках Василия Никифоровича, стараясь расцарапать ему лицо ногтями, оказалась на диване со связанными за спиной руками и наклейкой скотча на губах. После этого Василий Никифорович помог связать главу секты, оставив его лежать на полу.

Командир группы обеспечения из подразделения Синельникова позвонил через две минуты. Самандар выслушал ответ, сказал: «Займитесь им», – повернулся к Котову.

– Он звонил майору Синицыну, начальнику отдела по борьбе с незаконной предпринимательской деятельностью ЦАО.

– Хорошая «крыша», – кивнул Василий Никифорович. – Этот майор проходил по нашим спискам?

– Нет, но мы предполагали, что муниципалов поощряет кто-то сверху. Ничего, он теперь на очереди в разработку. – Самандар повернулся к мычащему Садыкбаеву. – Мораль читать не буду, ты всё равно не последуешь совету. Первое предупреждение тебя тоже не подвигло сменить род деятельности, поэтому мы сегодня не просто

судьи и палачи, мы – корни твоих будущих страшных снов. Вместе с тобой будут наказаны все, кто тебя прикрывал: полиция, местные чиновники и арендатор, знавший, чем ты занимаешься. Об этом ты узнаешь сегодня из теленовостей. За тобой семь недавних суицидов твоих учеников и три десятка душевнобольных, требующих лечения. Думаю, их больше на самом деле. Поэтому пощады не будет. Старик, помоги.

Котов подошёл к нему.

Самандар достал из кармана особой формы нож, рукоять которого образовывали буквы «СК».

– Подержи.

Василий Никифорович перевернул дёргающего ногами, вспотевшего и дурно пахнущего Садыкбаева, на бок, утвердил его руку на полу, и Самандар одним точным ударом отхватил ему большой палец.

Рыжеволосая Мирра завизжала, стала дёргаться, выпучив глаза.

Самандар достал бинт, перебинтовал руку наказанного, вытер нож, спрятал.

– Если не выполните рекомендации «чистилища», наказание будет иным. И никто, официально подчёркиваю, никто не поможет! – Он посмотрел на женщину, наставил на неё палец. – Я знаю, откуда вы достаёте материалы и кто разрабатывает вам тексты тренинговых интерактивов. Очередь за ними. Сегодня я тебя милую, завтра – не пощажу! Лежите смирно четверть часа, за вами присмотрят наши люди.

Самандар жестом показал спутникам на дверь и первым вышел из кабинета владельцев «Лайф-спринт». За ним последовали Котовы.

Охранники мялись в зале, не решаясь выяснить, что происходит. Они слышали шум, но не поняли его причину.

– Там кто-то кричал... – неуверенно сказал ряболицый.

– Увольняйтесь с этой работы, – сказал Вахид Тожиевич бесстрастно. – Иначе и вам придётся отвечать. Зайдите к ним через полчаса.

В кабине самандаровской «Мазды» Василий Никифорович повернулся к не проронившему ни слова сыну.

– Похоже, ты не в восторге от акции.

– Они... были... безоружны, – пробормотал Матвей.

– А ты хотел, чтобы они встретили нас огнём из автомата? Их оружие – ложь и презрение к людям, что намного страшнее.

– Я понимаю... но не хочу быть... палачом.

– Результат работы этой пары тебя не ужаснул?

– С ними надо было...

– Что?

– Воспитывать как-то, провести разъяснительную работу.

– Им по сорок лет, – сказал Самандар, отъезжая от здания, – поздно воспитывать и читать лекции, это шакалы в человеческом обличье, заточенные зарабатывать деньги и власть любым путём. Люди для них что насекомые. К тому же они исключительно опасны, имея связи в полиции и правительстве. Если их не остановить, завтра ещё появятся самоубийцы с их подачи. Кстати, знаешь, сколько мы насчитали таких центров по всей России?

– Сколько?

– Около тысячи! Теперь представь, что ждёт страну в будущем, если не пресекать их деятельность. После нашего бандлика многие задумаются, ждать «чистильщиков» или не стоит рисковать.

Матвей откинулся на спинку сиденья, глядя перед собой невидящими глазами. Проблема существовала, от неё нельзя было отмахнуться, но всё казалось, что существуют какие-то другие методы убеждения, способные отвадить очередных «гуру» от губительных для обычных людей практик. Мозг искал эти методы и не находил.

Василий Никифорович понял чувства сына, сжал ему локоть.

– Это нелюди, сынок, с ними нельзя иначе. Мы надеемся, что паратройка таких уроков заставит остальных «учителей» оставить этот бизнес. И другого пути нет, поверь.

Дальше ехали молча.

– Ты домой или к нам? – нарушил молчание Котов-старший, посмотрев на часы.

Матвей хотел сказать: «домой», – он устал почему-то, несмотря на отсутствие больших напряжений, хотелось остаться одному и поразмыслить над своим новым опытом «чистильщика», – но в тоне отца прозвучала некая надежда на домашние посиделки, и он решил:

– У вас переночую.

– Хорошо. Вахид...

– Понял, – отозвался Самандар, поворачивая с третьего транспортного кольца в сторону Измайлова. – Я бы тоже у вас остался,

не будете возражать?

– Что за вопрос?

Самандар внимательно взгляделся в отражения лиц пассажиров в зеркале заднего вида, хмыкнул и добавил:

– Хотя не получится, забыл, у меня встреча после девяти.

– Я нашёл МИР, – внезапно сознался Матвей, не имея больше сил держать в себе эту тайну.

– Любишь сюрпризы? – посмотрел на него отец. – Когда?

– Вчера вечером... ночью... с Дивой ходили.

– Почему не сообщил?

– Дела помешали... разные.

– Что за МИР? – осведомился Самандар.

– Мирмеков.

– Точно, ты уверен?

– Уверен, я даже скелет матки Мирмеков видел. – Матвей помолчал. – И Великую Вещь обнаружил.

– Да ты что?! Какую?

– Эскулап. И ещё: Стас сказал, что на базу готовится нападение.

Самандар ударил по тормозам, остановил машину и оглянулся.

В кабине стало тихо.

– Рассказывай, – обронил Василий Никифорович.

Глава 5

Не подходите близко к «чистилищу»

Рано утром 18 октября район посёлка Белые Росы, находившегося в семи километрах от МКАД по Ярославскому шоссе, был перекрыт подразделением ФСБ «Альфа» под командованием подполковника Ростовцева. Приказ гласил: захватить группу террористов в одном из коттеджей посёлка, принадлежащем эксперту Счётной палаты Самандару, и при сопротивлении уничтожить группу и сам коттедж.

Действовали как всегда, подключив технические службы «конторы», компьютерные и спутниковые системы слежения, технические средства типа роботов-наблюдателей, роботов-огнемётчиков и стрелков, а также используя хорошо защищённые бронемобили и спецкостюмы «Ратник» последнего образца.

Уже было известно, что территория коттеджа и подходы к нему контролировались новейшей системой видеонаблюдения с компьютерным зрением «Оруэлл 4k», разработанной в российском научно-производственном центре «Элвис». Такие видеосистемы способны были выделять из толпы и вести любого человека и предупреждать оператора о возможных маневрах объекта и его намерении открыть стрельбу, поэтому сначала группа техподдержки «Альфы» обеспечила «глухое поле» на территории посёлка, включив подавление всех диапазонов мобильной и радиосвязи, кроме оперативных раций, и наметив основные пути прорыва периметра, и лишь потом к делу приступили оперативники.

– Готовы, – доложил подполковник куратору операции по фамилии Котов; кем был этот человек и почему ему доверили такую важную работу, Ростовцев не знал.

– Начинайте, – бросил по рации куратор, находившийся в одном из броневедомств на окраине посёлка.

– Аллюр! – бросил в микрофон шлема опытный Ростовцев, руководивший подразделением больше десяти лет. На забрало шлема подавались все необходимые данные для операции, и компьютерные планшеты для командования не требовались, тем не менее на коленях

подполковника, сидевшего в другом бронев автомобиле «Тигр-А», устроился планшет «Малкин», обеспечивающий дополнительные услуги и оперативные сведения, по полю которого с контурами домов посёлка двигались зелёные звёздочки бойцов, жёлтые – технических устройств, синие – систем огневой поддержки.

Красными огоньками отмечались находящиеся в коттедже и у заборов охранники и работавшие в коттедже люди. Ростовцев насчитал девять красных звёзд, из которых три принадлежали охранникам, ещё три работающим у компьютеров пользователям, остальные – спящим людям, так как эти звёзды практически не двигались.

Три группы команды Ростовцева перекрыли улицы вокруг коттеджа и выход в лес, контролируемый телекамерами. Четвёртая бесшумно залегла перед центральными воротами усадьбы.

Включилось дистанционное подавление сигналов телекамер и датчиков движения, которыми был окружён периметр усадьбы.

– Первый – ворота! – командовал Ростовцев.

– Взяли, – ответил командир первой группы лейтенант Зорич.

– Второй – выход в лес!

– Под контролем, – отозвался командир второй группы капитан Кочкин. – Всё тихо.

– Третий – движение по территории за забором!

– Понял, – долетел голос командира третьей группы лейтенанта Кондратова.

– Минута на дыхание!

Три мигнувшие звёздочки на шлеме Ростовцева подтвердили получение приказа всеми бойцами подразделения.

Минута истекла в тишине.

На территории дачи Самандара, подозреваемой в сокрытии базы террористов, ничего не изменилось. Охранники не спеша обходили периметр, люди в доме вели себя спокойно, может быть, спали.

– Танцуем!

Вспыхнули прожектора, установленные на роботах вокруг дачи, высветив малейшие щёлочки и дырочки в заборе, антенны и столбики телекамер.

Ухнул негромкий взрыв, разнося ворота в клочья.

Бойцы «Альфы» слаженно пошли в атаку, похожие на киборгов из американских ужастиков и, в общем-то, мало им в чём уступавшие.

Охранников дачи действительно оказалось всего трое. Сопротивления они практически не оказали, да и вооружены были всего лишь пистолетами и резиновыми дубинками. Только один из них бросился на атакующих бойцов спецназа и был обездвижен разрядом дистанционного электрошокера, стреляющего на десять метров. Остальные сориентировались быстро и попадали на землю, закрывая затылки ладонями.

Группа Зорича, преодолев ворота участка, ворвалась в главный коттедж.

Группа Кочкина штурмом взяла небольшое подсобное строение в глубине сада и развернулась к просеке в лесу.

Группа Кондратова захватила гараж и окружила коттедж с тыла, где располагались летний бассейн хозяина, небольшая кухня и баня, в которых никого не оказалось.

Но, к огромному удивлению и разочарованию бойцов, их никто в коттедже не встретил! В нём не было ни одного человека! Электронная и тепловизионная аппаратура опознавания целей ошиблась, выдавая за живых людей работающие в здании нагреватели специального назначения, поддерживающие температуру решёток на них на уровне тридцати шести градусов по Цельсию.

Не оказалось в коттедже и компьютеров или каких-либо складов с оборудованием и оружием. В трёх закрытых на ключ помещениях бойцы обнаружили странные аппараты, увенчанные решётками антенн, которые имитировали работу компьютеров и защитных систем, а в подвале – груды битого стекла, пластика и картона, которая внезапно загорелась, когда в помещение ворвались альфовцы. И ни одной целой вещи, ни одного ствола, ни одного взрывного устройства, которые должны были иметь террористы, засядь они здесь для подготовки терактов.

– Пусто! – доложил Ростовцеву капитан Кочкин.

Машина подполковника въехала на территорию дачи, он вылез и направился к двери главного входа, снятой с петель, мимо сторожко осматривающихся с оружием наготове «киборгов».

– Нашли хоть что-нибудь?

– Дырку от бублика, – грубовато ответил лейтенант Зорич. – Они явно знали, что их собираются брать.

Ростовцев вызвал куратора:

– Старшой, здесь никого нет.

- Люди?
- Я же говорю – никого, только три вертухая.
- Уходите!
- Мы должны вызвать...
- Уходите немедленно, это подстава!

Но уйти бойцы «Альфы» не успели.

Башенка на крыше коттеджа с красным флюгером вдруг взорвалась, и на дом, на территорию вокруг него, на всех бойцов «Альфы» выплеснулась волна такого зловония, что Ростовцева вырвало. Спецназовцы бросились натягивать противогазы, сдвигая забрала шлемов, кто-то закричал.

Ростовцев, кашляя и давясь слюной, выбежал за ворота, едва не потеряв сознание от запаха.

- Отходим! – запоздало гаркнул капитан Кочкин.

Бойцы кинулись врассыпную, прочь от коттеджа.

Дом загорелся.

– Сволочь! – прохрипел Ростовцев, отбежав от дачи «террористов» на сто метров и прокашлявшись.

- Что там у вас? – слышался голос куратора операции.

– Вонь! – оскалился подполковник. – Дышать нечем! Они взорвали вонючую бомбу!

– Этилмеркапан, – хмыкнул Стас (куратором-посланцем Генпрокуратуры был он). – Оружие скунса. Долго отмываться будете.

- Какого дьявола?! Где террористы?! Нас что, подставили?!

– Это я у вас должен спросить. Надо было заранее просчитать варианты и выявить, кто здесь реально находится. По всему видно, что хозяин успел слинять и подготовил сюрприз.

- Я буду вынужден доложить начальнику Управления...

– Делайте всё, что считаете нужным. – Стас повернул голову к водителю броневедомобиля. – Поехали.

Начало светать...

* * *

Вопреки ожиданиям Меринов не пришёл в ярость и не вспылал, хотя на тяжёлое бугристое лицо генпрокурора легла землистая тень. Выслушав порученца, он некоторое время просматривал поступившую

в компьютер информацию от своих людей в МВД и ФСБ, затем перевёл мрачный взгляд на Котова, равнодушно изучавшего стол перед собой.

– Чем ты это можешь объяснить?

– «Чистильщики» знали о предполагаемом штурме базы и успели перебазироваться.

– Куда?

– Прикидываю варианты. Допросите охранников, может, подскажут.

– Это обыкновенные чоповцы, работали по найму, они понятия не имели, что охраняли. Пётр Семёнович пообещал вырыть «террористов» из-под земли, но вряд ли это осуществимо.

Стас кивнул. В способности нынешнего директора ФСБ он тоже не верил.

– В рядах «конторы» немало «чистильщиков», источник утечки информации о предполагаемой атаке на базу «чистилища» следует искать там.

– Займись этим.

– Это не моя епархия. К тому же я занимаюсь Киевом. По моим расчётам, туда уже начали прибывать курьеры Комитета, нам тоже пора отправляться.

– Ты забыл о Великих Вещах.

– Не забыл, по крайней мере три из них будут у нас.

– Они нужны мне сейчас!

– Вы не сможете перевезти их в Киев. Это первое. Второе: Вещи доставят по назначению надёжные люди, нам не придётся прилагать никаких усилий.

– Почему это мы не сможем сами перевезти Вещи?

– На них идёт охота, вы сами говорили, что Дубинин знает о тайниках с Вещами и напярк всю свою агентуру, чтобы Вещи к Сходу были у него. Поэтому защитить артефакты могут только adeпты Круга.

– Кого ты имеешь в виду?

– Комиссаров «чистилища». Вещи у них.

Меринов побагровел.

– И ты мне говоришь об этом только сейчас?!

– Что изменилось бы, скажи я вам об этом месяцем раньше? Иерихонская Труба, или Свисток, – у младшего Котова, Дзи-но-рин, или Дзюмон – у его отца. Они в курсе того, что готовится Сход

Комитета, и собираются этому помешать, для чего сами доставят Вещи в Киев. Зачем им препятствовать?

– Но они их не отдадут добровольно!

Стас улыбнулся.

– Вот для этого мне и нужен младший Котов, целый и невредимый.

– Надёжнее будет захватить обоих и отобрать Вещи.

– Ваша команда сегодня уже пыталась захватить базу «чистилища» на даче одного из комиссаров. Описать, чем там пахло?

– Дерьмо собачье!

– Вовсе не собачье.

– Я не об этом... твои замыслы – дерьмо!

– Разработайте план получше. Пока что я ни разу не ошибся, наблюдая за вашими разборками. «Стопкрим» вас переигрывает.

– Стану анархом – раздавлю!

– Легче сказать, чем сделать.

Генеральный прокурор остыл:

– Ты уверен, что Свисток и Щит будут у нас?

– На сто процентов.

– А если Дубинин доберётся до них раньше?

– Предлагаю пустить его по ложному следу.

Меринов оживился:

– По ложному следу? Что ты предлагаешь?

– Вчера я нашёл третий артефакт.

Меринов застыл, окаменев:

– Ты... нашёл... Вещь?! Где?! Какую?!

– Эскулап, его нашёл младший Котов, но я вовремя перехватил инициативу и обеспечил преимущество.

– Эскулап у тебя?!

– Остался у Матвея, но он отдаст его в Киеве.

– С какого бодуна?!

– Он поклялся.

Меринов облизал губы, переваривая услышанное. По лицу его побежали, сменяя друг друга, тени эмоций: недоверия, сомнений, надежды и угрозы.

– Клятвы в наше время – бред! Детский лепет на лужайке! Никто в них не верит, тем более я.

– И всё же Эскулап будет у меня... у нас. Я отвечаю.

Зазвонил телефон. Меринов вздрогнул, нервно глянул на экранчик смартфона, но в руки не взял.

– Я должен быть уверен... что эти Вещи будут у нас!

– Гарантирую.

– Похоже, мне придётся лететь в Киев.

– Вы мне не доверяете?

– Я доверяю только себе, и то не всегда, – угрюмо пошутил генеральный прокурор. – Свободен до вечера, в семь жду в прокуратуре, обсудим план кампании.

Стас встал, вытянулся, небрежно кинул руку к голове и вышел.

Меринов проводил его нехорошим взглядом, схватил смартфон, набрал номер, который высветился на экране минуту назад.

– Витаутас? Ты далеко?

– У себя, – доложил глава службы внутренней безопасности Генпрокуратуры Витаутас Бланк.

– Зайди.

Через пять минут в кабинет бочком протиснулся Бланк, небольшого роста, горбоносый, лысоватый, с мелкими чертами лица, с глазами-пуговицами.

– Садись, – кивнул Меринов, отрываясь от экрана компьютера. – Федералы обосрались, знаешь?

Бланк кивнул, просеменил к столу хозяина кабинета, сел на краешек стула; речь шла о провале операции с захватом базы «Стопкрима».

– Нужно обыскать квартиры Котовых, старшего и младшего. Немедленно! И тихо.

Бланк потёр горбинку носа:

– Тихо не получится.

– Значит, как получится. Сколько тебе понадобится времени на подготовку?

– Смотря какими средствами я буду обладать.

– Всеми необходимыми. У тебя есть прикормленная команда.

– Но ведь это гоп-стопники... наёмники.

– А для такого дела и нужны бывшие зэки и маргиналы. Всё можно будет списать на них.

– Почему вы не подключите группу Стаса?

– Он вышел из доверия.

Бланк снова помассировал нос:

- Сутки.
- Утром должен быть результат.
- Что искать?
- Необычного вида артефакты, я скину описание по мейлу.

Найдёшь – доставишь мне, где бы я ни был!

– Мне бы ещё парочку профессионалов, из тех, кто шарит в кражах.

- Дам двух бывших медвежатников [\[5\]](#), остальных ищи сам.

Бланк меланхолично пожал плечами:

- Как скажете. Я составлю смету расходов.
- Работай.

Начальник службы безопасности поднялся и бесшумно испарился.

Глава 6

Гребёж средь бела дня

Дети были уже вполне самостоятельны и нередко ходили в гимназию без сопровождения, тем более что она располагалась всего в квартале от дома. Однако нынешним утром Ульяна решила завести их по пути на работу, так как там планировалась инспекция пожарного надзора и надо было подготовиться к визиту проверяющих.

Василий Никифорович уехал рано утром, пообещав к обеду вернуться, и Ульяна, проводив мужа, собрала детей и поехала в гимназию.

– Без баловства, – напутствовала она Борутку.

– Как можно, мам? – по-взрослому, с отцовской интонацией ответил семилетний крепыш.

– Мы будем вести себя тише воды, – пообещала Луша, и тоже – с отцовской интонацией.

Ульяна рассмеялась, поцеловала обоих, проследила, как они вливаются в стайку спешащих в гимназию детишек, и с лёгким сердцем поехала на работу; она была гендиректором частной пекарни «Хлебодар», офис которой, да и цех по производству, располагались на другом конце города, на улице Дмитровской.

Однако проехать она успела всего две улицы, после чего вспомнила, что забыла дома папку с документами, и решила вернуться.

Во дворе машину поставить не удалось, там собирались менять асфальт, и дорогу загромождали машины ремонтников, подъёмный кран и асфальтовый каток. А так как в гараж ехать не хотелось, пришлось объезжать дом с другой стороны и оставить «Ниссан» на улице.

Что-то насторожило женщину, когда она проходила мимо пикапа «Бьюик», из кузова которого крепкие мужчины в синих робах сгружали коробки с арматурой. Всё-таки она всю жизнь прожила с комиссаром «Стопкрима», и глаз у жены Котова был наметанный.

Пошла медленней, соображая, что именно ей не понравилось в обычной деловой суете во дворе. Вспомнила, что у двух здоровяков в робах красовались наколки на тыльных сторонах ладоней, а у их вислоносого бригадира с шапкой чёрных лохматых волос –

ещё и на шее. Мало того, коробки они снимали как-то уж очень легко, не прилагая усилий, небрежно, играючи, словно те были пустыми. И самое главное – в их взглядах читалась какая-то суетливая раскованность, вовсе не присущая сосредоточенным на работе людям. Они вроде бы и не смотрели по сторонам и тем не менее косились на прохожих с необычной сторожкостью.

В груди похолодело. Ульяна не считала себя трусихой и паникёршей и нередко принимала решения, подчиняясь интуиции и смертельному ветру опасности. Вот и сейчас она вдруг поймала волну *неприятности* действительности и решила подчиниться внутреннему голосу.

Палец коснулся браслета айкома; гарнитуру мобильного телефона – клипсу динамика и родинку микрофона – Ульяна практически не снимала.

– Вася, ты далеко?

Василий Никифорович отозвался тотчас же:

– Я в Балашихе, устраиваемся на новой базе. Что-то случилось?

– Ещё нет, но может. – Она остановилась у подъезда. – Ты видел ремонтников во дворе?

– Нет.

– Значит, они подъехали, когда ты уже уехал.

– И что?

– Это... не ремонтники.

Василий Никифорович выдержал паузу:

– Ты дома?

– Нет, отправила детей, вернулась за документами, а во дворе асфальт собрались укладывать. Стою у подъезда.

– Немедленно уходи! Я буду не раньше чем через полтора часа. Позвони Матвею, он в Москве.

– Хорошо, жду. – Ульяна сделала вид, что забыла что-то в сумочке, начала копаться в ней, вызвала сына.

Матвей ответил вдвое медленнее отца:

– Ма? Доброе утро. Как дела? Ты ещё спишь?

– Сынок, может быть, я зря поднимаю панику...

Матвей отбросил игривый тон:

– Что случилось?

Ульяна невольно улыбнулась: сын реагировал на вызовы точно так же, как отец, теми же словами и с теми же интонациями.

– Отец тебе не звонил только что?

– Нет, я объезжал пробку, услышал звонок, а это ты.

– У нас во дворе подозрительные люди, вроде как дорожные рабочие, но все в наколках.

– Ты дома? Никуда не выходи!

– Я уже вышла, отправила детей в гимназию и вернулась, но ещё не зашла в дом.

– И не заходи! Я на ТТК, буду в вашем районе минут через двадцать пять.

– Хорошо, будут ждать в машине напротив дома.

Матвей отключил телефон.

Ульяна выронила из сумочки ключи, нагнулась за ними, исподтишка оглядывая двор, и ей очень не понравился взгляд бригадира ремонтной бригады, брошенный на неё. Похожий на грузина мужчина стоял за детской площадкой, в двадцати шагах, и на лице у него застыло выражение хищника, приготовившегося к прыжку.

Из подъезда вышла семейная пара – соседи Котовых, Иван Дмитриевич и Домна Марковна, поздоровались с Ульяной, и она обрадовалась возможности уйти со двора вместе с ними, естественным образом. Заговорила о погоде.

Ей ответили. Иван Дмитриевич, военный пенсионер, пошутил насчёт изменений климата:

– Из-за начавшегося потепления мы скоро замёрзнем.

Ульяна засмеялась, добавила:

– Учёные сами не знают, утонем мы в результате таяния арктических льдов или, наоборот, вымерзнем от ледникового периода.

Мимо пробежала стайка молодых девчат в откровенных мини-плащиках и ещё более откровенных бикини-шортиках. Послышался смех и такой мат-перемат, что Домна Марковна всплеснула руками:

– Как они разговаривают!

– Смывки общества, – презрительно отозвался о девушках Иван Дмитриевич. – Совсем стыд потеряли! Я в Замоскворецком ЖКХ работаю, гражданскую оборону поднимаю, так кругом мат слышу, с утра до вечера. Чиновники наши так изъясняются меж собой. Начинаю спрашивать: вы понимаете друг друга?! Или у вас совести нет?! Вы же себя не уважаете! Ответ: «Иди в болото, старик!» А то и куда подальше пошлют. Раньше такого не было, даже в городах, душа

нараспашку, песни вместе пели... Кануло золотое время безвозвратно во тьму веков, а вернётся ли – одному богу известно.

Ульяна грустно покивала в ответ на речь соседа, потому что и сама думала так же. Хотя в отличие от Ивана Дмитриевича верила в будущее сына, которому инфарх напроорочил стать Архитектором Согласия.

Выбрались на улицу.

Ульяна попрощалась с соседями и направилась к своему серебристому автомобильчику, стараясь выглядеть беззаботно-рассеянной. Ей это удалось, но не помогло, потому что, во-первых, за ней увязался один из рабочих в робе и каске, долговязый и небритый, а во-вторых, у машины мялись двое парней бомжеватого вида, в грязно-серых одинаковых куртках и джинсах. Оба повернулись к Ульяне, когда она начала переходить дорогу.

Палец коснулся браслета.

– Матвей?

– Я близко, – мгновенно ответил сын.

– У машины двое...

– Не подходи!

Ульяна послушно остановилась, снова начала рыться в сумочке. Идущий за ней ремонтник подошёл вплотную. У него было тёмное, с оспинами, лицо с двумя складками у губ, ниточка усов и оловянные глаза. Он улыбался, но лучше бы этого не делал.

– Забыли ключ от машины, девушка? – спросил он.

Ульяна отступила на шаг:

– Вам какое дело?

– Пойдёмте, я провожу вас домой, заберёте ключ. – Тонкие губы рабочего неприятно изогнулись. – Одной нынче гулять по улицам опасно.

– Отстаньте!

В руке парня появился нож.

– Пошли со мной, быстро! Крикнешь – зарежу!

Двое парней у машины двинулись к Ульяне, преграждая ей путь к отступлению. Страха она не чувствовала, только гнев и злость на себя, что так бездарно попала в ловушку, но рукопашным боем она никогда не занималась, а экстрасенсорика организма вряд ли помогла бы ей загипнотизировать грабителей. Да и не грабители это были, судя по их целенаправленным действиям и отсутствию какого-либо страха перед прохожими.

– Не трогайте меня!

– Заткнись! – Рука рабочего вцепилась в ремень сумочки.

И в этот момент рядом с визгом тормозов остановилась белая спортивная машина, из неё вынеслась плохо различимая *тень*, раздался удар. Охнув, рабочий выпустил сумочку, выронил нож и упал на тротуар.

Бомжи, приблизившиеся к женщине, приостановились в нерешительности, не понимая, что происходит.

Тень оказалась возле них, коснулась шеи одного мужчины, вывернула руку второго и с бешеной силой воткнула его лицом в асфальт.

Всё произошло так быстро, что никто из редких прохожих не успел отреагировать на происходящее, лишь пожилая женщина в стареньком пальто моды прошлого века остановилась и оторопело уставилась на лежащих, словно увидела привидения.

Тень выпала в осадок, превратилась в Матвея. Он схватил замершую Ульяну за плечо.

– Ма, очнись, с тобой всё в порядке?!

– Да, родной, – опомнилась она. – Может, вызвать полицию?

– Ни в коем случае! Садись и уезжай.

– Нет, я лучше подожду отца.

– Тогда отъедь хотя бы за угол, чтобы эти твари снова не пристали, пока я буду разбираться с их начальством.

– А с этими что?

– Будут жить, я их только отключил.

Ульяна без возражений села в машину. Прожив с мужем больше тридцати лет, она научилась обходиться без лишних слов и ценить время.

Матвей проводил мать глазами, снял с «ремонтника» белую каску, нахлобучил на голову, призраком прошмыгнул между едущими автомобилями и исчез за углом дома.

Ульяна тронула машину с места.

Во дворе между тем продолжалась тихая возня «ремонтной бригады», которую только неопытный глаз мог принять за обычную неторопливую суету гастарбайтеров.

Двое украшенных наколками битюгов раскатывали резиновый шланг. Третий делал вид, что пытается запустить компрессор. Четвёртый устанавливал железные решётки ограждения вдоль

тротуара, поглядывая то на дверь подъезда, то на бригадира, разговаривающего по мобильнику. Ещё один здоровяк сидел в кабине машины-будки.

Всего Матвей насчитал семерых рабочих, играющих роль ремонтников, но был уверен, что по крайней мере двое-трое скрываются в подъезде. Это была оперативная группа, цель которой пока оставалась непонятной, хотя на спецназ МВД, а тем более ФСБ, она не тянула. Роли свои «ремонтники» играли плохо, а их нападение на мать вообще нельзя было назвать профессиональной акцией.

Ждать отца не хотелось. Могли очнуться вырубленные «гастарбайтеры» и поднять тревогу. А узнать, кто собрался «латать асфальт» во дворе, не нуждавшемся в ремонте, с какой целью, кто руководил операцией, надо было обязательно. И Матвей начал действовать, привычно вызвав состояние управляемого стресса, которое Самандар называл *темпом*.

Первыми под «порыв урагана» попали рабочие со шлангом.

Матвей бил не в полную силу, но скорость ударов решала всё, и могучие мужики, заработавшие свои наколки на зоне, пропустив два «копья» в шею, осели на асфальт, выпуская шланг из не знавших настоящего труда рук.

Моторист у компрессора успел только повернуть голову, получил «булыжник» в ухо и нырнул под колёса агрегата.

Худосочного вида парень упал на решётку, та загремела, опрокидываясь, и только после этого остальные «рабочие» обратили внимание на нестандартное развитие процесса «укладки асфальта».

Водитель ЗИЛа-«будки» высунулся из кабины, пытаясь сообразить, что происходит, потянул из кабины монтировку, но получил удар в лобском бетона и нырнул обратно в кабину.

Ещё один «ремонтник» вывернулся из-за пикапа, кинулся было бежать, но зацепился за шланг и был сбит с ног катушкой с намотанным на неё кабелем.

Оставался «бригадир», с телефоном в руке оторопело разглядывающий двор. Очнувшись, он сунул руку под полу куртки, явно собираясь достать оружие, и Матвей, цапнув с пикапа арматуру, метнул её в противника, надеясь на скорость и точность расчёта.

Чернявый «бригадир» успел-таки вытащить пистолет, однако нажать на курок не успел: арматурина вонзилась ему острым торцом в плечо и развернула на девяносто градусов, а потом подскочивший

Матвей отобрал у мужика оружие; это был «калашников-15», новейший пистолет для подразделений спецназа ФСБ.

Начали останавливаться выходящие из подъездов жители дома и прохожие. Закричала какая-то старушка:

– Бандит! Бандит! У него пистоль!

– Что происходит?! – сунулся к Матвею молодой парень в джинсе.

– Конечно, это бандиты, – среагировал Матвей. – Свяжите их чем сможете и вызывайте полицию!

Он повернулся к согнувшемуся «бригадиру», рывком повернул к себе, особым образом натянул рукой воротник спецовки, сдавливая шею. Лицо мужчины показалось знакомым.

– Кто вы такие?! Говори!

– Отпусти...

– Кто такие?! Что здесь делаете?! Зачем напали на Ульяну Котову?!

– Ты... пожалеешь...

Память выдала подсказку: мужик встретился ему в коридорах Генпрокуратуры.

– Бланк?! Какого чёрта?!

– Я получил приказ...

– От кого?!

– Леонард Маратович...

– Что ему надо?!

– Сам спроси...

Матвей встряхнул начальника службы внутренней безопасности Генеральной прокуратуры так, что у того лязгнули зубы.

– Говори, спецназовец хренов! Задушу!

– Приказано... обыскать... квартиру Котовых...

– Зачем?!

– Ему нужны какие-то вещи...

– Вещи?! – Матвей вдруг понял, о чём идёт речь. – Откуда он знает о Вещах?!

– Я только исполняю приказ...

– Сколько вас?!

– Две группы... десять человек...

– Так это и в самом деле не спецназ?

– Спецконтингент...

– Бывшие зэки? Наёмники? Остальные где?!

– В доме трое...

Матвей нажал на шее посланца Меринова точку на сонной артерии, как учил его Самандар, посылая Бланка в нокаут, метнулся к подъезду, не обращая внимания на собравшуюся небольшую толпу.

В подъезде никого не было.

Матвей вызвал лифт, потом помчался по ступенькам лестницы вверх, не желая терять ни секунды. На шестом этаже замер на несколько мгновений, прокачивая энергоинформационные потоки через себя, выскочил на лестничную площадку перед квартирой родителей.

Дверь в квартиру была полуоткрыта, а из щели на лестницу смотрел чей-то глаз.

Кого ждёте, идиоты?! Закрываться надо!

Удар ногой в дверь внёс прячущегося за дверью человека (такой же «ремонтник» в робе, но без каски) в глубь прихожей. Его вопль предупредил остальных грабителей, умело вскрывших два замка, однако это Матвея не остановило.

Один гость выглянул из детской, второй из спальни родителей. Оба, возможно, и были профессиональными взломщиками квартир, но не профессионалами спецназа, хотя и оказались вооружены ножами, поэтому сопротивления не оказали. После недолгого маневрирования Матвей уложил гостей на пол, угостив обоих «сваями» – ударами, отключившими сознание. Хотел было позвонить отцу, но в этот момент за спиной вдруг открылась дверь туалета (как он не почувствовал ещё одного грабителя?!), и оттуда выглянул сначала ствол пистолета с глушителем, а потом появился его владелец – баскетбольного роста молодой парень в обычном джинсовом костюме, с бейсболкой на голове; у него были глаза навыкате и огромная челюсть.

Взять его на приём Матвей не успевал, гостиную и туалет разделяли метров шесть, поэтому ничего не оставалось делать, кроме качания «маятника», помогавшего уйти с вектора выстрела, и попытаться обезвредить гостя броском какого-либо постороннего предмета. Однако закончился выход «баскетболиста на площадку» не так, как предполагали оба.

В двери прихожей проявилась крупная *тень*, и в руку парня в бейсболке, державшую пистолет, вонзился нож, брошенный тренированной рукой. Парень вскрикнул, роняя пистолет, схватился за рукоять ножа, выдернул его из локтя.

Тень бесшумно переместилась к нему, превращаясь в Котова-старшего, раздался хруст, и баскетболиста отбросило к двери туалета с переломанным носом. Ударившись о косяк, парень кулем свалился на пол, теряя сознание.

Василий Никифорович наклонился, поднял нож и пистолет, повернулся к Матвею.

– Тщательней работать надо, капитан.

– Я...

– Не спи! Давно они здесь?

– Только начали обыск, искали...

– Великие Вещи, это понятно. Я отдал Дзюмон Вахиду.

– Надо ему позвонить.

– Уже позвонил, всё в порядке, скоро приедет. Где ты держишь Свисток?

Матвей окаменел:

– Чёрт!

– Мчись домой, перехвати нюхачей, если успеешь.

– Мама ждёт...

– Я разберусь, не теряй времени.

В прихожую вошли двое мужчин, в одном из них Матвей узнал Вениамина Соколова, с которым ездил в Смоленск.

– Помощь нужна?

– Дай человека, с ним поедет.

Соколов оглянулся:

– Витя, давай с Матвеем.

Светловолосый крепыш молча кивнул.

Матвей хотел было отказаться от сопровождающего, потом подумал о необходимости поддержки и махнул парню рукой:

– За мной!

Лифта ждать не стали, мячиками скатились на первый этаж по лестнице.

Во дворе сутились оперативники Соколова, укладывая тела не пришедших в себя «гастарбайтеров» в штабель и сгоняя оживших к ЗИЛу. Собравшийся прохожий народ глядел на это, оживлённо обсуждая инцидент, выдвигая множество разнообразных гипотез. Полиция всё ещё не появлялась, из чего Матвей сделал вывод, что «гоп-стопная» команда Бланка действовала самостоятельно, не извещая о своих намерениях органы защиты правопорядка.

До 1-й Парковой в Измайлове доехали за час, не обращая внимания на предостережения антирадаров: вся Москва была буквально утыкана телекамерами ГИБДД.

Матвей остановил «Чери» на улице, не заезжая во двор дома, настроился на состояние просветления, мимолётно подумав, что это уже начинает входить в привычку.

По двору гуляли сквознячки недоброго внимания.

Матвей приостановился за углом дома, напрягся, пытаясь вычислить наблюдателей, но машин во дворе скопилось много, несмотря на присутствие шлагбаума и охранника, пришлось бросить это занятие и двигаться к подъезду, оценивая скрытую опасность объектов боковым зрением.

– Иди за мной и смотри, кто пойдёт следом.

Крепыш Витя кивнул, не проронив ни слова за время в дороге.

Настораживало количество машин во дворе, так как попасть на стоянку во дворе мог только транспорт, пропущенный охранником, либо автомобиль, владелец которого имел дистанционный чип-ключ, однако намётанный глаз Матвея сразу заметил парочку чужих авто, припаркованных за шлагбаумом, на том месте, где всегда стояли «Шевроле» соседа и салатового цвета «Рено», принадлежавший какой-то девице. На сей раз здесь красовались два одинаковых джипа «Рендж Ровер» с номерами ЕКХ, которые водители прозвали «еду как хочу». С такими номерами ездили только представители силовых структур столицы.

Возле джипов никого не было, лишь в одном из них сидел водитель, едва видимый сквозь густо затонированные стёкла.

– Займись им! – указал на джип Матвей. – Оружие есть?

Виктор утвердительно кивнул.

– Стрелять в крайнем случае. И догоняй меня, подъезд первый, пятый этаж.

Он прошёл мимо джипов, включая на ходу айком.

– Па, я подъехал, вижу две чужие тачки.

– Справишься?

– Постараюсь.

– Скоро подъедет Вахид, я направил его к тебе.

– Понял, начинаю работать.

В подъезде мялся мощного сложения молодой человек *специфического* вида: мелкие детали простого лица, бегающие глаза,

опущенные уголки губ, тату на скуле, чистой воды «шестёрка» на стрёме. Матвей даже на миг не засомневался, что парень оставлен у лифта для слежки за жильцами дома.

– Закурить не найдётся? – осведомился он, работая на опережение.

Вопрос застал соглядая врасплох. Он мучительно наморщил лоб, пытаясь сообразить, как действовать, сунул руку в карман куртки и получил удар в челюсть, отбросивший его на ступеньки лестницы. Матвей добил парня, устраивая ему «затемнение сознания» не меньше чем на полчаса, прислонил к стенке и бесшумно побежал вверх, преодолевая чувство дежавю, прислушиваясь к звукам, долетавшим на лестницу извне. На четвёртом этаже замер на мгновение, превращаясь в биолокатор. Мимолётная мысль напомнила ему, что за последние два месяца преодоление лестничных пролётов превратилось в привычку, становясь неким своеобразным этапом специальной подготовки перед боевыми действиями в условиях жилых зданий.

Дверь квартиры была закрыта, однако Матвей сразу вычислил, что умельцы Бланка вскрыли замок и проникли внутрь. Но дальше этого не пошли. Профи спецназа оставили бы бойца у двери, в крайнем случае – закрылись бы изнутри, гости же не сделали ни того ни другого.

Потянув дверь за ручку, Матвей убедился, что она не заперта, набрал в грудь воздуха и ворвался в свою собственную квартиру, как метеорит в атмосферу Земли.

Грабителей было трое. Один возился в прихожей, вытряхивая из шкафчика обувь и одежду. Двое шуровали в гостиной, методично обшаривая буфет, комод и книжные полки. Хозяина они не ждали, считая себя ни от кого не зависимыми, и очень удивились, когда в квартире возник ураган и разбросал их по углам комнаты.

Парня в куртке «влажный ворс», добравшегося до коробок с зимней обувью, Матвей вбил в дверь шкафчика в прихожей, не заботясь о целостности его рёбер и шеи.

Здоровенный амбал, заросший чёрным волосом (руки у него казались целиком покрытыми шерстью как у обезьяны, что было видно по высывающемуся из рукавов куртки запястьям), вскинул голову, получил щелчок в лоб каменным окатышем, который год назад подарил Матвею прилетевший с южных морей Паша Редькович (таких красивых полосатых окатышей на полочке под абажуром в прихожей было много,

Матвей и сам собирал их, будучи на отдыхе), окосел, но бить его пришлось дважды, уж очень здоровым оказался «родич горицкы».

Третий гость, успевший выбросить на пол книги с полок, худой, но жилистый, гибкий, затеял было состязания по боксу, затем достал нож, скалясь золотыми зубами (особый шик среди воров), и Матвей не сразу успокоил золотозубого грабителя, хорошо владеющего приёмами ножевого боя. В конце концов Матвей поймал его на выпад, выбил нож, сломал противнику палец и добил, взывшего от боли, ударом в кадык.

Вспомнив допущенную в квартире родителей оплошку, метнулся в спальню, но никого там не обнаружил. Воров было трое, не считая стоявшего на стрёме у лифта парня.

Вернулся в прихожую, нашёл коробку с осенними мокапинами, в которой лежал завёрнутый в шелковый мешочек Свисток. Вздыхнул с облегчением. Подумал: «Интересно, кто навёл Бланка с блатарями на схрон с Великими Вещами? Кто знал, что у Котова-старшего хранится Дзи-но-рин, а у младшего – Иерихонская Труба?

«Стас!» – пришла догадка.

«Но он мог попытаться захватить Вещи и раньше, зная их месторасположение», – возразил Матвей внутреннему голосу. Какой резон бывшему Воину Закона нанимать для похищения Вещей команду бывших зэков? Но тогда возникает вопрос: кто задумал эту операцию, не посвящая Стаса? Товарищ Меринов, генеральный прокурор и он же – босс Купола?

– Привет, – объявился вдруг в прихожей мужчина в строгом фиолетовом костюме.

Матвей подскочил и... расслабился: это был Вахид Тожиевич Самандар.

– Привет.

– Разобрался?

– Почти.

– Трое?

– Четверо, пятый в джипе, с ним должен был разобраться Виктор.

Но ещё была команда в квартире у отца.

– Он мне доложился. Кто это, по-твоему? Братишка?

– Нет, скорее всего Меринов.

Самандар подошёл по очереди к каждому «уснувшему» гостю, обыскал, нашёл на троих набор отмычек и всего один самый

обыкновенный паспорт.

– Беки Умагаев, – прочитал он вслух, – дагестанец. Сорок два года, паспорт выдан в этом году.

– Бывший зэк, по наколкам видно, а паспорт выдали после отсидки – благодаря стараниям родной прокуратуры. Вот ведь отребье использует Бланк!

– Кто?

– Начальник службы внутренней безопасности Генпрокуратуры, я его узнал.

– Значит, Меринов. А он работает на Дубинина.

– Меринов давно работает на себя, мечтая свалить Дубинина и занять место анарха, Стас говорил.

– Пауки в банке.

– Что будем делать? Этих надо куда-то отправлять.

– Сейчас подъедут парни Синельникова, заберём и допросим. Но, похоже, наша спокойная жизнь кончилась, надо менять жильё и уходить в подполье.

Матвей встретил светлый до ледяной сини взгляд комиссара и понял, что его размеренная жизнь экополицейского действительно ушла в прошлое.

Глава 7

Включение эскулапа

Президент выглядел скверно, будто после долгих бессонных ночей. Лицо у него было бледное, под глазами набрякли мешки, нос заострился, и Артур, с тревогой понаблюдав за ним, решил поделиться своими умозаключениями с Котовым.

– Боюсь, мы скоро лишимся поддержки, – сказал он первому комиссару «Стопкрима» при встрече возле спорткомплекса ЦСКА, куда Василий Никифорович зашёл, чтобы сообщить руководству о своём увольнении.

Медленно двинулись по мокрой асфальтовой дорожке вдоль центрального корпуса. Накрапывал мелкий дождик, погода уже с неделю стояла дождливая, настраивающая жителей столицы на скорый приход зимы.

– Мы завтра улетаем, – рассеянно сообщил Котов, раскрывая зонт.

– Вы меня не слушаете, – укоризненно посмотрел на него Суворов, не торопясь воспользоваться своим зонтом.

Василий Никифорович сосредоточился на встрече:

– Извини, голова забита проблемами. Что ты имеешь в виду?

– Президент серьёзно болен, и я подозреваю, что он был атакован с помощью МКН во время летних встреч с оппозиционными СМИ на «Территории Смыслов».

– Но это было ещё в июле.

– Вот как раз с тех пор он и начал жаловаться на недомогание, у него катастрофически развился артроз коленей и, что самое тревожное, возбудилась стриктура уретры. Врачи разводят руками: ураганное течение болезни их поражает, а выход один – операция.

– Пусть ложится.

– В том-то и дело, что ему то же самое советует премьер, а он, как тебе известно...

– Диарх российского Союза Неизвестных.

– Заместитель анарха, претендент на его место. Верить ему нельзя ни на грош и уж тем более следовать его советам.

Василий Никифорович остановился, опустив голову, глубоко задумавшись. Струйка воды с зонтика стекла ему за воротник куртки, он вздрогнул, очнулся.

– Есть идея...

Артур молча шагал рядом, и Котов продолжал:

– Матвей нашёл Великую Вещь...

– Ты говорил.

– Но не говорил – какую. Это Эскулап.

Артур замедлил шаг, переваривая услышанное:

– Универсальный целитель... это правда?

Котов хмыкнул, и советник президента поправился:

– Извините, сгоряча ляпнул. Как Матвею удалось?

– Неважно, речь не об этом. Эскулап у него. Кстати, на нас наехала команда Купола, и мы переехали, перенесли базу, да и сами собираемся уходить в подполье. Меринов начал охоту.

– Его надо бы нейтрализовать.

– Займёмся им вплотную после Киева. Так вот, можно попробовать включить Эскулап.

– Но ведь Великие Вещи не функционируют как магические артефакты.

– Самандар подозревает, что функционируют, просто порог их срабатывания стал намного выше. Именно для того и собирается Сход Комитета, чтобы сообща инициировать сорок ВВ. В одиночку сделать это невозможно.

– Тогда в чём ваша идея?

– Попросить Матвея активировать Эскулап и подлечить президента.

– Вы только что сами говорили, что в одиночку инициировать Вещи невозможно.

– Попытка не пытка. – Котов усмехнулся. – Как в той рекламе сиалекса по ТВ: а что, а вдруг?

– Я готов на любой эксперимент, лишь бы помогло. Но согласится ли Игорь Владиславович?

– Уговори, мы ничего не теряем, а приобрести можем многое. По крайней мере, хуже не станет.

– Матвей согласится?

– Можешь не сомневаться.

– Я к тому, что парень может не выдержать ответственности, закомплексует, начнёт в себе копать и провалит операцию в Киеве.

– Не провалит, – уверенно проговорил Василий Никифорович, – он мой сын, и у него здоровые амбиции... плюс мощный внутренний ресурс. Времени у нас мало, поэтому хорошо бы встретиться с президентом сегодня.

Артур кивнул, глянув на часы:

– Я уговорю его. Где?

– Сами решайте, мне всё равно. Не хотелось бы светиться в Кремле и вообще в Москве.

– В резиденции президента, в Ново-Огарёве?

– Почему бы и нет в принципе? Только желательно сделать это незаметно.

– Само собой, без вопросов. К вечеру я позвоню.

На этом и расстались.

Артур действительно позвонил после обеда:

– Василий Никифорович, всё решено, к вечеру за вами заедет авто из гаража администрации, только скажите, где вас забрать.

– Лучше всего у метро «Измайловская», там удобная стоянка. Но я бы попросил тебя подъехать лично.

– Хорошо, буду. Как на просьбу отреагировал сын?

Котов помолчал. Вопреки ожиданиям Матвей согласился на эксперимент с Эскулапом сразу, и по тому, как у него загорелись глаза, Василий Никифорович понял, что ему самому не терпится проверить свои растущие силы и сделать доброе дело.

– Нормально, жду.

Встретились на пересечении Измайловского проспекта и 6-й Парковой в девять часов вечера. Артур подошёл к Котовым первым, поздоровался, поискал глазами Эскулап, не зная, как он выглядит.

– Не забыли раритет?

Матвей молча отогнул манжет, показывая браслет.

– Такой... непрезентабельный? – удивился Артур. – На компас смахивает.

– Ты же видел Свисток, – сказал Василий Никифорович. – С виду обыкновенная берестяная дудочка, на самом деле Иерихонская Труба. Каждая Великая Вещь подстраивается под реалии сегодняшнего дня, сохраняя ту форму, под которой их хранили.

– Не ожидал увидеть компас. Поехали.

Сели в джип «Инфинити» с номерами администрации президента, и в начале одиннадцатого подъехали к резиденции главы российского государства в Ново-Огарёве.

Ни старший Котов, ни младший никогда не посещали президентские владения, поэтому с интересом разглядывали главную усадьбу, построенную в стиле английской готики в девятнадцатом веке, центральный замок, похожий на шотландский, дом для официальных приёмов, гостевой дом с кинозалом, храм, вертолётную площадку за домом, за которой виднелись теплицы и птичник.

Никакой охраны вокруг видно не было, но это вовсе не означало, что резиденция не охранялась. Матвей не раз ловил на себе взгляды скрытых телекамер и ощущал работу магнитных и гравитационных сканеров, контролирующих наличие у гостей оружия. Он думал, что их поведут в дом для официальных приёмов, но Артур свернул в жилой дом, в холле которого их встретил молодой человек в белой рубашке с галстуком, то ли мажордом, то ли секретарь президента. Артур его знал, но знакомить со спутниками не стал.

– Нас ждут.

– Да, конечно, раздевайтесь и проходите, – сказал молодой человек, направляясь в правый коридор здания. – Игорь Владиславович в малой гостиной.

Сняли обувь, надели гостевые тапки, проследовали за провожатым до гостиной, дверь в которую была приоткрыта. Из глубин дома доносилась тихая музыка, но в гостиной царила тишина. Провожатый раскрыл дверь шире, вошёл, сказал: «Игорь Владиславович, к вам гости», – и вышел обратно, услышав: «Пусть заходят».

– Проходите.

Чувствуя стеснение в груди, всё-таки он первый раз встречался с президентом, да еще и в домашней обстановке, Матвей вошёл в гостиную вслед за Артуром и отцом.

Президент поднялся с кресла за круглым гостевым столиком из орехового дерева, на гнутых ножках. На столе стояли чашки и вазы с печеньем, конфетами и орешками. Одет глава государства был в голубую рубашку с муаровым рисунком двуглавого орла и в домашние хлопчатобумажные штаны цвета бирюзы. На ногах у него красовались туфли, смахивающие на унты. Он был бледен и выглядел совершенно больным.

– Прошу прощения, друзья, что принимаю вас по столь печальному поводу, – сказал он, извинительно сморщив лицо. Подошёл ближе, прихрамывая, подал руку Котову-старшему, потом Матвею. Оценивающе оглядел обоих. – Отец и сын... яблочко от вишенки... «чистилище», м-да... незаконная опора государства, так сказать.

– Не мы выбирали время, – пожал плечами Василий Никифорович. – Время выбрало нас. Работали бы законы, мы не возрождали бы «чистилище».

– Я вас не осуждаю. Если бы я мог обойтись без вас, я бы обошёл. Хотя не думал, что встречу с вами ещё раз, Василий Никифорович, не по делу. Как жизнь?

– Бьёт ключом, – без улыбки ответил комиссар. – Хотя иногда бьёт больно. У вас не так?

– Один к одному, – засмеялся президент. – Жизнь прекрасна, особенно когда ничего не болит. Тогда я становлюсь человеком. Жаль, что мы не знали друг друга раньше.

– Мне тоже, – сказал Василий Никифорович, изучая лобастое лицо президента с умными, всё понимающими глазами, в которых тлел огонёк сдерживаемого страдания. – Но случайных встреч не бывает, Игорь Владиславович, очевидно, мы нужны друг другу.

– Не знаю, насколько я вам нужен, но вы мне – точно. Присаживайтесь, прошу вас. – Президент сел в своё кресло, остальные последовали его примеру. – Чай, кофе?

– Позже, если не возражаете, давайте к теме.

– Что мне нужно делать?

– Ничего, просто расслабьтесь.

Матвей посмотрел на отца. Губы его отвердели:

– Оставьте нас.

Василий Никифорович внимательно посмотрел на него, помедлил, потом встал и повернулся к советнику:

– Выйдем.

Артур с сомнением посмотрел на президента.

– Идите, если это необходимо, – кивнул Игорь Владиславович.

Котов-старший и Суворов вышли.

Президент несмело улыбнулся:

– Надеюсь, вы не потребуете раздеваться?

Матвей порозовел; к нему обращались как к врачу.

– В этом нет необходимости. Но я попрошу вас встать.

Президент послушно исполнил просьбу, хотя было видно, что каждое движение даётся ему с трудом.

– Так?

– Станьте на свободное место.

– Будете слушать?

– Что?

– Врачи сразу приказывают дышать – не дышать, поднять руки – опустить.

– Нет, двигаться не нужно, стойте расслабленно.

– Долго?

– Пару минут.

Матвей сосредоточился на раскачке энергостолба, объединяя чакры в единое целое, «зажѣг» психику, настраивая организм на психоэнергетический резонанс, уже проявивший себя при поиске подземных МИРов.

Зона восприятия скачком расширилась, обнимая всё помещение и находившиеся в нём объекты, в том числе тело президента, ставшее почти прозрачным и светящимся. Матвей увидел пульсирующий язычок пламени – сердце, зеленоватые лёгкие, розовые кости, синеватый кишечник. Стали заметны очаги неблагополучия – колени, источающие коричневое свечение, и нижняя часть желудочно-кишечного тракта, мочевого пузыря, протоки, истекающие грязно-сиреневым тусклым свечением.

Лечением людей он никогда не занимался и анатомию человека детально не изучал, но сразу оценил состояние стоящего перед ним больного, и не просто больного – главы государства российского, переживающего не лучший период своей жизни.

Президент оценил его мимику.

– Что, совсем хреново? – слабо улыбнулся он. – Есть смысл возиться со мной?

– Есть! – твёрдо заявил Матвей, начиная настраивать Эскулап, висевший на руке мёртвой глыбой.

С минуту ничего не происходило.

Матвей вспотел, вдруг испугавшись, что у него ничего не получится. Но в этот момент в глубине браслета вспыхнула знакомая искорка, вспышка фиолетового света пронизала браслет, перетекла на руку, вонзилась в голову. Радостно-эйфорическое ощущение

потрясло душу, он едва сдержался, чтобы не рассмеяться, произнёс мысленно:

«Я в порядке! Вылечи его!»

С этой мыслью он снял с себя браслет, протянул президенту:

– Вашу руку!

Игорь Владиславович с любопытством осмотрел браслет, расстегнул рукав рубашки, выпростал запястье, и Матвей одним движением защёлкнул изделие инсектов.

– Сосредоточьтесь на болячках!

– Я и так на них сосредоточен... – Президент замолчал, вздрогнул, шире раскрывая глаза, пошатнулся. Матвей поддержал его под локоть, ощутив укол морозной стужи через ладонь. На его мысленном экране было видно, как от браслета на запястье главы государства по всему телу растекается золотистая световая волна.

– Больно... и щекотно...

– Всё нормально, терпите, идёт коррекция энергетики организма. – Матвей прислушался к своим ощущениям, потом к ощущениям президента, уже не удивляясь этой возможности; Эскулап *включился* и делал своё дело, исправляя «неправильности» тела пациента, удаляя кисты, опухоли, рубцы, места воспалений и «лишние» ткани.

Президент покачнулся ещё раз, его сознание начало плыть.

Матвей помог ему сесть в кресло, присел перед ним на корточки, не прерывая контакта рук.

– Ещё немного... скоро вам станет легче...

Интенсивность свечения, испускаемого Эскулапом, пронизывающего тело президента, скачком выросла, Матвей тоже чувствовал тепло, рука занемела, но он терпел, понимая, что прерывать процесс нельзя.

Президент дёрнулся:

– Горячо...

– Сейчас-сейчас... ещё секундочку...

Браслет мурлыкнул колечком густо-фиолетового света и погас.

Президент обмяк.

Матвей снял с него браслет, надел себе на руку, ещё горячий, как после нагревания над костром, и дымно пахнувший. Спасибо, дружок! Надеюсь, ты сделал всё правильно.

Схватив со стола салфетку, он намочил её струёй воды из сифона, протёр мокрый от пота лоб пациента, лицо, шею, смочил водой виски.

Президент открыл мутные глаза, прислушался к себе, недоверчиво потрогал рукой лоб, грудь, посмотрел на лекаря. В светлеющих глазах главы государства читалось недоумение:

– Ничего... не болит!

– Так и должно быть, – расслабился Матвей. – Эскулап нейтрализовал вирус и настроил энергетику, стриктура ваша рассасывается, артроз коленных суставов остановлен и вскоре перестанет вас мучить.

– Вы... волшебник!

Матвей, уловив перемену в настроении великодержавного пациента, с облегчением поднялся на ноги:

– Какой я волшебник, всё сделал Эскулап.

Президент не обратил внимания на это слово, посчитав, что лекарь говорит о каком-то враче древности.

– Век не забуду! Просите чего хотите!

Матвей отступил на шаг, испытывая неловкость. Можно было воспользоваться случаем и попросить «государя» о каких-то преференциях в будущем, но отец учил его всего добиваться самому, собственным трудом. Уже то, что он заставил Эскулапа включиться, было чудом и подарком судьбы, других подарков не требовалось.

– Готов служить Отечеству!

Фраза прозвучала излишне формально и напыщенно, но Матвей говорил искренне, и президент это почувствовал. Встал, всё ещё прислушиваясь к внутренним реакциям организма на отсутствие грызущей боли, подошёл к Матвею, – по щеке скатилась слеза, – и обнял:

– Благодарю, доктор!

Матвей проглотил ком в горле:

– Я рад... честно...

В гостиную вошли Котов-старший и Артур, остановились, с изумлением взирая на обнявшихся. За их спинами возник молодой помощник президента, в глазах которого отразилось замешательство. В воздухе повисла пауза.

Президент оглянулся, глаза его сияли:

– Проходите, товарищи, отныне двери этого дома открыты для вас. Просите что хотите!

Котов-старший пожевал губами.

– Лично нам ничего не надо... однако нам понадобится помощь в Брюсселе.

– Я подключу к вам особый отдел СВР.

– Спасибо.

Президент, всё ещё прислушиваясь к себе и не веря облегчению, снова обнял Матвея...

Глава 8

Брюссель как стартовая площадка

Матвей никогда не бывал в столице Бельгии, поэтому с интересом рассматривал интерьеры аэропорта Завентем, площадь перед аэропортом, в центре которой красовался стильный паро-водяной фонтан, и дома вдоль авеню Леопольд, по которой россиян везли в Брюссель.

Всё, что он успел узнать о бельгийской столице (времени на изучение материала кот наплакал), уместилось в формат рекламы, доступной каждому пользователю Интернета.

Основана в девятьсот семьдесят девятом году. Стоит на реке Сенна. Название происходит от двух слов: broes – «болото» и sels – «поселение». Управляет страной Парламент, король – лишь номинальный государь, хотя его дворец, возведённый во французском стиле короля Людовика XVI в тысяча семьсот семидесятом – тысяча девятьсот третьем годах, представляет собой настоящее чудо архитектуры.

В Брюсселе много международных организаций, в том числе такие, как Европейская организация по безопасности и сотрудничеству, Евросоюз, Международная таможня и НАТО. Достопримечательностей хоть отбавляй: собор Сакре-Кёр, строительство которого началось в тысяча девятьсот пятом году, а закончилось в тысяча девятьсот семидесятом, ворота Аль – часть городских укреплений четырнадцатого века, знаменитая площадь Гранд-Плас, считавшаяся самой красивой площадью Европы, Атомиум – модель молекулы железа, ставшая символом Брюсселя, и множество других архитектурных и природных памятников старины.

Но ни один из них Матвей, как и его спутники, не увидел. Встретивший их сотрудник национального бюро Восточных стран Европы по связям с соотечественниками отвёз делегацию правозащитных организаций сразу в гостиницу, и взорам гостей были доступны лишь те старинные строения, что попались им на пути от аэропорта к месту назначения.

Пятизвёздочный отель Le Chatelain Boutique располагался в Элсене – южной части города, на 17-й улице Шатлэн, в полусотне метров от торгового района на авеню Луизы. Это был небольшой, помпезного вида, не сильно красивый, но очень уютный отель, окружённый старинными зданиями и магазинами.

Гости прошли процедуру устройства и расположились в одноместных люксах на втором этаже, недалеко друг от друга. Так как до деловой встречи, от которой зависело конспиративное утверждение делегации как части зарубежного филиала Союза Европейских Правозащитников, было достаточно времени, решили пообедать не в ресторане своего отеля, а где-нибудь поближе к площади Гран-Плас. Самандар, уже бывавший в Брюсселе и хорошо знавший её значные места, предложил съездить в Чрево Брюсселя – гастрономический центр города. Все согласились. И уже через час гости бельгийской столицы расположились в белом зале ресторана Armes de Bruxelles на улице Мясников.

Ресторан оказался реально уютным и тихим. Обслуживающий персонал был вежлив и внимателен к «англичанам»: все трое свободно разговаривали по-английски. Изучили меню, изобилующее рыбными блюдами, выбрали варённые в рыбном бульоне морские улитки, мидии в белом вине, королевские крабы в соусе реюньон и мангусты.

Матвею выбранные им блюда понравились, готовить бельгийцы умели. Перейдя к третьему, он оглянулся, присматриваясь к новым посетителям ресторана, занимавшим последние свободные столики.

Говор вокруг стоял разноязычный, но слышалась и русская речь.

У прозрачной стены зала, обращённой к улице Мясников, веселилась компания молодых людей, выходцев из России, трое парней и девушка, одетые с подчёркнутой роскошью. На шеях парней в шёлковых рубашках висели кресты на золотых цепях, усыпанные бриллиантами, пальцы рук девушки с короткими каштановыми волосами были унизаны перстнями, на шее красовалось кольцо с претензией на бриллианты. Говорили они громко, не стесняясь окружающих, вели себя вызывающе, и Самандар, перехватив взгляд Матвея, ворчливо заметил:

– Вот по таким недоумкам, сынкам богатых родителей, и судят в Европе обо всех российских туристах.

– Их воспитанием занимались не родители, – буркнул Василий Никифорович, – такие же недоумки, люди при власти. И ничего с этим

не поделаешь.

– А надо бы. Пойти в воспитатели, что ли?

– В детский сад.

– Необязательно.

– Каждому воспитаннику будешь вручать чёрную метку?

– Найдутся методы потолерантнее.

За столиком с туристами из России заржали.

Посетители начали оглядываться на компанию.

– Смех без причины – признак дурного тона, – скривил губы Вахид Тожиевич.

– Или признак хорошенькой девушки, – пошутил Котов-старший. – А она симпатичненькая, жаль, что связалась с этими хлыщами.

Парни между тем заговорили громче, перебивая друг друга. В их речи прозвучало слово «рашка».

Матвей прислушался: говорили о России, это она была «рашка», и говорили презрительно, как об отстойнике недалёких, умственно отсталых «жлобов и лузеров». Было понятно, что молодые люди читали труды Акунина, выражавшегося почти так же о русском народе и о России, и опусы известного «оппозиционера с запашком» Макаревича.

– Чёрт! Встать, что ли, морду набить? – поморщился Самандар.

Василий Никифорович посмотрел на него, сдвинув брови, и Вахид Тожиевич ответил жестом: мол, успокойся, я в норме.

Однако неожиданно в процесс «отдыха» компании вмешалась другая сила.

Из-за столика в дальнем углу зала встали два джентльмена в хорошо сшитых костюмах, седовласый и черноволосый, с проседью в густых волосах, обоим было за шестьдесят, и подошли к веселящимся парням. Седовласый вдруг схватил парня с петушиным гребнем из крашеных волос на голове за шею и сунул головой в блюдо с рыбой.

– Веди себя прилично, щенок! Ты живёшь не в «рашке», а в России, великой стране великого народа, с великой историей и традициями! Уважай её жителей! А если мозгов хватает только на помои в её сторону да на золотые цацки, переезжай в Европу!

Всё произошло так быстро, что спутники парня оторопели, вытаращив глаза. Да и посетители ресторана не сразу поняли, что происходит.

– Ты чо, козёл?! – первой возмутилась девушка. – Обкурился, что ли?!

Приятеля парня с гребнем вскочили.

– Сидеть! – негромко, но с такой силой проговорил черноволосый спутник седого, что молодые люди оторопели. – Здесь вам не Воронеж, живо в СИЗО загремите! Чтоб духу вашего здесь через минуту не было! Да и вообще в Брюсселе! Я позабочусь, чтобы вас выдворили!

– Отпусти! – просипел втиснутый лицом в рыбные кости парень.

– Вы тут не одни, ублюдки! – процедил сквозь зубы седой. – Ведите себя прилично!

– Отпусти, – кивнул черноволосый.

Седой отпустил шею молодого человека, и оба вышли из зала, сохраняя достоинство, словно не имели никакого отношения к происходящему. Ошеломлённая компания не решилась их преследовать, хотя переживала долго, с криками возмущения и предложениями вызвать полицию или «догнать чмо и сломать сопатку».

– А ты говоришь – нет патриотов, – с удовлетворением усмехнулся Василий Никифорович.

– Уважаю! – выставил большой палец Самандар. – Старая гвардия. Есть ещё настоящие мужики на свете. Хотя быдла с деньгами всё равно больше. Капитан, как ты на это смотришь?

– Хороших людей больше, – пробормотал Матвей.

– Это ты просто молодой ещё, не научился смотреть на мир глубоко. Чёрная идеология, одолевшая СССР, победив Запад, умело опутала всю Россию, и количество хороших людей, обьевавшихся интернетовской пропаганды, желающих жить одним днём, «здесь и сейчас», ради себя любимого, с каждым днём увеличивается в геометрической пропорции. А коэффициент добра цивилизации, между прочим, остаётся низким.

– Нужно воспитывать...

– Вот мы и воспитываем... как можем. Пока – страхом, так как бандиты подчиняются только грубой силе, а потом, глядишь, и до светлых интерактивов дойдём.

– Если доживём, – обронил Василий Никифорович.

– Что ты имеешь в виду?

– Впереди бой в Киеве.

– Ничего, с нами наши боги, как говорили в старину, да и посланники инфарха на нашей стороне. Кстати, Горшин не звонил?

– Мне нет.

– Мне тоже, – сказал Матвей. – Дива сообщила, что он уже в Киеве, решает проблемы.

– Какие?

– Об этом я не спросил, но думаю, что он пытается найти выход к замку Акарин, где Рыков спрятал Вещи. Дива тоже туда собирается, мы встретимся.

– Мне бы пообщаться с ними, – сказал Самандар.

– Давайте о делах здесь не говорить, – сказал Василий Никифорович.

Обед заканчивали молча, поглядывая на сбавившую тон компанию молодых соотечественников, с которыми теперь можно было столкнуться в любом уголке планеты.

К пяти часам по местному времени вернулись в гостиницу, решив не тратить время на экскурсию по городу. Но Матвей всё же не усидел в номере, узнал у отца, что встреча с нужными людьми состоится в отеле аж в девять часов вечера, и два часа провёл в старинном центре Брюсселя, сделав на мобильный телефон несколько снимков самых интересных, по его мнению, шедевров архитектуры. Посетил Гран-Плас, погулял по авеню Луизы, полюбовался на королевский дворец и Сакре-Кёр, прокатился по одной из линий брюссельского метро (всего таких линий было шесть), отметив, что московская подземка чище и красивее, и сфотографировал-таки Атомиум, сделав селфи.

Несмотря на захвативших город, да и всю Европу, беженцев из Африки и Ближнего Востока, Брюссель умудрился остаться европейским, хотя смуглолицых прохожих на его улицах было больше, чем белолицых. Вели они себя в центре прилично, по оценке Матвея.

В половине девятого он вернулся в отель, не заметив за собой никакой слежки и вообще каких-либо опасных движений вокруг.

Отец находился у себя в номере, сидел за планшетом, разглядывая какие-то рисунки и схемы.

– Что-нибудь нашёл? – впустил он сына.

– Всё тихо, – понял его вопрос Матвей. – Никто никуда не торопится, полгорода бродит по улицам, в основном – мусульмане, судя по одежде, остальные сидят в кафе и пьют пиво.

– Попробовал?

– Нет, ты же знаешь, я пиво не люблю. Вы ужинали?

– Только что. Если хочешь – сходи в ресторан, успеешь.

Матвей бросил взгляд на рисунок в компьютере отца – нечто похожее на ферму ажурного моста, – но спрашивать, что это такое, не стал. Если бы отец захотел сказать ему, что изучает, сказал бы.

– Хорошо, схожу.

– У тебя минут сорок, потом ко мне.

Ужинал он в ресторане Le Maison, заполненном наполовину, с небольшими столиками, накрытыми розовыми скатертями. Здесь даже стены были розовыми и люстры.

Попробовал салат с крабами, съел щупальце осьминога, оказавшееся вопреки опасениям мягким и нежным, и выпил кофе «Амбасс» со сливками.

Переоделся в номере, зашёл в номер к отцу, уже готовому к выходу; одет Василий Никифорович был как чиновник Евросоюза, в тёмно-синий костюм с галстуком и значком ООН на лацкане пиджака.

– Хорошо выглядишь, – оценил Матвей.

– Польско туристо, облик морале! – ответил Котов-старший почти что словами персонажа из фильма «Бриллиантовая рука». – Ты тоже выглядишь как дипломат.

– Где встречаемся?

– Во внутреннем дворе, нас уже ждут.

Спустились в тихий внутренний двор отеля с садом, где и в самом деле уже собралась компания из четырёх человек, одетых не менее строго, чем Котовы. Ни одного из мужчин, кроме Самандара, Матвей не знал. Двое выглядели достаточно молодыми, сорокалетними на вид, третий незнакомец был постарше, морщинистый и безволосый, с седыми бровями; Матвей оценил его возраст в семьдесят с лишним лет.

Познакомились.

Старик с седыми бровями оказался бельгийцем по имени Ван Руумпер; по-английски он говорил так же свободно, как и по-русски. Один из его спутников оказался англичанином, второй – немцем.

– Идёмте на террасу, – предложил Самандар, одетый точно так же, как Котов-старший. – Я договорился.

Прошли на террасу, увитую виноградной лозой, встретив двух молодых людей в безупречных костюмах. Это были сотрудники бригады обеспечения «Стопкрима», делающие вид, что они просто

прогуливаются по двору. Их присутствие Матвей почуял ещё в холле отеля, но Василий Никифорович успокоил его одним взглядом, означавшим – это наши люди. Позже стало известно, что в операции «смены личности» участвовало в Брюсселе более трёх десятков специалистов разного уровня, в том числе сотрудники российской внешней разведки.

На террасе стояли четыре круглых столика, на одном из них стояли кофейные приборы, фрукты и сладости. Но компания отказалась от кофе, поэтому сели за пустой столик, на который Самандар поставил металлический с виду кругляш, создающий в радиусе десяти метров зону аудиореверберации, отсекающую любые попытки подслушать разговор.

Ван Руумпер заговорил первым, изложив диспозицию филиала «правозащитной миссии» «Мемориала» в Европе, а также сообщил, что в Киев летят трое руководителей брюссельского отделения и «сопровождающие их лица», в число которых включены были и «эmissары Еврозоны», то есть Котовы и Самандар.

– Вот ваши документы, – вытащил из кармана пиджака тёмно-синие паспорта спутник Руумпера, англичанин, так же свободно владеющий русским языком. Он был агентом «глубокого залегания» СВР, работающим под прикрытием представительства английского географического сообщества в Бельгии.

Самандар открыл первый паспорт, прочитал:

– Мартин Полански, поляк, Гданьск. Это тебе. – Он протянул паспорт Василию Никифоровичу.

– Адвокат, практикует в Гданьске, имеет свою частную адвокатскую контору, – добавил Руумпер. – Все формальности соблюдены, сайт конторы работает, отзывы сформированы.

Самандар открыл другой паспорт.

– Брахим Бериша, албанец, уроженец Элбасана. Это я. – Он спрятал паспорт в карман.

– Ты говоришь по-албански? – осведомился Котов-старший.

– Echte gjuha ime mature^[6], – ответил Вахид Тожиевич на албанском языке, не моргнув глазом, перешёл на русский. – Все мы в Киеве будем разговаривать только по-английски. Хотя должны шпрехать и на языке паспорта.

– Nie powtarzaj, zgadzamy się więcej na ten temat w Moskwie^[7], – сказал Котов по-польски.

– А вы кто? – поинтересовался Матвей у Самандара, не показав виду, что удивлён познаниями отца в польском языке.

– Сотрудник албанской военной разведки, – сказал немец по-русски, но с акцентом. – Прикрытие – правозащитная организация «Дуррес».

– Круто!

– Посмотри на свою ксиву, – посоветовал Вахид Тожитевич.

Матвей развернул паспорт, чёрный, с фиолетовым оттенком. На него глянула собственная фотография, под которой на двух языках, латышском и английском, было напечатано: Зигмунд Скуиньш, Латвия, Рига, улица Антонияс, дом 8.

– Скуиньш – чиновник, работает в ратуше, – добавил немец. – Курирует средства массовой информации, сотрудничает со Службой анализа информации при премьер-министре. Персональные данные проведены через все соцсети. За качество не волнуйтесь.

– По-латышски говоришь? – прищурился Вахид Тожиевич. – Повторил вопрос на латышском языке: – Latvijas teiciens?

– Promats, – ответил Матвей на латышском, выучив несколько обязательных фраз; о том, что он получит статус псевдолатыша, отец предупредил его ещё в Москве.

– Вы летите с нами? – посмотрел он на Ван Руумпера.

– Они – гаранты нашей безопасности на время всей операции в Киеве, – сказал Самандар.

– Извините, – смутился капитан.

– Вариантов три, – начал бельгиец. – Первый: всё идёт по плану, мы вне подозрений, находим подземелье под Лаврой и захватываем артефакты... в существование которых я лично не верю, честно говоря.

– Главное, что они существуют, – сказал Самандар. – Независимо от того, верите вы в это или нет. Многие из нас их видели, а три артефакта с нами.

– Вот как? – удивился Ван Руумпер. – Можете показать? Или это суперсекрет?

Василий Никифорович посмотрел на Матвея.

Матвей поддёрнул рукав пиджака, показывая браслет Эскулапа.

Все три представителя группы обеспечения с любопытством вытянули шеи, разглядывая древнее изделие инсектов.

– Armband^[8], – проговорил немец с недоверием.

– Так точно.

– Работает? – поднял седые брови Ван Руумпер.

Матвей вспомнил сеанс «лечебной магии» у президента. Артур звонил отцу ночью перед отлётом: президенту стало намного легче, Эскулап сделал своё дело, и у комиссаров «Стопкрима» появилась надежда на активацию других Великих Вещей, каждая из которых в прошлые времена была способна творить чудеса.

– Проверено, – подтвердил Василий Никифорович.

– Можете продемонстрировать?

– Если заболите или будете ранены. По легенде, он лечит любую болезнь и заживляет раны.

– Здорово! – крикнул англичанин. – На ком проверяли, если не секрет?

– Когда-нибудь узнаете.

– Вы сказали, что с вами три артефакта, нельзя ли посмотреть на другие?

– Прошу прощения, это ни к чему.

– Не отвлекайтесь, господа, прошу вас, – сказал строго Ван Руумпер. – Продолжим обсуждение. Вариант Б: нас вычисляют местные спецслужбы... чего не должно быть в принципе, потому что это означает провал миссии. Тем не менее вариант предусмотрен, разработан план перехода на нелегальное положение с другими легендами и перебазирование. И, наконец, самый плохой вариант – С: нам на хвост садятся спецслужбы Комитета и Союза Неизвестных США. На нём остановимся подробнее...

Вылетали из Брюсселя самолётом «Люфтганзы» ранним утром, вместе с делегацией ОБСЕ.

Матвей подспудно ждал каких-то каверз физического или психоэнергетического характера, слежки, нападения или дистанционного зондирования, но пребывание в столице Бельгии осталось не замеченным тёмными силами, и ничего экстраординарного не произошло. Вглядываясь в лица пассажиров аэробуса, он пытался оценить, что это за люди, и даже несколько раз «включал биолокатор»,

изучая ауру наиболее суровых с виду мужчин и женщин, гадая, не они ли являются эмиссарами Комитета 300. Затем бросил это занятие. Ни одного иерарха с уверенностью на все сто процентов вычислить не удалось. Некрасивых «грязных» аур было предостаточно, но принадлежали они иерархам UnUn или нет, сказать было трудно. Единственное, в чём Матвей был уверен: они на борту воздушного лайнера были.

Взлетели точно по расписанию.

Матвей сел у прохода, поэтому имел возможность наблюдать за сидящими справа пассажирами вплоть до бизнес-салона, но опять же не заметил в их поведении ничего демонического. И разговаривали они на самые обыденные темы: погода, здоровье, политика.

Однако стоило самолёту взять курс на юго-восток, разговоры в салоне стихли, и Матвей вдруг ощутил такой грозный всплеск пси-поля, что автоматически привёл себя в боевое состояние, огляделся, вычленив очаги наибольшей энергонапряжённости, и понял, что по меньшей мере половина пассажиров – неординарные люди, экстрасенсы, адепты европейских Союзов Неизвестных, «пастухи» человечества.

И ещё он понял: старт самолёта обозначил некую точку невозврата к прежней жизни! Сход Комитета 300 ещё не состоялся, но мир уже изменился!

Часть 3

Принуждение к миру

Глава 1

Плацдарм милосердия

Спасённый не подвёл, и группа расположилась в доме двоюродной сестры майора Шинкаря, на окраине Семёновки, в трёх километрах от аэропорта Борисполь, чуть ли не с комфортом.

Добрались до окрестностей Киева с места боя с конвоирами Шинкаря, утопив захваченный «Саксон», за сутки с небольшим. Повезло с транспортом. Отмахав пешком сорок километров (Лось назвал этот марш-бросок «полосой укрпрепятствий»), отряд остановил на киевско-мариупольской трассе микроавтобус «Шкода» с грузом контрабандных сигарет, ввозимых на Украину через Мариуполь, высадил водителя и охранника, связав их так, чтобы они пролежали в кустах не меньше двенадцати часов, и спокойно доехал до Вышеславска, где опять же утопил микроавтобус в речке Славка. После этого следующей ночью преодолели оставшиеся восемнадцать километров до Семёновки и устроились в доме Екатерины Пищенко, сестры Шинкаря.

Тридцатипятилетняя Екатерина оказалась женщиной умной, понимающей ситуацию, москалями никого не называла, их делу сочувствовала, так как давно убедилась в том, что страной управляют параноики, науськиваемые эмиссарами спецслужб США. Она помогла спрятать военное обмундирование бойцов: «оборотни», шлемы, планшеты, оружие, – и нашла, во что им можно переодеться, потому что гражданскими костюмами располагали только двое членов группы – командир «Штыка» майор Ухватов и разведчик Федя Величко, украинец, свободно разговаривавший на «мове».

Конечно, условия квартирования в небольшой хате Екатерины площадью всего в пятьдесят два квадратных метра, состоящей из двух комнат и кухни, не считая сеней, нельзя было назвать роскошными, да и не все понимали причину изменения в плане задач группы, но радовались передышке и старались «не светиться», чтобы не мешать хозяйке, и уж тем более не дать никаких подозрений соседям Екатерины в части её одиночества. Они не должны были догадываться, что у одинокой женщины, разошедшейся с мужем год назад из-за его

увлечения майданными теориями (он примкнул к Нацгвардии), появились гости.

В тот же день стали известны причины передислокации группы в Борисполь. Ухватов собрал бойцов ночью и сообщил, что они подключаются к некоей структуре под названием «Стопкрим», которая получила задание «навести порядок» в Киеве. Что имелось в виду, майор не знал сам, и все поняли его по-разному, однако вопросов почти не задавали.

– Вас разыщет их человек, – пояснил Ухватову координатор «Возмездия» полковник Будничный, он же Сват, – будете выполнять его приказы.

– Кто именно? – поинтересовался майор.

– Узнаешь, Кум, он позвонит и назовёт пароль по варианту «Ц».

– Хорошо, – сказал Ухватов.

Вариант «Ц» означал отмену первого задания и переход на нелегальное положение на «вражеской территории». Пароль для контактов с другими структурами, работающими на этой же территории, в том числе ГРУ и СВР, звучал как «хиба ж так можна?».

Честно отсидели в тесноте сутки, не выходя из дома, ведя на всякий случай круговое наблюдение. Читали местные газеты и журналы, которыми запаслась Екатерина, смотрели телевизор, ужасаясь и свирепея от лжи и грязи, ежечасно льющейся с экрана на Россию и «русских оккупантов». Идеологическая пропагандистская машина тотального вранья, запущенная эmissарами США, делала своё чёрное дело, разъедающая души украинцев, превращая народ в зомби, и было страшно наблюдать за детьми в школах, не считая детских военных формирований, послушно повторяющих за взрослыми речёвки типа «кто не скаче, той москаль» и «москаляку – на гиляку!». Власти Украины, практически раздробленной на улусы: юго-восточный – Новороссию, западный – Львовскую Галичину, южный – Одесский Грузинат и центральный – с Киевом во главе, – агрессивно-злобные, патологически ненавидящие всё русское и славянское, да и другие народности тоже, параноидально бездушные в жажде повысить рейтинг среди внешних управленцев – американцев, каждый день выдавали новые перлы и успешно выполняли приказы чужих спецслужб, для которых вечная война Украины с Россией была архивыгодна.

Вечером второго дня Ухватов получил приказ выдвинуться в Киев и встретиться с представителем таинственного «Стопкрима».

– Где конкретно? – спросил он.

– На Крещатике, – ответил ему Деверь, майор Сортов. – У входа в Бессарабский рынок.

– Как я его узнаю?

– Он вас узнает, Кум. Будьте предельно осторожны, Киев набит цэрэушниками, как арбуз семечками. – И Деверь выключил рацию.

– Пойдёте со мной, – сказал Ухватов, глянув на Лося и Чука. – Остальным ждать и не высовываться.

Бойцы группы разочарованно разбрелись по дому. Сидеть без дела им всем надоело, а слушать бесконечные песни телеведущих о «российской агрессии» или выступления предателей по телевидению, удравших из России в Украину, о «построении свободной независимой территории», становилось невмоготу.

– Можно я с вами? – неуверенно попросил майор Шинкарь. – Я хорошо знаю Киев.

Ухватов хотел отказать, но спасённый добавил: «Украинский язык – моя ридна мова». – И майор согласился.

– Чук, останешься.

– Слушаюсь, – пробурчал сержант, зная, что командир не любит выслушивать возражения подчинённых.

Семёновку от Киева отделяло около двадцати километров, поэтому нужен был транспорт, который не остановили бы случайно милиционеры или инспекторы ДПС. Проблему решил Шинкарь. Поговорив с сестрой, он предложил воспользоваться услугами почтового фургона, и Екатерина легко уговорила старого хохла, которого вся Семёновка знала по кличке Поллитрыч, созвучной с его фамилией Политучко. По имени-отчеству его никто не называл. Согласился взять пассажиров он за тысячу гривен.

Выходили из дому по одному, оглядываясь по сторонам, как партизаны во времена фашистской оккупации. Впрочем, нынешняя реальность Украины мало чем отличалась от реальности Великой Отечественной войны, разве что военная техника маршировала по улицам городов и сёл не немецкая, а английская и американская.

Поллитрыч узнал Шинкаря:

– Геннадич? Невже це ти? А говорили, що ти в Росію подався?

– Подався, – ответил Шинкарь, – да повернувся, хочу тут влаштуватися приносити користь.

– Це справа, роботи багато. Тільки начальство тут шкідливе, трохи що – правосекам доповідає, а ті швідкі на розправу, голова Семеновки – брательник їхнього фюреру.

– Нічого, у мене теж брат крутий, у Києві в СБУ служить.

– А це хто с тобою?

– С Одеси хлопці, прїїхали влаштуватися на газосбит.

– Справа хороша, хоча з газом у нас проблеми. Американці обіцяли сланцевий газ добувати, та так і не почали.

– Поїхали, Поллітрич, а то припізднимся, назад ще повертатися.

– Катька нічого про повернення не говорила.

– Я доплачу.

– Тоді, звичайно, сідайте, один зі мною, двоє у фургоні, там віконечко можна прочини і сідовіща є.

– Я попереду поїду, – пропонує Лось. – Поговорю з людиною, розспрошу, як живе, про життя грузинську, – он подмигнув, – у Одесі розповім.

Ухватов подумав і погодився, отвел лейтенанта в сторону:

– Не лянни чего лишнего. Едем до первой станции метро, оставляем машину и дальше на перекладных.

Расселись: Лось рядом с водителем, Ухватов и Шинкарь в фургоне на пошарпанных сиденьях. Кроме двух картонных коробок и запасного колеса в фургоне ничего не было, но запахи стояли такие, будто Поллитрыч возил какую-то химию или фармацевтику.

– Подрабатывает мужик, – принялся Шинкарь. – Не только почту возит. Аптекой воняет.

Ухватов приоткрыл окошко, сел поудобней.

– Чем раньше занимался, земляк?

– До разведки? Снабжением по линии ГРУ. В две тысячи пятнадцатом после Минска-2 каратели начали стягивать к Донбассу бронетехнику и живую силу, надо было подготовиться к открытию фронтов, и мы возили ополченцам гранатомёты, в большинстве своём противотанковые, и крупнокалиберные пулемёты. Свою артиллерию и бронетехнику ополченцы отвели, сдержать вал ВСУ чем-то надо было до подхода брони.

– Российские РПГ переправляли?

– Не, почти всё китайское, хотя они, гады, слямзили технологии у нас, а выдавали как своё. Пригодилось железо, как ты понимаешь,

долго укропы будут помнить ноябрь, когда залихватски пошли в наступление по всей линии фронта.

Ухватов промолчал.

Он знал о войне не понаслышке, воюя на стороне ополченцев Новороссии, и помнил, чем закончилось бравое веселье украинских вояк, рождённое ощущением вседозволенности и защищённости бронёй пятисот с лишним новых танков и полутора тысяч бронетранспортёров, от которых при первой же атаке осталась ровно половина.

Разговор увял сам собой.

Майор спросил о семейном положении Шинкаря, разведчик ответил, но не рвался продолжать беседу, думая о своём.

До первой станции метро, которой оказалась «Червоный Хутор», доехали за сорок минут. Патрулей ДПС разъезжало по дорогам от Борисполя до Киева много, но почтовый фургончик ЛАЗ никто не остановил, что позволило Ухватову поверить в успешность миссии. Он уже проверил не один раз реальность сентенции, утверждавшей, что если дело начинается с мелких препятствий, то его лучше не начинать.

Оставили Поллитрыча в машине, пообещав вернуться не позднее десяти часов вечера и принести чекушку.

Солнце давно село, на город спустился полумрак: в целях экономии электроэнергии освещение улиц на окраинах Киева отключали почти повсеместно, и даже в центре, на площади Независимости (майдане Незалежности), колыбели революций, и на знаменитом Крещатики фонари горели через один.

Время до встречи с неведомым «чистильщиком» ещё было, и Ухватов решил прогуляться по Крещатику от метро до Бессарабского рынка, уже закрытого к вечеру.

Ничто не напоминало событий прошлых «майданных войн», когда по всему Крещатику жгли шины, стояли палатки и разгуливали безбашенные хлопцы, скрывающие лица под балаклавами. Мирно ехали автомобили, нередко – военные камуфлированные джипы или милицейские «Форды», мирно шагали пешеходы, не особенно обращая внимание на отремонтированные фасады старинных зданий.

Возле монументальной кладки Бессарабского рынка стояла шеренга нищих, старики и старушки, бородатые бомжи и безногие или безрукие инвалиды. По наблюдениям Ухватова, прохожие подавали

милостыню больше инвалидам, чем старушкам, что указывало на отношение людей к «героям АТО»: их уважали больше.

Внезапно машины стали тормозить, сбиваться к тротуарам и останавливаться. Послышались возгласы:

– Хрестоносці йдуть!

– Правосланци...

– Розійдись! Не заважайте мирної акції!

На проезжей части Крещатика показалась немногочисленная колонна демонстрантов, молодых и постарше, в основном – мужчин, несущих транспаранты со странными геометрическими фигурами – жёлтый трезубец в форме креста на чёрном фоне, – и с красными надписями на том же чёрном фоне: «НДПС», «Народ – за Православие!» и «Я принёс вам Волю!». Все надписи были на русском языке. Впереди шли крупнотелые молодцы в чёрных рясах, бритые, за ними – мужчины постарше, в обычных куртках и пальто.

Кто-то в начавшей собираться толпе прохожих закричал:

– Улю-лю-лю! Геть православців!

По колонне прошло движение, из неё выбежали дюжие парни в балаклавах, бросились в шарахнувшуюся толпу.

Машины стали сигналить. Поднялся шум.

Ухватов со спутниками отошли к стене пиццерии.

– Что это за хрень – православцы?

– Провокация СБУ-ЦРУ, – усмехнулся Шинкарь. – Создано НДПС – «Народное движение православной справедливости», якобы в противовес «Правому сектору». Американцам мир на Украине не нужен, вот и науськивают украинцев друг на друга, чтобы здесь вечно шла война. Далеко не уйдут, их наверняка правосеки встретят, будет очередная драка.

– И власти ничего не предпринимают?

– К власти в Украине всплыло всё накопленное за тридцать лет «независимости» дерьмо, пестуемое солитёрами США, все дебилы-русофобы, ей тоже выгодно воевать, что отвлекает народ от насущных проблем и позволяет списывать свои провалы на войну, «террористов» Донбасса и москалей.

Колонна прошла. Машины начали движение. Двинулись по своим делам и прохожие, обсуждая марш «православцев».

К одному из инвалидов, безногому, сидевшему на бетонном блоке, подошли трое парней в чёрной форме, с квадратными головными

уборами типа бейсболок, но тоже чёрного цвета.

– Багато назбирав? – поинтересовался один из них, белобрысый, с пушком на щеках.

Инвалид, молодой парень возраста не больше двадцати лет, подзаросший, с нечёсаными волосами, поднял голову.

– На хліб...

Чернявый спутник белобрысого поднял с тротуара жестяную банку, в которую бросали монеты прохожие, высыпал в ладонь горсточку медяков.

– Сльози... решта сховав?

– Нічого я не ховав...

– Вытягуй, не те самі витрусімо! Збираємо кошти на забезпечення батальйону «Донбас». – Чернявый парень посмотрел на дрогнувшую шеренгу нищих. – Це всіх стосується! Готуйте гроші! Там наші хлопці за свободу б'ються з терорістами!

Белобрысый нагнулся к инвалиду, схватил за воротник старой камуфляжной куртки.

– Спорожній кишені, недоносок! Потім ще назбираєш!

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Лось вдруг рванулся к троице, сбил с ног первого собирателя, второму сломал руку и, перевернув белобрысого вверх ногами, шмякнул об асфальт с такой силой, что наверняка сломал ему ключицу. Белобрысый вякнул и обмяк.

Сбитый с ног ражий детина вскочил, хватаясь за кобуру пистолета, но Лось не дал ему шанса выстрелить, сломал кисть руки, ударом кулака впечатал в стену рынка, едва не проломив её.

Ухватов очнулся:

– Федя, ноги!

Лось пришёл в себя, выдохнул, раздувая ноздри, прошипел чернявому в ухо по-украински:

– Зустрічу ще раз – вб'ю!

Чернявый перестал баюкать сломанную руку, схватился за рукоять ножа, и Лось добил его мощным ударом в челюсть, отбрасывая на шеренгу нищих. Через мгновение он исчез, словно растворился в воздухе.

– Майор! – Ухватов глазами показал, куда лучше всего отступать, ловко перебежал улицу со снующими туда-сюда автомобилями.

Шинкарь последовал за ним.

Только после этого слышались крики прохожих и милицейские свистки: к месту драки бежал наряд милиции, охранявший рынок.

К счастью, этот маневр остался почти не замеченным. Прохожих по обеим сторонам Крещатика привлекли крики и поднявшийся шум у стен Бессарабки, и на перебежавшего на другую сторону Ухватава никто не обратил внимания. Почти никто. Потому что над его плечом кто-то вдруг проговорил укоризненно:

– Хиба ж так можно, любый друже?

Майор оглянулся.

На него смотрели двое рослых мужчин, одетых в строгие тёмно-синие костюмы и плащи. Один был шатеном с ясными серыми глазами, второй – голубоглазым брюнетом.

– Любый друже? – повторил Ухватав с сомнением в голосе, подчёркивая, что эти два слова не входят в пароль, но надеясь, что не ошибся.

– Идёмте, – сказал брюнет сухо. – Останавливаться здесь не стоит.

– Я не один.

Представители «Стопкрима» оглянулись на мывшегося в отдалении, у витрины кафе «Письменник», Шинкаря.

– Он?

Ухватав запнулся, не зная, стоит ли говорить о Лосе.

– Он... и ещё один боец.

– Вас просили подойти одного. Кто это?

– Мой зам, – ответил Ухватав, не вдаваясь в подробности операции по освобождению Шинкаря.

– Такие сюрпризы недопустимы в принципе. Вы же военный человек, должны понимать.

– Что недопустимо в принципе, часто необходимо на практике.

Мужчины переглянулись:

– Идите за нами.

Ухватав сделал знак Шинкарю, и они поспешили вслед за «иностранцами», оставив позади разбуженный Лосем муравейник свидетелей и потерпевших от его «акции справедливого возмездия». Он позвонил через минуту:

– Командир, звоняй, не сдержался...

– Возвращайся к машине! – непререкаемым тоном проговорил Ухватав. – Тише воды, ниже травы!

– Есть, – упавшим голосом отозвался лейтенант.

Поднялись вверх до пересечения бульвара Тараса Шевченко с Владимирской улицей, свернули направо. Ухватов думал, что провожатые зайдут в первое попавшееся кафе, но они прошли мимо «Кличкодара», миновали скверик напротив университета, вошли во двор между жилым домом и скучным административным зданием с пыльными окнами, стоящим за узорчатой оградой.

Идущий впереди брюнет обратился к кому-то на ходу:

– Тим, что у тебя?

Ответа Ухватов не услышал, брюнет разговаривал по мобильному, а может быть, и по рации.

Во дворе стояло несколько автомобилей.

Провожатые подошли к фургону «Скорой помощи», возле которого курили двое парней в военной форме, без промедления залезли в салон. Курящие не обратили на них никакого внимания, лишь кинули по взгляду на подходивших Ухвата и Шинкаря.

Дверца в машину осталась открытой, и майор тоже не задержался, влез в салон. За ним забрался разведчик, защёлкнул дверцу.

– Садитесь, – кивнул на лавочку вдоль борта брюнет, усаживаясь рядом с шатеном на другую лавочку.

– Пост? – кивнул на парней за стенкой Ухватов.

Чернявый «чистильщик» не ответил, глянул на Шинкаря:

– Я вас не знаю.

Ухватов понял, что незнакомец ознакомлен с составом его группы.

– Это майор Шинкарь, разведка. Мы его освободили и привлекли к решению задач.

– Не отвлекайся, – буркнул второй посланец «Стопкрима», – это их право, нет времени выяснять все подробности.

– Не хотелось бы нарваться на подставу.

– Я отвечаю за него, – произнёс Ухватов каменными губами. – Представьтесь.

– Брахим Бериша, – усмехнулся брюнет. – Сотрудник албанской секретной службы.

– Мартин Полански, – сказал шатен. – Поляк, адвокат.

– Псевдо, – скривил губы Ухватов.

– А вы ожидали, что мы назовём свои настоящие имена? Вам достаточно знать, что мы комиссары «чистилища». Обстановка в Киеве и вообще в Украине вам известна?

– Ещё бы, – сжал зубы Шинкарь. – Безудержный блеф и беспредельная ложь! Писатель Пелевин не зря назвал Украину Уркаиной или Уркаинским Уркаганатом^[9]. Оболванивание населения идёт колоссальными темпами. Мракобесие – лозунг действий! Маразм киевской власти – пособие для изучения остротекущей шизофрении. Чем выше человек во власти, тем он дурнее. Если копнуть историю Украины, то видно, что вся эта история пронизана предательством её властителей. А ведь Украина в границах тысяча девятьсот семнадцатого года представляла собой меньше половины сегодняшней! Львовскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую, Закарпатскую и Черниговскую области ей подарил Сталин, с тридцать девятого по сорок пятый год. Харьковскую, Луганскую, Донецкую, Запорожье, Николаевскую, Херсонскую и Одесскую, по сути всю Новороссию – Ленин! А эти молодые недоумки в балаклавах поскидывали с постаментов все его скульптуры!

Комиссары «Стопкрима» покосились друг на друга. В глазах брюнета Брахима Бериши зажглись весёлые огоньки:

– Вообще-то мы имели в виду другое.

– Добавлю, – понял его по-своему разведчик. – Знаете украинского историка, профессора Бебика? Доктор политических наук, проректор университета «Украина», координатор группы по социальным коммуникациям общественного гуманитарного совета при нынешнем президенте Украины.

– Не знакомы.

– В статье «Богом избранная Украина» этот шизофреник пишет, что основы религиозных верований на Земле были зарожжены в недрах украинских цивилизаций!

– Цивилизаций?

– Именно! Укры придумали свою историю, в которой они были первыми на планете во все времена. Это уже приводит их к одичанию и деградации! Мы для них кацапы, дикари, монголо-татарский гибрид. Мы ещё сидели на деревьях, а у них три с половиной тысячи лет назад уже была развитая цивилизация! Тот же Бебик утверждает, что в пятом тысячелетии до нашей эры укры знали земледелие, приручили лошадь и изобрели колесо.

– Смешно, – растянул губы в улыбке черноволосый комиссар.

– Вовсе не смешно! Оказывается, Куликовская битва была «украинским Сталинградом» для московско-татарских орд! Это москвиты Дмитрия Донского объединились с татарами хана Тохтамыша и совершили нападение на скифо-арийского казака Мамая, который не пропустил русско-татарское войско в глубь украинских земель! Москаля были разбиты и сто лет возили дань в Украинское Причерноморье!

– Бред! – не выдержал Ухватов, поглядывая на возбуждённого майора, удивляясь его осведомлённости и горячности.

– Таковую историю преподносят детям-украинцам. А что вы скажете про такой пассаж? Чингисхан тоже был украинцем! Великим, разумеется. Египетские фараоны – укры династии Киян! И Великую Китайскую стену они построили! Не Россия была родиной мамонтов, а Украина! Христос говорил на коптском языке, близком украинскому. Будда принадлежал к скифскому роду будинов, проживающему на территории Древней Украины! Название главного египетского храма Хетта-Птах и вовсе искажённое украинское «Хата Птаха», да и трезубец оттуда – с пирамид. Пушкин был евреем, его отец – масоном.

– Откуда вы знаете? – полюбопытствовал Мартин Полански.

– Что Пушкин был евреем?

– Что укры всё это постулируют на полном серьёзе?

– Я историк по образованию, – криво улыбнулся, остывая, Шинкарь. – Учился в Харькове... давно, ещё до распада Союза, потом меня занесло в Россию, ещё до майданов. Я к чему всё это говорю? Украина больна и глубоко несчастна! И разгребать всё это идеологическое дерьмо нам предстоит ещё полвека, если не больше. Чего стоят вопли яценюков, ярошей, тимошенок, ющенко, порошенок и тягнибоков о «русском спецназе на околицах Киева»? А ведь в это верят миллионы молодых украинцев, готовых плясать под созданные за бугром речёвки типа «хто не скаче, той москаль»! Вот что страшно!

– Едва ли эти пацаны готовы идти на фронт.

– Это другой разговор, там ведь стреляют и убивают. Это я ещё не упомянул нацистов-правосеков и наёмников, запытавших до смерти тысячи мирных жителей Донбасса. Вот с этим зверьём в человеческом обличье вообще не о чем разговаривать, их можно только мочить!

Шинкарь выдохся, облизнул губы.

Первый комиссар сунул ему пластиковую бутылку воды.

– Промочите горло.

Майор кивком поблагодарил, жадно отпил полбутылки.

– Но мы действительно имели в виду не политику, – сказал Бериша. – Вы знаете, что будет происходить в Киеве через несколько дней?

– Нет.

– Конгресс правозащитников. Сюда слетаются все недоумки, радеющие за права человека, практически все враги России. Хотя конгресс этот призван прикрыть другое сборище – Союзов Неизвестных всех государств мира, объединённых в надмировое правительство – Комитет 300. Поэтому Киев буквально нафарширован разведчиками всех крупнейших стран и сотрудниками Службы безопасности Украины. А вы шум поднимаете в центре Киева.

Ухватов крутанул желваки на щеках:

– У Лося вся семья погибла под Луганском... Понимаю, что это не оправдание, он своё получит. Наше прежнее задание отменили...

– Какое? – полюбопытствовал брюнет.

– Мочить карателей! – усмехнулся майор. – Наиболее отличившихся в расстрелах и пытках. Без суда и следствия.

Брюнет посмотрел на спутника:

– Это по-нашему.

– Вот мне и интересно, что нам предстоит сделать в Киеве? Неужели мочить правозащитников?

– Не мешало бы кое-кого, но мочить никого не придётся, предстоит страховать нас во время операции.

– Какой операции?

– Мы должны незаметно пробраться в подземелья Киево-Печерской лавры.

Ухватов недоверчиво посмотрел на обоих комиссаров «Стопкрима», хотел спросить: «Зачем?!» – но уловил оценивающий блеск в глазах Мартина Полански и сказал:

– Надеюсь, это оправданно. Хотя хотелось бы знать цель.

– Вам объяснят непосредственно перед операцией, – заверил Брахим Бериша. – Вашей группе придётся изучить место предполагаемого действия. Здесь все данные. – Брюнет передал Ухватову диск.

– Изучим, если найдём приличный комп.

– Найдём, – пообещал Шинкарь.

– Как будем поддерживать связь? Боюсь, обычные мобильные телефоны на территории Украины прослушиваются.

– Тот телефон, которым вы пользуетесь, имеет чип кор-скрипта, по нему и будем держать связь. Для дубляжа будем держать под рукой рации. У вас «мопсы»?

– Так точно, многодиапазонные, дальность до двадцати километров, со спутником доступен любой район России.

– Хватит и двадцати километров. Вот наши позывные. – Брюнет передал майору листок с записью паролей и частот.

– Кто будет передавать приказы? Вы или посредник?

– Замов у меня нет, – усмехнулся «Брахим Бериша». – Это у киевского мэра Кличко их много.

– И что?

– Он как-то ляпнул в эфире: у меня два зама, четыре из которых лежат в кабинете министра.

– Косноязычию бывшего боксёра не хватает масштаба, – хмыкнул Шинкарь. – По сравнению с нашим бывшим премьером Черномырдиным Кличко – сопливый школьник.

– Ещё вопросы? – не стал спорить брюнет.

Ухватов и Шинкарь обменялись взглядами.

– Нет вопросов, – сказал майор.

Глава 2

Поклонение лавре

Делегацию в составе «польского, албанского и латышского правозащитников» встречали в Борисполе «представители украинского МИДа» после тщательной проверки документов пограничниками и таможенниками аэропорта. Впрочем, точно так же проверяли и остальных пассажиров автобуса, прибывшего из Брюсселя. Никто не роптал, гости Украины хорошо понимали, что идёт война и в Киев под видом туристов и правозащитников Европы могут проникнуть «русские террористы» либо самоубийцы-шахиды «Исламского государства». Поэтому делегаты всемирного съезда правозащитников то и дело ловили на себе подозрительные взгляды милиционеров и сотрудников Службы безопасности Украины и агентов спецслужб других государств, опекающих свои компании.

Котовым и Самандару, путешествующим под чужими фамилиями, повезло, к ним никто не придрался и не проверял личный багаж, так как разговаривали они на английском языке, почитаемом официальными представителями Киева больше родного украинского. Зато блюстители порядка и «национальной безопасности» задерживали тех, кто выбивался из общего ряда иностранцев.

Так, на глазах Матвея двое сексотов придрались к располневшему мужчине в бледно-жёлтом костюме, вдруг заспорившему со своим спутником на «мове», но совсем непатриотично. Речь шла о славянском происхождении укров, и толстяк в жёлтом привёл убийственный аргумент: все самые большие города Украины построили русские цари! Сумы – царь Алексей Михайлович в тысяча шестьсот пятьдесят пятом, и он же – Харьков в тысяча шестьсот тридцатом. Днепропетровск в тысяча семьсот семьдесят шестом, Луганск в тысяча семьсот девяносто пятом и Запорожье в тысяча семьсот семидесятом – Екатерина Вторая, Донецк – Александр Второй в тысяча восемьсот шестьдесят девятом, Николаев – Григорий Потёмкин в тысяча семьсот восемьдесят девятом, Кировоград – императрица Елизавета Петровна в тысяча семьсот пятьдесят четвёртом.

– А Львов?! – воскликнул ошарашенный оппонент толстяка; к их спору прислушивались все, кто стоял в очереди в таможенные кабинки.

– Львов принадлежал Австро-Венгрии, – уверенно ответил толстяк. – И совсем недолго – Польше. Вот она и заберёт его себе.

После этого на выходе из терминала контроля пассажира в жёлтом и остановили двое мужчин в сером, показав какое-то удостоверение, и увели, несмотря на предъявленный им украинский паспорт.

– Когда человек тупой, – прокомментировал эту сцену Самандар, – он об этом не знает, только другим тяжело. – Подумав, он добавил, когда подъехала машина: – То же самое можно сказать об умершем. Думать же надо, что и где говорить.

– Думать – это вам не мыло по тазику гонять, – согласился с ним Василий Никифорович.

Шутка предназначалась Матвею, которому стало не по себе, и он это понял, отвечая отцу благодарной улыбкой.

Поселились не в центре Киева, а можно сказать, на отшибе, на другом берегу Днепра, в гостинице «Славутич Готель ВАТ», располагавшейся на пересечении Русановской набережной и улицы Энтузиастов. С десятого этажа, где были забронированы для «иностранцев» неплохие одноместные полулюксы, открывался роскошный вид на Днепр, Русановский канал, Выдубицкий монастырь и, что было немаловажно, на Киево-Печерскую лавру, объект особого внимания для гостей «из Европы».

Оказавшись в номере, Матвей попытался «прорентгенить» храмы Лавры и днепровские кручи, но серьёзно настроиться на качественную пси-отдачу не смог, зато вдруг ощутил психологически тягостную атмосферу этого места, намоленного, исполненного чаяниями и надеждами миллионов прихожан за все века его существования. Обращались с просьбами отвести беду, излечить и помочь, и ничего позитивного стены храмов Лавры не знали. Вполне вероятно, не добавляло радости в общий биофон комплекса и присутствие «христотерпцев», молящихся по большей части не о спасении души и тела, а о получении власти над людьми. Их было меньше, чем религиозных фанатиков, реками стекающих к стенам храмов и церквей, но именно они сотрясали информационные матрицы Лавры, обладая большим энергозапасом и злыми устремлениями, способными пробивать стены и низвергать любые политические режимы. Матвей это почувствовал!

Первым делом он, конечно, проверил состояние взятых с собой Великих Вещей.

Боялись, что придётся объяснять их назначение при обыске на таможенном контроле; сдавать в багаж артефакты не рискнули. Но всё обошлось. Сканеры в аэропортах Брюсселя и Киева не отреагировали на Свисток и на Эскулап, которые проносил Матвей, и пропустили Дзи-но-рин, спрятанный на груди Самандара под рубашкой; он готов был поведать контролёрам легенду о «персональной мандале», заменяющей нателный крест, так как кругляш Дзюмона – Щита Дхармы, создающего вокруг владельца защитную оболочку при угрозе жизни, действительно напоминал индуистский символ в форме круга с нанесёнными на него графемами.

Вторым делом было исследование собственного номера и номеров отца и Самандара в поисках «жучков».

В принципе отслеживанием ситуации Матвей занимался на протяжении всего пути от Москвы до Брюсселя и от бельгийской столицы до Киева.

Джеймс Борн, герой Ладлэма в романе «Идентификация Борна», запоминал номера всех автомобилей на стоянке. Герой телесериала «24 часа» Джек Бауэр мгновенно выделял террористов из толпы. Джеймс Бонд легко находил подслушивающие устройства в номерах гостиниц, и даже «добрый старый» Штирлиц был способен замечать за собой «хвост».

Этому же опыту под названием «ситуативная готовность» научил Матвея и отец, поэтому капитан уже двое суток находился в немалом напряжении, отслеживая потоки внимания, и быстро вычислил «жучок» в номере Самандара, о чём ему и сообщил после вселения.

– Я займусь им, – пообещал комиссар.

– Не трогай, пусть торчит, – посоветовал Василий Никифорович. – Заблокируй, чтобы те, кто ставил, не попытались всунуть новый.

У себя в номере Матвей «жучков» не обнаружил, поэтому позволил себе расслабиться и отдохнуть.

Пообедали в ресторане гостиницы, изъясняясь по-английски и коверкая язык при заказе блюд. Потом Василий Никифорович и Самандар уехали в центр Киева на какую-то важную встречу, а Матвей занялся изучением храмового комплекса Лавры, намечая точки пси-просвечивания скального массива, на котором стояли

монастыри и все его «мирские» наземные сооружения. Наличествовали в комплексе и подземелья, в основном кельи монахов, опускавшиеся кое-где на приличную глубину в десять-пятнадцать метров, но не кельи были предметом поиска. По косвенным данным, МИР Акарин – Клещей разумных находился на глубине ста пятидесяти метров, и к нему должен был существовать ход, по которому собирались спуститься к коллекции Великих Вещей, накопленных бывшим анархом Союза Незвестных России Рыковым, иерархи Комитета 300.

Без совета с отцом пускаться в поиски хода Матвей не рискнул, хотя и помнил издевательские наставления брата: «Пока надеешься на помощь – собственную силу хоронишь, опереться на неё не можешь». Возможно, Стас говорил искренне, однако Матвей в его искренность и благие намерения уже не верил.

Первые полдня в Киеве он терпел и надеялся, что Дива позвонит ему. Она уже третий день находилась в украинской столице. Не дождавшись звонка и после обеда, он всё-таки решил позвонить сам.

К его удивлению дочь Соболева ответила:

– Матвей, наконец-то, ты уже в Киеве?

– Утром прилетели, – ответил он, несказанно обрадовавшись ответу. – Устроились в гостинице «Славутич» на Левобережье, пообедали, сижу в номере, как дурак, и люблюсь на купола Лавры. А ты где?

– Занимаюсь кое-какими проблемами. Нам необходимо встретиться.

– Я только за, когда и где?

– Желательно через час, переулок Красноармейский, дом четырнадцать.

– Я не ориентируюсь в Киеве...

– Хорошо, давай через два часа, закажи такси, тебя довезут, даже если будут пробки.

Сборы заняли несколько минут. В принципе надо было лишь сменить рубашку, натянуть слаксы по «латышской» моде да побриться. Матвей поколебался, сообщать ли о встрече с Дивой отцу, потом решил не торопиться, так как речь шла даже не о свободе действий, а об отсутствии какой-либо полезной информации. Хотелось сначала эту информацию раздобыть.

Ещё какое-то время заняли размышления, брать ли с собой Свисток; Эскулап с руки он вообще не снимал, привыкнув к нему как к необходимому гаджету, да и не мешал древний артефакт во время движения. Другое дело – носить с собой Иерихонскую Трубу. Однако оставлять его в номере гостиницы было ещё рискованней, и Матвей взял дудочку с собой, тем более что она свободно уместилась во внутреннем кармане пиджака.

Спустившись в холл гостиницы, он по-английски попросил вызвать такси. Иностранному туристу мгновенно помогли с транспортом: у гостиницы всегда дежурили таксисты.

– Куди ідемо? – спросил смуглолицый, пожилой, похожий на узбека водитель сине-белого «Шевроле» с рядами шашечек и пузырьём фонаря на крыше.

– В центр, – сказал Матвей, добавил практически по-украински: – Провулок Червоноармійський...

– Це не центр, – покачал головой водитель; говорил он по-украински с акцентом, и Матвей мимолётно подумал, что не только в Москве почти половина таксистов – жители бывших советских республик.

До указанного адреса доехали за час двадцать, не один раз застревая в пробках: машин в столице Украины, несмотря на кризис и объявленный год назад дефолт, было великое множество. Как и праздно шатавшихся по улицам города толп туристов и жителей.

Матвей снова подспудно ожидал каких-то инцидентов, искал в лицах людей признаки «вражеской агентуры», настроился на встречу с милицией и ультранациональной гвардией, однако напрягался напрасно. Киев жил своей жизнью, озабоченный проблемами выживания в непростых условиях отсутствия надежд на выход из тупика, куда народ загнала кретиническая политика властной хунты, и не обращал внимания на гостей, оккупировавших город с единственной целью: изменить реальность в свою пользу и подчинить себе – не страну – весь мир!

К счастью, водитель попался добросовестный и неразговорчивый. Взяв с пассажира-иностранца пятьсот гривен, он сразу уехал, а Матвей, выйдя из такси у дома № 10, медленно двинулся по улице в направлении увеличения номеров зданий, привычно проверив, не плетётся ли за ним «хвост» и не смотрит ли кто-то косо в спину. Дошёл до указанного Дивой адреса, обнаружил в цокольном этаже

старого многоэтажного дома заведение под названием «Бизнес-кафе». С минуту раздумывал, не кафе ли имела в виду Дива, назначая randevu в этом месте. До встречи ещё оставалось время, и он зашёл в кафе с низкими потолками, оказавшееся почти пустым. Посетители сидели буквально за двумя столиками из десятка, расставленных по нишам.

Выбрав один из пустых столиков, Матвей сел на красный диванчик, развернул листок меню. Заметил официантку в красном передничке, поманил её пальцем.

– Кофе, плиз.

– Яке? – спросила молоденькая девчонка, с виду едва закончившая школу.

– Латте.

– Замовляти ще що-небудь будете?

– No, thank you, I will not.

Его английский произвёл впечатление. Официантка заулыбалась, кокетливо поправила локон причёски и отошла, проговорив бармену за стойкой:

– Іноземець, симпатичний.

– Їх як тарганів [\[10\]](#) розвелось, – пробурчал мордастый бармен.

Матвей улыбнулся в душе, соглашаясь с парнем.

Принесли кофе. И тотчас же позвонила Дива:

– Ты далеко?

– В «Бизнес-кафе».

Возникла пауза; Матвей представил себе, как лоб женщины прорезает морщинка.

– Молодец, оперативно мыслишь. Мы зайдём минут через десять.

– Кто – мы?

– Я и один тип.

– Кто? Тарас?

– Нет, из местных, работает в аппарате украинского Совбеза, под началом Турчанова. Между прочим, идея создания ДУРА – его инициатива.

– Что ещё за дура? – не понял Матвей.

– Добровольческая Украинская Радикальная Армия. Наследие «Правого сектора».

– Упасть – не встать!

– Не смейся, эта ДУРА принесла столько горя жителям Донбасса, что зверства её наёмников помниться будут сто лет! Как и зверства батальона «Азов» и Нацгвардии. Мы зайдём в кафе и сядем в сторонке, ты не подходи, но у меня просьба: просканируй его, как ты умеешь.

Матвей хотел пошутить: «Я же не томограф!» – но передумал:

– Хорошо... если получится.

– У тебя получится. Нам надо знать, правду говорит этот товарищ или выполняет задание. Источник информации он хороший.

– Понял.

Дива со спутником заявили через четверть часа. На ней был брючный костюм голубого цвета и жёлтая курточка плюс чёрная шляпка и сумочка.

Её спутником был чистокровный хохол, щеголявший свисающими над уголками губ усами, лысый, полный или, как говорили про таких, толстомясый, с животом, одетый в мешковатый коричневый костюм, не застёгивающийся на пузе, со значком депутата Рады на лацкане.

Матвей вспомнил высказывание Самандара, что чиновник, как и бандит, не имеет национальности, однако в облике спутника Дивы всё кричало о принадлежности этого человека к «древней расе укров», и Матвею это показалось забавным.

Пара облюбовала столик в одной из соседних ниш, и он услышал весь их разговор от слова до слова.

Речь спутника Дивы ему не понравилась, несмотря на справедливые замечания в адрес нынешней украинской власти. Он не говорил, а как бы снисходил до общения с людьми, вещал некие истины, не верить в которые было нельзя.

– Народившихся пророками у вас не помічають, – важно ронял слова лысый собеседник Дивы. – Зате їх роблять, пропонуючи не людей, а проекти.

– Примеры? – засомневалась женщина.

– Скільки завгодно. – Лысый перешёл на русский язык, понизил голос: – Особенно это видно по медийным проектам, таким как певцы Стас Михайлов, Дима Билан, Соня, Эльвира, писатели Акунин, Ерофеев, Сорокин, Рой и иже с ними, плюс культурные деятели, начиная с менеджеров от культуры и заканчивая министром.

Дива улыбнулась:

– Тут я с вами во многом соглашусь. Хотя в нашей стране эти... гм, проекты ничего не решают, всё определяют бизнесмены

и политики.

– Это вам так кажется. Да, политика во все времена являлась самым грязным видом бизнеса, но подпитывается она именно из недр образования, культуры и воспитания. А с этим у вас большие проблемы.

Матвей кивнул сам себе. Собеседник Дивы резал правду-матку и ничего не боялся, в то время как одно неосторожно брошенное по-русски слово в Киеве могло привести к печальным последствиям, что уже происходило не раз.

– У вас разве не те же проблемы? – поинтересовалась Дива, прихлёбывая заказанный кофе. – Разве не вы с упорством маньяков лезете в Европу, зная цену этого альянса и так называемых «европейских ценностей»?

– Не зная! – поднял палец лысый. – В большинстве своём даже наши руководители не понимают, что от них требуют партнёры. Что касается европейских ценностей, то они надуманы и собраны в мешок нашими заокеанскими друзьями для управления массами, как мечта о рае. Все подчинились этой мечте, даже ваши бывшие братушки – славяне, болгары, венгры, поляки, словаки, чехи, сербы. Они тоже захотели «свободы и независимости», подчиняясь американскому диктату. Разве нет?

– Поляки практически во все времена были нашими врагами.

– У вас и кроме поляков хватает врагов, в том числе – внутри России.

– И с этим я согласна. Но мы с ними боремся. А у вас жесточайший кризис власти, страна фактически под внешним управлением, и лидера, который способен был бы вывести украинский народ из тупика, не видно. Да и народ весь зомбирован нацистской идеологией.

Лысый кинул на проход между столиками подозрительный взгляд, заговорил ещё тише:

– Вы правы, повыбивали на войне добрых украинских хлопцев, остальные же в бегах, хоть зови для восполнения упадка деторождаемости беженцев с Ближнего Востока, Ирака, Сирии и Ливии. Просто они пока в подполье. Президент – мразь! Председатель Совбеза – мразь! Начальник СБУ – мразь! Спикер Рады – мразь! Министр обороны – сволочь!

– А министр МВД?

– Обыкновенный наёмник, переметнувшийся из стана конкурентов в партию президента. Хотя и с большими амбициями. Бывший бизнесмен, отрабатывает выплаченный американцами гонорар. Возможно, он и на нас станет работать, смотря сколько предложим и что заплатим. Но их всех надо менять, и если вы готовы помочь нам сбросить всю эту свору – присоединяйтесь.

– Хорошо, мы подумаем. От вас тоже многое зависит. К примеру, вы не сможете устроить контакт с вашим боссом?

– С Турчановым? Смогу, конечно, если... – Лысый задумался, вертя в руках чашку с остывшим кофе. – Что вы хотите от него? Он очень подозрительный человек, религиозный, никого к себе не подпускает.

– Вас же подпускает?

– Я старожил Совета нацбезопасности. Хорошо, я постараюсь договориться и позвоню.

– В таком случае разрешите откланяться, господин Сливняк. Жду вашего звонка. – Дива встала.

Лысый тяжело поднялся следом, перешёл на украинский:

– Вас проводит?

– Спасибі, не треба, Костянтин Львович, – ответила женщина, снимая с вешалки у столика свой плащик.

Лысый сел обратно, даже не подумав ей помочь.

Дива вышла.

Лысый допил кофе, поглядывая на дверь, вытер усы, достал лопатник мобильного.

– Петро Дмитрович, треба зустрітись... добре, буду. – Сливняк набрал другой номер: – Серж, підіжджай.

Посидев ещё пару минут, он расплатился с официанткой за кофе и тоже покинул кафе.

Следом двинулся и Матвей, набирая номер Дивы.

– Куда идти?

– В квартале отсюда, за больницей, стоит серый «Ауди-Q7», – отозвалась она, – я в нём.

Матвей прошёлся по улице, присматриваясь к прохожим, нашёл «Ауди», забрался в салон, поздоровался с водителем.

– Рада тебя видеть! – объявила сидевшая на заднем сиденье женщина, коснувшись его руки. – Как добрались?

– Нормально, без приключений. А ты?

– Я летела через Германию, тоже без эксцессов, хотя аэропорты и там, и в Киеве действительно контролируются, как тюрьма. Что скажешь об этом аборигене?

– Он неискренний... сам себе на уме. Мне не понравился ни его тон, ни фальшивые оценки правительства, несмотря на их истинность, ни обещание помочь. Он *тёмный*.

Дива загрустила:

– Я тоже это почувствовала. Но его рекомендовал один хороший знакомый.

– Кто, если не секрет?

– Из спецслужб. Сливняк знаком с местным Хранителем и в юности подавал большие надежды на вхождение во Внутренний Круг.

– Это ни о чём не говорит.

– Согласна, однако он всё-таки имеет выход на украинского анарха. К тому же мы рассчитываем через него выйти на схрон с МИРом.

– Кто здесь Хранитель?

– Бывший митрополит Киевский и Всея Украины Слободан. Говорят, он болен и сотрудничает с анархом.

– Удивительно.

– Скорее печально, а не удивительно. Украина находится под властью агрессивных ублюдков, многие её деятели буквально переродились, зомбированные идеологией западных носителей Тьмы.

Матвей кивнул. Отец рассказывал, что у него был знакомый в Харькове, классный мужик, фантастику читал, хороший руководитель, а как полез в политику, так и превратился в убийцу и упыря, жаждущего русской крови.

– Это произошло с каждым вторым чиновником. Но не будем о грустном.

– Не о грустном, а о страшном.

– Всё равно нет смысла толочь воду в ступе, власть в Украине от наших пересудов не изменится. А изменится она в худшую сторону, если Комитету удастся включить сорок Великих Вещей и опустить реальность во Тьму. Кстати, как вы перевозили артефакты?

– Без каких-либо проблем. Сканеры в аэропортах на них не отреагировали.

– Когда вы собираетесь в Лавру?

– Зачем нам в Лавру? – озадачился он.

– Надо же знать место предстоящей схватки.

– Мы поселились напротив Лавры, я попробую просканировать комплекс из номера. До встречи с тобой я ознакомился с правобережьем.

– Это же огромный комплекс, в нём шесть монастырей и целая пропасть церквей и подземных пещер, в которых жили монахи.

– Не смогу – поеду туда, – пожал плечами Матвей, уверенный в успехе акции. – А ты откуда знаешь про шесть монастырей?

– Изучала, – небрежно отмахнулась Дива. – На самом деле строений на территории Лавры намного больше. Различают Нижнюю и Верхнюю лавры, Нижней ведаёт Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, Верхней – Национальный Киево-Печерский историко-культурный музей-заповедник.

– Я читал о Ближних и Дальних пещерах...

– Это не одно и то же. И те и другие принадлежат Верхней лавре, в одних покоятся мощи около восьмидесяти угодников, в других сорок пять. Ближние называются таковыми потому, что находятся вблизи от главных лаврских ворот и появились в двенадцатом веке. А вообще Лавра была заложена при Ярославе Мудром монахом Антонием.

– В тысяча пятьдесят первом году, – подхватил Матвей. – Это я знаю. Но церквей там действительно много, трудно будет найти вход в МИР.

– Справишься?

Он постарался сохранить уверенный вид:

– Ты сомневаешься?

Дива фыркнула:

– Как говорил один прокурор: с вами интересно разговаривать, когда вы хвастаетесь.

Матвей покраснел:

– Не вижу ничего смешного...

Она положила руку ему на плечо, заглянула в глаза:

– Я просто беспокоюсь за тебя. Будь осторожен.

Матвей замер на мгновение, снял её руку с плеча, поцеловал пальцы; она не сразу отняла ладонь, и у него захватило дух.

– Обещаю сделать всё и даже больше! Не хочешь поехать со мной?

– Хочу, но не могу, мне предстоит ещё одна встреча. Позвони из гостиницы, когда доедешь.

– Обязательно.

– Тогда до встречи, завтра увидимся.

Он хотел ещё раз поцеловать холодные пальчики женщины, однако Дива убрала руку, и ему ничего не оставалось делать, как вылезать из машины.

«Ауди Q7» уехал.

«Я люблю тебя», – отправил вслед Диве мысль Матвей. И ему показалось, что пришёл ответ: «Я тебя тоже...»

До гостиницы он летел как на крыльях. Стукнулся в дверь номера отца, хотя мог предварительно узнать на ресепшен, взят ли ключ, не дождался ответа: отец ещё не вернулся в гостиницу. Ждать без дела не хотелось, из головы не уходил жест Дивы – рука на плече, в душе мурлыкал котёнок счастья, и кровь будоражило желание сделать что-то героическое.

Тогда Матвей искупался под душем, переоделся и уселся в кресло лицом к окну, положив перед собой схему Лавры, сосредоточился, вызвал состояние *озарения*.

Через какое-то время душа «вылетела из тела» и обняла собой «плацдарм милосердия» – кручи правого берега Днепра, на которых располагался Киево-Печерский храмовый комплекс.

Сооружений на его территории и в глубинах горы на самом деле было множество: чуть ли не два десятка церквей и монастырей, с десятков мирских строений, в том числе Братские корпуса, Киевская духовная семинария, Академия, корпус бывшей типографии, могила Петра Столыпина, а также множество башен, колоколен и келий, в которых когда-то обитали первые святомонахи Лавры. Все эти сооружения разом просканировать не было возможности, не хватило бы ни памяти, ни психических сил. Поэтому Матвей начал «просвечивать» здания комплекса, их подвалы и колодцы, по очереди, с Верхней лавры до Нижней.

Первой он изучил Аннозачатьевскую церковь, венчающую Дальние пещеры (по схеме), и едва не запутался в лабиринте, ведущем от этой церкви к подземным кельям и церквущкам. «Вернулся в тело», ещё раз внимательно проанализировал схему Лавры, снова выбрался «в космос» энергоинформационного поля, окутывающего днепровские холмы и откосы.

Под Аннозачатьевской церковью пещер на глубине ста с лишним метров не оказалось, поэтому не пришлось искать и колодец к ним. Матвей «прошёлся» по ветке подземной галереи от церкви к кельям

вокруг подземной церквушки Благовещенской Пресвятой Богородицы – длина всего лабиринта достигала почти четырёхста метров, – «спустился» в недра горы, но и там пещеры с МИРОм Акарин не обнаружил. Пустился дальше, поплутал по кельям, заполненным мраком и древним дымом мёртвого камня, однако и там ничего особенного не нашёл.

Спустился к Ближним пещерам.

Обследовал два монастыря и подземные полости под ними, покрутился под Братскими корпусами, под духовной семинарией, прогулялся по всему лабиринту, наткнувшись на монахов, обслуживающих подземелья: они подметали полы и чистили стены галереи, используя вполне современные пылесосы на аккумуляторах.

Устал. Начал всплывать из-под земли, поднимаясь над маковками надземных церквей и монастырей, и вдруг почувствовал на себе чей-то множественный, тяжёлый, недобрый, туманящий сознание *взгляд*! Автоматически «ощетинился», окружая себя колючками полевой защиты. Сжался в струйку дыма и метнулся назад, в тело.

Очнулся, чувствуя себя как после реального забега на стометровку! Попытался успокоиться, анализируя странный *взгляд*, не принадлежащий ни человеку, ни зверю. Понял – на него посмотрела сама Лавра! Точнее, собрание Великих Вещей, почуявших его ментальное дыхание.

Раздался звонок.

Он вздрогнул, включил мобильный.

– Ты в номере? – осведомился отец.

– Да, уже давно, – отозвался Матвей хриплым голосом. – Па, они *здесь*!

Пауза.

– Кто?

– Великие Вещи...

– Где конкретно?

– Не знаю, под какой именно церковью, я только начал сканирование, но... они на меня *посмотрели*!

Василий Никифорович выдержал ещё одну паузу:

– Я сейчас зайду.

Матвей плеснул на лицо воды из-под умывальника, вытерся и пошёл открывать дверь.

Глава 3

Фонд поддержки демократии

Президент американского национального Фонда поддержки демократии Кэтрин Блохшильд родилась семьдесят лет назад в семье ТВ-магната Генри Блохшильда, племянника миллиардера Моргана, одного из столпов Союза Незвестных США. Именно благодаря этому родству она и стала впоследствии членом американской ложи Силы, а потом и анархом UnUn, сменив на этом важном посту родича сенатора Маккейна Йозефа Трампа.

Росла Кэтрин некрасивой, мужеподобной, что с детства приводило её в бешенство, пока она не вкусила сомнительного удовольствия близости с представительницами женского пола и вопрос сексуальной самоидентификации перестал отвлекать её от карьеры с последующим выходом на вершины власти. Она даже умудрилась посещать «капустники» сугубо мужского «Богемного клуба», организации мировых лидеров, титанов политики, культуры и экономики, устраивающей ежегодные встречи на ранчо «Богемная роща» в Северной Калифорнии. Сначала с дядей Морганом, потом, после его смерти, с его сыном. Ей льстило, что в Клубе состояли почти все президенты США – Джордж Буш, Рональд Рейган, Дуайт Эйзенхауэр, Джеральд Форд, Теодор Рузвельт, а также высшие американские чиновники – Дик Чейни, Дональд Рамсвелл, Генри Киссинджер, Барри Голдуотер и другие. Полезные знакомства помогли Кэтрин как при становлении ее как политика, так и потом, когда она уже стала анархом UnUn. Многие кредитовали её Фонд, многие служили клерками в Союзе, управляющем Соединёнными Штатами и половиной государств мира.

Предстоящий Сход иерархов мирового UnUn, готовившийся почти десять лет, не представлял бы для Кэтрин особого интереса, если бы не тайная надежда подчинить себе Союзы Незвестных России, Китая, Индии и Бразилии. «Цветные революции», направленные на сброс политических режимов в этих странах, не удались, и надо было решать проблему иным путём: подчинить их надгосударственные структуры

внешнему управлению, как это было сделано в Чехословакии, Югославии, Японии, Южной Корее, в Афганистане, Ираке, Ливии и Украине. После чего можно было задуматься и о возможности возглавить Комитет 300. А пока что Кэтрин претворяла в жизнь замысел направить Сход Комитета на решение другой важной задачи: инициировать сорок Великих Вещей и вернуть земной реальности статус магической. Разумеется, ради того, чтобы подчинить себе эту строптивую реальность, названную противоборствующей стороной – инфархами, служителями Света и Добра, как они себя позиционировали, – «запрещённой».

Перелёт из Лос-Анджелеса в Киев прошёл нормально.

Заранее посланные в столицу Украины квартиреры и разведчики доложили Кэтрин о ситуации: стрелять по Донбассу и Приднестровью временно прекратили, русских шпионов выловили, взяли под контроль центр города и главный объект беспокойства – Киево-Печерскую лавру, – и Кэтрин полетела в Киев с лёгкой душой, уверенная в своей проницательности, превосходстве и неуязвимости.

Гостиницу она выбрала сама по совету анарха Украины Турчанова, главы Национального Совета безопасности и обороны, – «ZigZag», в центре Киева, недорогой, но комфортабельный отель, располагавшийся в пяти минутах ходьбы сразу от четырёх станций метро: «Льва Толстого», «Дворца спорта», «Олимпийского стадиона» и «Университета». А так как отель заказали заранее, то практически вся свита Кэтрин – полсотни человек – расположилась в нём. Самой Кэтрин достался двухкомнатный люкс, едва тянувший по европейским меркам на скромный дабл, однако она не собиралась жить в Киеве долго и с удобствами по-украински смирилась.

Сразу после прилёта она собрала руководителей спецслужб, а также проживающих в Киеве «пастухов» украинской политики – посла, эмиссаров ЦРУ и контрразведки, выслушала их доклады ипустила. По заверениям агентов, в Киеве всё было тихо, русскими «не пахло», подозрительных деятелей русские спецслужбы не прислали, а тех агентов СВР, которые давно работали в столице Украины, контрразведчики UnUn держали под плотным наблюдением.

Вечером Кэтрин собрала в своём номере анархов G7 – стран «большой семёрки», в которую помимо США входили Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Япония. Подчинился этому решению даже глава Комитета 300 Фенимор Фредерик Холл. Он хотел

сделать то же самое – собрать всех анархов у себя, но Кэтрин его опередила.

Анархи прибыли в «ZigZag» со своими свитами, однако в гостиницу пустили только руководителей делегаций.

Стерпели все, в том числе Холл, который понимал, что его положение становится все более шатким день ото дня, и ему лучше с главой всемогущего Союза Незвестных США не ссориться. Но и он надеялся на активацию сорока Великих Вещей, что могло повысить его шансы остаться координатором мирового UnUn, так как себя он считал не слабее Кэтрин Блохшильд в психофизическом плане.

– Прошу внимания, господа, – обратилась к рассеявшимся гостям хозяйка номера, одетая в брючный костюм цвета асфальта и оттого ещё больше походившая на мужчину, – я вас долго не задержу. Все вы в курсе того, что нам предстоит сделать через три дня, поэтому повторять условия Схода не буду. Мистер Холл, у вас есть что сказать по этому поводу?

Главарх Комитета 300 улыбнулся, оставаясь сидеть.

– Есть, уважаемая госпожа Блохшильд. – Для инициации массива артефактов и преодоления порога их срабатывания необходимо иметь сорок Вещей, у нас всего тридцать семь. Вы обещали...

– Я помню, что обещала, – не совсем вежливо перебила главарха Кэтрин, – дорогой епископ. Три вещи перевезут в Киев русские, уже перевезли, судя по моим данным, так что инициация состоится.

– Но по моим сведениям, – Холл сделал ударение на слове «моим», – русские собираются ликвидировать ваш UnUn.

– О, не беспокойтесь, друг мой, мы подготовились, всё идёт по плану.

– Но они могут пойти на крайние меры! – возбудился анарх Германии. – Их надо остановить!

– До Схода они не рискнут начать боевые действия, а после Схода будет уже поздно.

– Вы уверены? – скептически поднял бровь молодой анарх Италии.

– Абсолютно!

– Мы чего-то не знаем? – слышались голоса других анархов.

Промолчал только Фенимор Холл, продолжая улыбаться, хотя улыбка на его узких губах казалась приклеенной; он был уязвлён и не скрывал этого.

– Один из спецагентов русского UnUn согласился работать с нами, уважаемые коллеги, а он когда-то был в рядах приближенных инфарха и знает, что говорит. Не волнуйтесь, он обещал помочь добыть три недостающие Вещи, и он это сделает.

– И всё-таки русские опасны и непредсказуемы, – проворчал доктор Шнайдер. – Я хорошо знаю господина Дубинина, к тому же в его распоряжении мощнейшая криминальная структура России – Купол.

– А вот главу Купола надо устранить, чтобы не мешал.

– И кто это сделает? – с прежним скепсисом поинтересовался анарх Италии.

– Украинцы, – наметила хищную улыбку Кэтрин, – с нашей подачи.

Глава 4

Партнёры не разлей вода

Дубинин выслушал агента молча, не выдавая своих чувств.

– Где они собирались?

– В отеле «Зигзаг», – ответил агент, сотрудник СБУ, работающий администратором отеля.

– Переговоры записали?

– Никак нет, была включена глушилка.

– Как же вам удалось подслушать разговор?

Агент, невысокого роста, круглоплечий, полный, похожий на известного писателя-диссидента Дяченко, улыбнулся в усы.

– Спящий МКН.

Дубинин кивнул. Речь шла о микрокластере нанитов – нанороботов, способном записывать все звуки в радиусе до пяти метров, не подавая признаков жизни. Так как в микрокластере не было ни одного атома железа, магнитные поисковые сканеры такие аппараты, не излучающие ни в каком диапазоне, не обнаруживали.

– Откуда у вас МКН?

– Американцы снабдили.

– Партнёры, – позволил себе тонко усмехнуться анарх России.

– Так точно.

– О чём шёл разговор?

– О ваших планах, пан Дубинин. Они знают, что вы собрались ликвидировать американский UnUn, и готовят операцию по устранению командира боевой группы и его заказчика.

– То есть Меринова.

– Так точно.

– Они что же, собираются устраивать охоту на наших парней прямо в Киеве, накануне Схода?

– Нет, после. И не своими руками – с помощью спецназа СБУ.

Дубинин покачал головой, расслабленно откинулся на спинку кресла; разговор с агентом проходил в гостиничном номере отеля «Турист», где поселился анарх российского Союза Незвестных и его свита.

– Ну-ну, американцы верят в боеспособность украинского спецназа? Забавно. О Вещах не говорили?

– Упоминали, недостающие три Вещи доставят в Киев из России.

Дубинин встрепнулся:

– Вот как? Это интересно! Кто доставит?

– Какой-то агент американского анарха, русский. Имя не называли.

Дубинин нахмурился, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла:

– Надо выяснить.

– Делаем, что можем.

– Что известно о «Стопкриме»?

Сотрудник СБУ виновато поёжился:

– Ничего.

– Это плохо! «Чистильщики» должны были приехать в Киев, ищите!

– Ищем же.

– Свободен.

Гость встал и бесшумно исчез за дверью номера.

В комнату заглянул мощный молодой человек, телохранитель Дубинина.

– Проводи, – кивнул подбородком на дверь анарх, берясь за телефон.

* * *

Меринов ужинал, когда раздался звонок. Посмотрел на экранчик айкома, нажал кнопку, передающую ответный сигнал: «Занят, перезвоню через минуту». Допил чай, вернулся в кабинет, включил скремблер и только после этого перезвонил:

– Меринов.

– Нас вычислили, – сказал Дубинин голосом обвинителя на суде. – Ваши хвалёные агенты провалились. Комитет начинает за вами охоту, готовьтесь.

– Чёрта лысого они меня достанут! – рассмеялся генпрокурор, ощутив неприятный холодок меж лопаток: на самом деле он собирался вылетать в Киев, инкогнито, разумеется, и сообщение анарха оказалось неприятным сюрпризом.

– Вы же наметили приезд в Киев?

Меринов пожевал губами, не сразу находя ответ. Сюрпризы следовали один за другим. Никто не должен был знать об его планах посетить столицу Украины во время Схода Комитета, но Дубинин знал!

– Я ещё не решил...

– Не рискуйте, Леонард Маратович, у спецслужб Комитета длинные руки и великолепные ресурсы.

– У меня... у нас тоже ресурсы неслабые.

– Я дал совет, поступайте, как знаете. И разберитесь со своим окружением, кто-то сдал вас.

– Кто?

– Пока не знаю.

– Разберусь.

Выключив телефон, Меринов хлебнул морсу из черноплодной рябины, посидел, успокаиваясь, и набрал номер директора ФСБ...

* * *

Стас ехал по улицам Киева в кабине «Хаммера» на встречу с командиром своей оперативной группы, устроившейся за городом, в частном секторе, когда браслет айкома на левой руке издал тихое рычание. Касанием пальца он включил мобильник.

– Слушаю.

Клипса телефона в ухе голосом Меринова выдала порцию мата.

– Понял, – улыбнулся бывший Воин Закона; генпрокурор, будучи в ярости, ругался как сапожник. – Что случилось?

– Звягинцев... и эта скользкая крыса Кнышев...

Стас не удивился, услышав фамилии директора ФСБ и министра внутренних дел.

– Да?

– Отказались помочь в Киеве! Да и министр обороны тоже крутит носом! Впереди выборы, всем хочется остаться в лодке. А на директора СВР у меня нет выхода, он – креатура президента.

– Что произошло?

– Американский анарх заказал меня!

Стас помолчал:

– Если это правда, вам нельзя в Киев.

– Я сам решу, куда мне можно, а куда нельзя! – взорвался Меринов, умолк на несколько секунд, сбавил тон: – Твоя задача усложняется.

– Сделаю всё, что в моих силах.

– Надо срочно убрать Дубинина!

– Не понял! – удивился Стас. – Перед Сходом?!

– Пора менять отношение к этому процессу. Если Дубинин исчезнет, его место займёт диарх, а он – моя креатура!

– Стоит поразмышлять об этом.

– Не надо размышлять, надо действовать! Немедленно займись Дубининым, разработай план операции и доложи! Пока он тебе верит, устранить его будет легко.

Стас переждал гул от колонны американских бронетранспортёров, которую перегонял «Хаммер».

– Мне понадобятся дополнительные средства, аналитики и информаторы.

– Будут! Я сам прилечу завтра.

– Хорошо, жду. – Стас выключил телефон, посмотрел на чернявого водителя-украинца. – Меняем маршрут, Стёпа.

Глава 5

Кто, кто в теремочке живёт?

Несмотря на поддержку отца, Матвей чувствовал себя пристыженным. Поиск МИРа под Лаврой не увенчался успехом, и хотя уверенности в своих возможностях он не потерял, ну, разве что на самую малость, настроение от этого не улучшалось.

– Не бей по площадям, – посоветовал ему Василий Никифорович, когда они встретились в номере сына. – Просвечивай каждую церквушку, каждую келью, по очереди, и в конце концов выйдешь на модуль. Территория Лавры не бесконечна.

– Я так и делаю, – виновато ответил Матвей. – Чувствую, Вещи там, но МИРа не вижу.

– Ничего, отдохни, поизучай комплекс, можешь даже съездить в Лавру с кем-нибудь из наших, приняхаться к местным излучениям, не вызывая подозрений, как паломник, и пещера Али-Бабы тебе откроется.

Матвей улыбнулся в ответ на шутку, успокоился, подсел к компьютеру, выводя на экран схему подземелий Киево-Печерской лавры. Мысль отца – навестить храмовый комплекс – соответствовала и его умозаключению. Она позволяла привлечь к поиску Диву, то есть встретиться с ней на вполне официальном уровне, имея вескую причину. А жажда видаться с ней у него только возрастала день ото дня.

Всё сложилось так, как он рассчитывал. Правда, настроение испортил Стас, внезапно позвонивший вечером:

– Я знаю, что ты в Киеве. Где устроился?

Не слишком обрадовавшийся звонку Матвей промямлил:

– На левобережье...

– Где?

– В гостинице «Славутич».

– Напротив Лавры, это разумно. Вещи с тобой?

Матвей помолчал, с тоской подумав, что он снова делает ошибку, не сообщая отцу о своей зависимости от сводного брата.

– Чего ты хочешь?

– Сход начнётся через три дня, за это время ты должен найти МИР Акарин и спуск к нему. Учти, ты обещал!

– Я помню.

– Искал объект?

– Искал.

– И?..

– Не нашёл.

– Не переживай, Архитектор. – В голосе Стаса прозвучала издёвка. – Когда не знаем мы, куда идти, спасает вера в праведность пути. Ищи и звони, если понадобится, времени у нас мало.

– Я должен... – начал Матвей, но Стас уже выключил связь, и последняя часть фразы «сообщить отцу» повисла в воздухе.

Поразмышляв над своими обещаниями: их надо было выполнять, иного пути не было, – Матвей решил всё-таки рассказать отцу о проблеме, но тот сам ему позвонил:

– Зайди.

– Иду, – обрадовался капитан, хотя и с тревогой в душе. Разговор предстоял тяжёлый.

Однако поговорить с отцом наедине не удалось. В номере Котова-старшего он увидел Самандара... и Тараса Горшина, о ком даже не вспоминал, занимаясь своими заботами. Постарался скрыть удивление, протянул руку:

– Тарас! Добрый вечер.

– Привет, экстрасенс, – улыбнулся посланец инфарха, сжав его руку как клещами. Вгляделся в лицо Матвея, перестал улыбаться. – Тебя что-то беспокоит?

Матвей нерешительно глянул на отца, и Василий Никифорович сказал:

– Он просто не ожидал тебя увидеть.

Тарас подмигнул:

– Видеть меня – одно удовольствие, не видеть – другое. Времени в обрез, комиссары, поэтому давайте обсудим ситуацию. Первое – местонахождение МИРа с Вещами. – Тарас посмотрел на Матвея. – Есть новости?

Матвей порозовел.

– Работаем, – скупой ответил за него Василий Никифорович.

– Мы тоже работаем в этом направлении и близки к завершению поисков. Как только вам что-то станет известно, дайте знать, и мы

сравним результаты. Теперь о Сходе. Он состоится 30 октября в десять часов утра по местному времени. Практически все иерархи Комитета уже в Киеве, в связи с чем столица находится под полным контролем спецсил и спецсредств. Для слежки за территорией Лавры используются спутниковые системы наблюдения, компьютерные, электронные переносные типа «СЭР», и дроны с использованием нанитных микрокластеров. Поэтому будьте предельно осторожны с поведением на улицах, особенно вблизи объекта. Компьютерные следяки, переданные американцами эсбэушникам, способны выделять в толпе лиц с «непозитивными» намерениями.

– Ну, у нас тоже имеется кое-какая спецтехника, – небрежно бросил Самандар. – В том числе стаagnаты, подавляющие радио и видеосвязь в радиусе до пяти километров, отсекающие мобильные системы скремблеры и маскиры.

– Мы будем очень осторожны, – пообещал Василий Никифорович, предупреждая глянув на друга.

– Возможно, вам придётся прорываться в подземелье с боем, – продолжил Горшин, – чем мы располагаем?

– Две группы уже здесь, «Штык» из «Возмездия» и наша, с оружием и спецзащитой, всего около трёх десятков бойцов, и ещё одна на подходе.

– Откуда?

– ЗРП «Рубеж», перебазировался из Турции.

– Наёмники?

– Контрактники. ЗРП – это аббревиатура Объединения защиты русского пространства, резерв президента за рубежом. «Возмездие» тоже...

– Я в курсе, частное военное формирование и тоже резерв президента. Надеюсь, этого хватит. Но желательно вообще обойтись без стрельбы и военных действий. Теперь о том, чего вы не знаете. Небезызвестный вам генеральный прокурор Меринов собирается убрать анарха Союза Неизвестных России Дубинина руками американского UnUn, для чего заслал в Киев вашего приёмного сына. – Тарас посмотрел на Котова-старшего.

– Стаса?! – в один голос, но с разными интонациями воскликнули Матвей и Самандар.

– Стаса, – подтвердил Горшин. – Однако Меринов не учёл его амбиций и сам попадёт под удар, так как собирается лично принять

участие в захвате Великих Вещей и ликвидировать Дубинина. Правда, его планы идут ещё дальше, и он задумал заодно уничтожить американский Союз.

– Действительно пауки в банке! – с отвращением проговорил Вахид Тожиевич.

– Так вот, не надо им мешать, пусть дерутся, жрут друг друга, нам легче будет решать свои задачи.

– Но ведь это рискованно! – нахмурился Василий Никифорович. – Что, если они договорятся?

– Во-первых, не договорятся, во-вторых, нам на руку ликвидация Меринова. Купол будет обезглавлен, и президент сможет сильно проредить эту криминальную надстройку, что исключительно благотворно скажется на социальном климате страны. И, наконец, последнее: Великие Вещи. – Тарас перевёл взгляд на Матвея. – Они у тебя?

Матвей покачал головой:

– Только две – Свисток и Эскулап.

– Дзюмон?

– У меня, – ткнул себя пальцем в грудь Самандар.

– Отдайте Матвею, он инициатор, Вещи должны к нему привыкнуть.

– Хорошо.

– Кстати, вы активировали их?

– Только Эскулап, – сказал Матвей.

– На ком тестировали?

– Лечили президента, – сказал Самандар.

– И как?

– Удачно.

– Попробуй активировать Трубу и Щит.

– Я пытался, – виновато отвёл глаза Матвей. – Свисток молчит.

– Порог его срабатывания высок, но он готов к использованию и чувствует всё, что вокруг происходит. Дзюмон тебе пригодится, даже если он не включится на полную мощность. Всё, друзья, развязка близка, держим связь.

Тарас пожал руки присутствующим и вышел.

Матвей, отец и Самандар проводили его глазами.

– Граф не теряет формы, – глубокомысленно произнёс Вахид Тожиевич, – хотя поседел. И не всё нам говорит. Что он имел в виду,

упоминая Стаса? Неужели парень перешёл на сторону американского анарха?

Вопрос повис в воздухе. Котовы промолчали, похожие друг на друга даже мимикой. Матвей, уже собравшийся признаться в связи с братом, решил повременить с признанием. Он пока не видел способа выйти из тупика, куда сам себя загнал.

– Я к себе, – пробормотал он.

– Я тебе нужен? – спросил Василий Никифорович.

– Н-нет, хочу поизучать Лавру.

– Звони, если что.

В номере пахло лосьоном после бритья.

Матвей насторожился: он пользовался «Спартакoм», а пахло «Бандерасом». Однако вещи лежали на местах, как он их оставил, в порядке, никто в них не рылся, бритвенные принадлежности и мелочи для ухода за телом в ванной тоже казались нетронутыми, и лишь полотенца на вешалках висели свежие. Скорее всего, лосьон принадлежал кому-то из персонала гостиницы, уборщику или ответственному за наполнение мини-бара, и Матвей успокоился.

Позвонил Диве:

– Мы встречались с Тарасом.

– Я знаю, – ответила она торопливо. – Извини, я занята.

– Есть предложение завтра вместе прогуляться по территории Лавры. Ты не против?

– Когда?

– Лучше с утра.

– Я перезвоню.

Матвей задумчиво прошёлся по номеру, постоял на балконе, глядя на освещённые окна зданий на другом берегу Днепра, уловил отблеск огней на золотых куполах храмов Лавры и заставил себя настроиться на рабочий лад. Надо было ещё раз прикинуть маршрут поисков подземелья, где прятался модуль с Великими Вещами, и попытаться определить хотя бы наиболее вероятное место его расположения. Мысль о том, чем занята Дива в столь поздний час, занимала его долго, пока она не позвонила сама в половине первого ночи:

– Я освободилась.

Он едва не ляпнул: «От кого?» – но вовремя прикусил язык.

– Мне не удаётся пока найти схрон с Вещами. Может быть, он закрыт непроглядом?

– Непрогляд – магическая технология, вряд ли она полноценно работает, хотя исключить этого нельзя. Рыков должен был предусмотреть системы охраны и защиты своего драгоценногоклада от случайных и неслучайных охотников.

– Я, конечно, попробую дистанционно просканировать всю гору, но не уверен, что у меня получится. Давай завтра устроим экскурсию в Лавру? Я оценю ситуацию на месте и попытаюсь посмотреть каждый храм в отдельности.

– Если только с утра, потом у меня не будет времени.

– Я и сам хотел утром. Когда там начинаются экскурсии?

– Думаю, Лавру уже закрыли в преддверии предстоящих событий, нынешний настоятель комплекса болен, и его временно заменил бывший митрополит Киевский Слободан, один из иерархов Союза Незвестных Украины.

– Мы не сможем попасть на территорию Лавры?

– Попробую что-нибудь сделать, кое-кто из её монахов контактирует с нами. Давай сделаем так: встречаемся у главного входа в Лавру, у Троицкой Надвратной церкви, и если удастся пройти, не возбуждая подозрений, прогуляемся по территории, если не сможем пройти – обойдём Лавру по внешнему периметру.

– Хорошая идея, в котором часу?

– В одиннадцать, если ничто не помешает.

– Я буду.

– Тогда спокойной ночи, Котов. Выпись, ты должен быть в форме. В наушнике заверещали свисточки отбоя.

Матвей, ощущая себя окрылённым, представил, как он обнимает любимую, уронил яблоко, которое лежало на столе, но успел подхватить. Заявил глубокомысленно:

– Я в форме!

Потом устыдился своей самоуверенности, отжался на кулаках полсотни раз, умылся и сел к окну, выключив свет. Настроился на *просветление*. Попробовался лучом «биолокатора» прощупать скальный массив под Лаврой на другом берегу реки, промучился час, не добился результата и, пристыженный, лёг спать. МИР с Великими Вещами под храмовым комплексом стопроцентно существовал, но под каким именно храмом или сооружением, где начинался к нему спуск под землю, увидеть не удалось. Что-то мешало Матвею чётко определить координаты подземелья, какие-то энергетические пузыри,

разбивающие общую информационную картину комплекса на множество резонансов, сбивающих с толку. Стоило ему взглянуть в один из таких пузырей, как он, в свою очередь, размывался туманным облаком и перетекал в десяток других пузырей, не дающих точных координат цели.

Уснул Матвей, однако, быстро, несмотря на разочарование в себе самом. Сил было потрачено за день немало.

Проснулся в семь, сделал зарядку, умылся, позвонил отцу, зная, что тот всегда встаёт рано.

– Па, я в одиннадцать встречаюсь с Дивой у Лавры.

Василий Никифорович помолчал по обыкновению.

– Сопровождение не понадобится?

– Мы ещё не знаем, попадём на территорию или нет, да и появление группы людей может показаться подозрительным. Если потребуется помощь, я позвоню.

– Хорошо, – сказал Василий Никифорович и отключил телефон.

В половине одиннадцатого Матвей вышел из такси на маленькой площади перед Надвратной Троицкой церковью и прогулялся вдоль голубого фасада и арки Святых Врат, представлявших собой цоколь церкви, разглядывая роспись внешних стен справа и слева от арки и раздумывая, звонить ли Диве. В глубине арки торчали два дюжих молодца в серых клобуках, выбритых и подстриженных по украинской моде скорее «под гетьманов», нежели по-монашески, поглядывающие на площадь, но ворота закрыты не были, несмотря на отсутствие очереди прихожан. Пришла мысль поинтересоваться у стражей арки, можно ли пройти на территорию Лавры, но в этот момент подъехал белый «Ауди Q7», из которого вышла Дива, и воздух застрял у Матвея в лёгких.

Дива редко надевала платья, предпочитая брючные и джинсовые костюмы, в крайнем случае носила официальную «мундирную форму» работника прокуратуры: тёмно-синяя юбка, белая блузка и синий китель. В это утро она оделась иначе, выбрав не по погоде короткое платье, открывающее стройные точёные ноги выше колен и символическую прозрачную куртку, позволяющую разглядеть божественную фигуру.

Монахи в глубине арки перестали разговаривать, повернулись в её сторону.

Она, стуча каблучками по асфальту, подбежала к застывшему статуей Матвею, заглянула в глаза, взяла под руку.

– Я не опоздала? Что так смотришь?

Матвей очнулся:

– Ты... ангел во плоти!

Дива засмеялась:

– Протри глаза, я вовсе не ангел, мёрзну вот в такую погоду.

– Нет, ангел! – мотнул он головой упрямо. – Я никогда не видел тебя такой... красивой.

По лицу Дивы пробежала тень, у губ пролегла складочка, она перестала улыбаться:

– По-твоему я всегда хожу дурнушкой? Знаешь поговорку? Не родись красивой, а родись счастливой.

– Не родись красивой, не родись богатой, а родись здоровой и дружи с лопатой.

Дива фыркнула, снова засмеялась:

– Это ближе к истине.

– Выходи за меня замуж! – вдруг сказал он неожиданно для себя самого.

Она удивлённо сдвинула брови, в глазах зажёгся ироничный огонёк:

– Нашёл время шутить.

– Я не шучу!

Дива более внимательно оглядела лицо капитана, ошеломлённое вырвавшимся признанием, покачала головой, так что волосы рассыпались по плечам, но глаза женщины по-прежнему остались полны иронии:

– А если я не умею готовить?

– Я научу.

– А вытерпишь? Подруга вышла замуж за хорошего парня, моего давнего знакомого, живут, она не готовит день, два, он ей кофе в постель, сам готовит, прошёл месяц, он ей осторожно: «Может, начнёшь кашеварить?» Она взбрыкнула – и разошлись.

Матвей недоверчиво посмотрел на Диву:

– Это ты к чему?

– Не торопись, Котов, как говорил один прокурор: «Женатый живёт дольше, а холостой интересней».

– Я серьёзно...

– Не обижайся, – Дива успокаивающе сжала его локоть, – не время решать личные проблемы. Справимся здесь – обещаю обсудить твоё предложение.

Матвей постарался скрыть охватившее душу разочарование, шутливо отдал честь:

– Есть не торопиться! Идём? Нас пропустят? Я не успел спросить.

– Подожди минуту, сейчас подъедет немецкая делегация, возжелавшая полюбоваться Лаврой, и мы пройдем вместе с ней.

Рука женщины лежала на сгибе локтя, её близость кружила голову, и он был готов ждать кого угодно и сколько угодно. Однако ждать долго не пришлось, через минуту подъехал микроавтобус «Мерседес Пуанто», из него выбрались двенадцать мужчин и женщин преимущественно зрелого возраста, чтобы не сказать – пожилого, и направились ко входу в Лавру.

Дива догнала старика в зелёном полупальто, кутавшегося в шерстяной шарф, заговорила с ним по-украински, выслушала ответ и вернулась к отставшему Матвею.

– Всё в порядке, мы включены в состав группы.

– Как тебе удалось договориться?

– Не мне – Тарасу, он не зря торчит в Киеве чуть ли не месяц.

– Кто они?

– Правозащитники, немцы и австрийцы, важные шишки с дипломатическими паспортами, а один из них близок к доктору Шнайдеру.

– Это ещё кто такой?

– Анарх Германии.

Матвей невольно присвистнул:

– Ничего себе! Откуда вам это известно?

– Не задавай ненужных вопросов, капитан, не заставляй жалеть о друзьях, верящих мне на слово.

– Извини.

Монахи на входе остановили делегацию, заговорили с седым господином в зелёном пальто, скорее всего гидом, показавшим какую-то бумагу. Монахи прочитали пропуск, оглядели членов группы, ткнули пальцами в Диву с Матвеем. Старик кивнул, что-то сказал, и гостей пропустили под своды арки.

Прошли Святые Врата под церковью, двинулись по мощенной камнями дорожке к храму, ближайшему от входа.

Матвей вспомнил его название: Больничный Троицкий монастырь, основанный в двенадцатом веке черниговским князем Николаем Святошей.

На Диву оглядывались даже совсем пожилые члены делегации, и Матвею это льстило, потому что именно он сопровождал такую красивую и соблазнительную женщину, способную одним своим видом вскружить голову кому угодно.

Дива заметила его мину, сжала локоть сильнее:

– Сосредоточься! У нас больше не будет возможности детально изучать подходы к нужному объекту.

Матвей послушно настроил себя на режим биолокации, отбросив мешающие восприятию ментального фона переживания и мысли.

Мир вокруг изменился, стал дрожащим и зыбким, насыщенным невидимыми глазу паутинками излучений и прозрачными лепестками полей.

Через минуту наступил момент полного погружения в этот странный мир *иного* света, и Матвей превратился в подобие многодиапазонной антенны, воспринимающей игру биопотенциалов живых объектов вокруг и давящее мрачноватое молчание зданий и сооружений.

Человеческий мозг способен обрабатывать достаточно большой поток входящей информации аналогично компьютерным алгоритмам сжатия видео: если некий однотонный фрагмент видимой картины, к примеру, голубое небо над головой или асфальтовая площадь под ногами не меняются в течение определённого времени, вычислительные ресурсы – нейроны мозга – переключаются на анализ других, более динамичных объектов. Всё привычное, обыденное, не меняющееся во времени считается фоном и ускользает от нашего внимания. Во всяком случае, стены церквей и золочёные купола их представляли собой именно такие фоновые области окружающего мира, отражавшие его незыблемость.

Но Матвею уже приходилось «вскрывать» их своим «пси-скальпелем», как хирургу опухоли, что требовало внимания и энергии, и, не будь рядом Дивы, он с задачей не справился бы, поглощённый созерцанием невидимого, наверняка заставил бы наблюдателей обратить внимание на его поведение. Дива отвлекала всех своей внешностью и восторгалась красотой строений Лавры так искусно,

что ни у кого из наблюдателей не возникло сомнений в её искренности... и в его инфантильности. А наблюдатели были.

– Над нами... – заторможенно начал было он.

– Дорогой, потом поговорим, – перебила его спутница, заговорив по-английски. – Тут так интересно!

И он больше не пытался заговорить, сообразив, что их могут подслушать, несмотря на иголку блокиратора аудиополя, воткнутую в лацкан пиджака.

Он хотел сказать: над Лаврой висит дрон. А ещё он уловил тонюсенькие, как иголки, струйки внимания, колющие затылок, и понял, что за группой «немецких туристов» следует микрокластер нанитов, наблюдающий за гостями, что говорило об исключительной важности охраняемого комплекса, готовившегося к приёму иного уровня – Сходу Комитета 300.

Искать же носителя МКН не имело смысла. Им мог оказаться любой комар, муха или на худой конец невидимая пылинка, которая непременно заметила бы манипуляции подконтрольного объекта, и те, кто ею управлял, поняли бы, что объект ищет наблюдателя.

Обошли Успенский собор Пресвятой Богородицы, Катаевскую и Голосеевскую пустыни, Большую Лаврскую колокольню, Крестовоздвиженскую церковь, постояли у церкви Всех Святых.

Немцы подустали, к тому же им не разрешили пользоваться фотоаппаратами и мобильниками, и многие стали отставать от группы, задерживаться у церквей, Братских корпусов и здания Духовной семинарии.

Матвей уловил косой взгляд Дивы, отрицательно качнул головой. Он пока ничего не обнаружил под осмотренными строениями Лавры, хотя был настроен решительно.

Ближние и Дальние пещеры разделял овраг и «хребет» горы.

Делегация, оживлённо обсуждая достопримечательности комплекса, сунулась было к галерее, чтобы спуститься к верхним кельям, но её не пустили. Сколько ни уговаривал гид дюжих парней в серых балахонах хотя бы одним глазком взглянуть на вырубленные в скалах пещерки, где находились мощи святых угодников, живших сотни лет назад в кельях, охранники были непреклонны.

– Не можна! У нас наказ нікого не пускати! – стояли они на своём.

Гид сдался, объяснил обступившим его туристам ситуацию и повёл группу к выходу из Лавры.

А Матвей вдруг почувствовал знакомый *взгляд*, впервые пережитый им ещё в номере гостиницы. Вещи снова напомнили о себе, отзываясь на его психофизическое зондирование пустот Лавры тонким биополевым резонансом.

– В каком ухе звенит?

Дива с недоумением покосилась на него, поняв смысл сказанного.

– В левом.

– Правильно. Там, за колокольной...

– ...стоит часовня. – Она обняла его, поцеловала, прошептала, прижав губы к уху: – Молчи! Мы не одни! Нашёл?

– Где-то недалеко, – почти неслышно ответил он, переживая всплеск эмоций от жаркого дыхания губ любимой. – Метров пятьдесят от нас... и спуск...

– Потом обсудим.

К обнимавшейся паре приблизилась ещё одна пара монастырских служителей, неизвестно где прятавшаяся до сих пор. Молодые, гладко выбритые монахи одеты были в чёрные сутаны.

– Предъявить документы, громадяни.

Матвей и Дива с недоумением оглянулись, не спеша разнимать объятия.

– Sie zu uns? – наивно спросила женщина по-немецки.

– Документи, будь ласка, – сказал второй монах.

Матвей выпрямился, высокомерно вскинул подбородок:

– Dokumente? Ma Latvian grazhdanin!

Монахи переглянулись, и он добавил по-русски, коверкая язык:

– Не телайт клупости, я ест латышский крашданин.

– Zeigen sie ihren Pass, – сказала Дива.

Матвей достал паспорт на имя Зигмунда Скуиньша, протянул монаху:

– Мы кулять территория, понимайт?

Монахи внимательно изучили паспорт, вернули документ.

– Вам не можна тут затримуватися.

Дива «перевела» сказанное на немецкий.

– О'кей, – сказал капитан с тем же высокомерием в голосе. – Ми уходить.

Они догнали группу немецких туристов, вышли вместе с ними за ворота.

Дива что-то сказала старику-гиду, сунула ему конвертик с деньгами, взяла Матвея под руку.

– Идём.

Не глядя на расписанные стены внешнего фасада церкви, они спустились к дороге и сели в белый джип с украинскими номерами.

– Теперь рассказывай, – повернулась Дива к спутнику.

– МИР под северным концом Дальних пещер, – уверенно заявил Матвей.

Глава 6

Приспешники мрака

Председатель Национального Совета безопасности и обороны Парфён Иудович Турчанов уже несколько лет успешно руководил всеукраинским Союзом Неизвестных, решая с его помощью как политические, так и деловые вопросы. Именно он, обработанный по американским технологиям пси-подчинения сотрудниками отдела спецопераций ЦРУ, будучи спикером Верховной Рады, и начал в Украине очередную «цветную революцию» в две тысячи четырнадцатом году, призвав на помощь ультранационалистические силы, за что и получил благословение заокеанских «друзей» на развёртывание полномасштабной войны с Россией, а потом и возглавил Союз Неизвестных Украины, полностью управляемый Советом Неизвестных США.

Начинал Парфён Иудович, родившийся в Днепропетровске в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году, как комсомольский работник, после распада СССР нашёл «свою веру», став диаконом баптистской церкви «Слово жизни», и его не зря в начале двадцать первого века прозвали «кровавым пастором», прославившимся колоссальной изворотливостью и умением посылать людей на смерть «во имя жизни».

Нынешнее совещание иерархов украинского Союза Турчанов созвал в Центральной церкви христиан-баптистов Киева. Церковь располагалась в треугольнике улиц Щекавицкой и Кирилловской и Ярославского переулка. Поскольку служения в церкви проходили всего два дня в неделю: в пятницу и воскресенье, прихожане в данный момент отсутствовали. На собрание в церковь были приглашены не члены Совбеза, а иерархи украинского UnUn: диарх Овценюк, нынешний глава Нацбанка Украины, прозванный Кроликом за форму голого черепа и оттопыренные уши, триарх Заливайченко, бывший директор Службы безопасности, а нынче глава Нафтогаза, помощник Турчанова Сливняк, занимавший в Совбезе пост секретаря, и бывший митрополит Киевский Слободан, он же – Хранитель модуля иной

реальности под Киевом, перешедший на сторону «освободителей народа» (от жизни, как шутил он сам).

Турчанов никогда не отпускал бороды, но бриться не любил, постоянно зарастал седоватой щетиной, не улыбался ни по какому поводу и походил на борова в человеческом обличье. Он и говорил, как боров, гнусаво, с повизгиванием, мрачно, зато всегда решительно и безапелляционно, что воспринималось простыми прихожанами как благовест самого Бога, а не речи посредника между небом и землёй.

Впрочем, примерно так же общались со всеми и остальные иерархи украинского Союза Незвестных, на голубом глазу объявляя свой параноидальный бред в адрес России и Новороссии «истиной во всех инстанциях, не подлежащей сомнению». Они являлись своего рода лакмусовой бумажкой нынешней украинской власти, раздувающей мыльный пузырь самомнения, агрессивного неприятия правды и чужого мнения, пузырь патологической ненависти к иноверцам – россиянам, не приемлющим бандеровский ультранационализм и фашизм.

Помещение, где собралась пятёрка «шестёрок» на побегушках у ЦРУ, представляло собой шестиугольник, объятый наклонными стенами без единого окна и с готическим потолком. Кресел в помещении тоже было шесть, по одному на грань шестиугольного стола из мореного дуба, но заседателей присутствовало пятеро, шестой – Дмитро Ебыш, главный идеолог ультранационального крыла «Правого сектора», в настоящий момент метался по Киеву вместе со своими головорезами в поисках «русских террористов». Каждый день он докладывал Турчанову о задержании очередных «шпионов», и к настоящему времени их количество приближалось к численности полноценного батальона.

Прибывшие были немногословны и никаких напитков не потребляли. Говорили исключительно по-украински.

Турчанов сел и посмотрел на помощника.

– Кость Львович, слушаемо тебе.

Лысый Сливняк пригладил три волоска надо лбом, крякнул и обстоятельно пересказал разговор с «дивной красулей», как он выразился, по имени Сигма.

– Может быть, Сима? – усомнился Кролик-Овценюк.

– Не, Сигма, – мотнул головой Сливняк. – Всё прошло отлично, она поверила.

– Кто она по-твоему? ФСБ, ГРУ, СВР?

– Главное, что она представилась как оппозиция нынешней российской власти, а это может означать только одно: Сигма – агент русского анарха. Он хочет выйти на вас, Парфён Иудович, и ликвидировать.

Турчанов поджал губы:

– Дубинин не пойдёт на этот шаг. Он тоже зависим от решений Комитета.

– Уверяю вас, она решает именно эту задачу.

– Хорошо, посмотрим. Что ты предлагаешь?

Сливняк замялся:

– Я ничего не решаю...

– Предлагаю сделать подарок мисс Блохшильд, – расплылся в улыбке чубатый блондин Заливайченко, давно сотрудничавший с ЦРУ. – Захватить Сигму, или кто она там есть, допросить и после этого передать американцам.

Присутствующие обратили взоры на вечно угрюмо-недовольное лицо анарха.

Он помолчал:

– Когда ты договорился встретиться с ней?

– Я должен позвонить, – сказал Сливняк.

Турчанов посмотрел на бывшего директора СБУ:

– Готовьте захват. Проблем с оперативниками не будет?

– Федя мой друг, – тряхнул роскошной гривой волос Заливайченко; речь шла о нынешнем директоре Службы безопасности.

– В таком случае с нами бог! Слава Украине!

Он не ошибался, бог и в самом деле был на их стороне, но не светлый – *чёрный*! Монарх Тьмы.

Глава 7

Подстава

Тарас был внимателен и обходителен, как всегда, но Дива чувствовала, что его занимают совсем другие мысли, и старалась поменьше задавать вопросов и побольше прислушиваться к советам.

В последнее время встречались только в машине, на окраине Киева, напротив неработающего мясокомбината. В кафе и ресторанах старались не пересекаться, слишком много разгуливало по Киеву специфического народа, контролирующего все значные заведения и гостиницы. Дива сама была свидетельницей инцидента у бара «1001 ночь» на улице Щорса, когда выходящих из него молодых парней вдруг окружила толпа невесть откуда взявшихся спецназовцев в жёлто-коричневых костюмах натовского образца, запихала всех в фиолетового цвета мини-вэн и увезла.

Вряд ли парни принадлежали к какой-нибудь криминальной структуре или вообще к «организации русских террористов» (иначе как москалями и террористами россиян здесь не называли), но спецслужбам Украины надо было имитировать «успешную работу по захвату шпионов и террористов», и они занимались этим постоянно.

– Я тебя понял, – сказал бывший помощник инфарха, ведающий вопросами безопасности «запрещённой реальности». – Сил у нас маловато, и даже «чистильщики» ненамного увеличивают шансы справиться с проблемой. Да и не соберёшь их здесь всех.

– Матвей говорил, весь спецназ «Стопкрима» задействован.

– Я не о спецназе веду речь, комиссары – единственные индивидуумы, обладающие скрытым экстрасенсорным запасом, и будь их больше, мы попытались бы создать мощный эгрегор воздействия на Великие Вещи.

– Здесь отец Матвея, Самандар, Иван Терентьевич Парамонов должен прилететь.

– Нужен весь бывший «Стопкрим», не меньше двух десятков человек, трое положение не спасут.

– Четверо... Синельников в Киеве... и Матвей.

Тарас перестал размышлять о чём-то, наметил улыбку:

– Да, на Матвея вся надежда... если только он не ошибётся, как в прошлый раз. Как он тебе?

Дива улыбнулась ответно:

– Предложил руку и сердце.

Тарас развеселился:

– Молодец, крестник, не боится признаться в своих чувствах.

Что ты ему ответила?

– Ничего, отшутилась.

– Ты его не любишь?

Лицо женщины стало задумчивым:

– Он ещё мальчишка, несмотря на взрослые амбиции и мужские кондиции. Не знаю, не задумывалась. Признаю, он мне нравится своей горячностью и искренностью и вполне мог бы сделать меня счастливой...

– Ну, сделать женщину счастливой нетрудно, – заметил Горшин, – трудно при этом самому остаться счастливым.

Дива кивнула:

– Вот я и не хочу подавать ему напрасных надежд.

– Ты настоящая женщина.

Она с подозрением посмотрела на собеседника, по лицу которого невозможно было судить, о чём он думает.

– Что ты имеешь в виду?

– Если настоящий мужчина должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына, то настоящая женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь.

Дива засмеялась... и стала совсем грустной:

– Я бы и не против вырастить дочь... да нет у меня никого... и дома нет, если по правде.

– Ещё не вечер, – успокоил он её серьёзным тоном. – Если твой выбор падёт на Матвея, он разобьётся, но сделает для тебя всё. К делу. Ты думаешь, Сливняк пойдёт на контакт?

– Матвею он не понравился. Но я бы довела дело до конца. Позвоню, пусть назначает встречу.

– Я дам тебе пару оперативников, будь внимательнее, чуть что – отступай и звони мне. В конце концов мы выйдем на МИР и без контакта с украинским анархом. Может, возьмёшь с собой Матвея?

– Он обнаружил МИР, под Дальними пещерами, собирается просканировать галерею и кельи, там должен быть спуск в подземелье. Не хочу его отвлекать, пусть добьётся результата. Ты больше знаешь о «чистилице», почему в Киев не поехали остальные комиссары?

– Потому что их осталось мало. Как минимум половина бывших адептов Внутреннего Круга ушли с этого поля деятельности.

– Куда ушли? – не поняла Дива.

– Бывший гексарх Юрий Венедиктович Юрьев остался в прошлом, где он приспособил для жилья замок Пунктум – Улиток разумных. Бабу-Сэнге умер, и никто не знает, где теперь его нагрудник справедливости. Владлен Семёнович Медведев перебрался в один из слоёв Шаданакара, поближе к Адовым Мирам.

– Он экстремал?

– Почему ты так решила?

– Зачем ему понадобилось соседство Адовых слоёв?

– Этот вопрос надо задать ему. Я только знаю, что он переселился с семьёй в один из пустых аттракторов Энфора в Локоне Ампары, так называемый Лагерь Порядка. Захар Лапин завладел в МИРе Анофелесов Великой Вещью и вселился в ядро Земли.

Дива фыркнула:

– Вселился в ядро? Умер, что ли? Или это такой оборот речи?

– Это реальный физический процесс.

– Как это возможно – вселиться в расплавленное ядро Земли?

– Для магов ничего невозможного в нашей реальности нет... не было. Но темпора мутантур, как говорили в старину.

– Какой Вещью он завладел?

– Байё-вайё.

– Чем-чем?

– В переводе с атлантического – «вечное возрождение». На самом деле никто толком не знает, для чего предназначалась эта Вещь, даже я. Известно лишь, что байё-вайё создали не люди.

– Инсекты?

– И не инсекты, Предтечи, первые разумные на Земле.

– Аморфы?

– Может быть.

– Как же мало я знаю! – огорчилась Дива.

– У тебя впереди целая жизнь.

– Я уже прожила тридцать лет.

– Я вдвое больше, и что? Для любви я уже стар, для дружбы – слишком молод. А для вечности мой возраст – меньше чем мгновение. Не комплексуй, Ангел, главное не много знать, а много понимать. Пройди свой путь.

Дива благодарно сжала руку собеседника, на плечах которого лежал груз гораздо большей ответственности, чем на её собственных.

– Увидимся.

– Когда ты собралась звонить информатору?

– Могу сейчас.

– Звони, я вызову своих ребят.

Дива взялась за телефон.

* * *

Сливняк предложил встретиться в городском зоопарке, и она согласилась, так как были опасения, что советник Турчанова заартачится, услышав альтернативное предложение, и откажется встречаться.

Тарас сначала озадаченно помолчал, узнав о месте встречи, потом всё же согласился с этим вариантом. Двое оперативников из его команды, приятные с виду молодые люди, свободно говорящие по-украински, присоединились к Диве уже у входа в зоопарк, куда она подъехала на такси за полчаса до встречи.

Киевский зоопарк представлял собой комплекс павильонов, вольер и служебных строений площадью в тридцать четыре гектара, располагавшийся в четырёхугольнике пересечённой местности между проспектом Победы, улицами Зоологическая и Молдавская и переулками Брест-Литовским и Тбилиским. Он имел два входа, центральный, со стороны проспекта, и служебный, со стороны улицы Зоологической.

Сливняк пригласил Диву подойти не к центральному входу, а к служебному, имея на то какие-то свои причины.

Дива подъехала в половине второго, позвонила Тарасу, он ещё раз попросил её быть внимательней, описал своих оперативников, и она узнала парней, беседующих у проходной, с пластиковыми бутылками пепси в руках. На объект охраны они не глянули ни разу, соблюдая правила скрытого сопровождения, и пошли за ней в отдалении,

как только она встретила лысого секретаря Совбеза, одетого в тот же мешковатый коричневый костюм и вышиванку, в каком он был в «Бизнес-кафе».

Оперативники Тараса прятаться умели.

Когда Сливняк вышел из старенькой «Таврии» красного цвета, их уже не было у проходной. Дива даже не поняла, куда они подевались, и, лишь заметив парней на территории зоопарка, вздохнула с облегчением.

Сливняк же по сторонам не смотрел.

– Вы одна? – спросил он по-русски, озабоченно, оглядев улицу с припаркованными редкими автомобилями.

– А с кем я должна быть? – поинтересовалась Дива.

– Ну, охрана, всё такое прочее.

– Надеюсь, и вы один?

Сливняк отвёл глаза.

– Разумеется, я рискую не меньше вашего. Идёмте, посидим в кабинете главного врача ветлечебницы, он мой старый приятель.

– Нам не нужны свидетели.

– Никто вас не увидит, я возьму ключ и позову вас.

– У вас есть что сказать по нашей теме?

– А как же, зачем бы я вам звонил?

Прошли через проходную, охраняемую старичком в чёрно-серой форме, как работники зоопарка: Сливняк показал какое-то удостоверение синего цвета, сказал: «Она со мной».

Дива посмотрела на старичка-охранника и поняла, что оперативникам Тараса достаточно было дать ему совсем небольшую сумму гривен, чтобы свободно пройти на территорию зоопарка.

Прошагали мимо столярной мастерской справа и продуктового склада, обогнули кормокухню, от которой за версту несло неаппетитными запахами, миновали гараж, туалет. Вдали показалось неказистое бетонное сооружение, и по новой волне запахов Дива поняла, что это бойня. Однако Сливняк, хмурый и неприветливый, не доходя до бойни, свернул направо и подвёл спутницу к одноэтажному зданию без вывески, которое и оказалось ветлечебницей.

– Подождите здесь, – буркнул советник Турчанова, исчезая за входной дверью.

Дива огляделась, подмечая детали обстановки, как учил Тарас.

Народу по служебной территории зоопарка гуляло немного. И возле ветлечебницы почти никого не было видно. Лишь у небольшого белого фургончика с надписью «Доставка» разговаривали молодой парень в замшевой курточке и девушка в белом халатике, очевидно, медсестра. Да у шеренги кустарника напротив входа возился усатый рабочий в синей спецовке, обстригая кусты.

Парни Тараса, только что появившиеся из-за угла здания, снова куда-то исчезли.

Дива занервничала, начиная ощущать неловкость момента и нетерпение, будто играла в спектакле про шпионов. Обстановка перестала нравиться ей окончательно. Она уже собралась сама войти в здание, но в этот момент появился Сливняк, криво улыбнулся:

– Идёмте, всё в порядке.

Дива оглянулась, никого не увидела, но отступать было уже поздно, надо было играть роль до конца, и она шагнула вслед за провожатым в вестибюль ветлечебницы.

Гостей проводила внимательным взглядом сурового вида женщина за стойкой приёмной.

Окунувшись в насыщенный запахами животных и медицинской химии воздух, Дива двинулась в глубь здания, стараясь не дышать глубоко. Ароматы ветеринарной больницы ей никогда не нравились, ещё с той поры, как она с подружкой носила по врачам заболевшего кота Прошку.

Остановились у двери с табличкой «Сенин Б. Б.».

Сливняк достал ключ, повозился с замком, рывком распахнул дверь.

– Прошу.

– За вами, – вежливо улыбнулась Дива, сдерживая желание повернуться и бежать отсюда со всех ног.

Помощник Турчанова ослабил, шаркнул ногой, вошёл в кабинет главврача лечебницы.

Дива шагнула за ним, приостановилась, услышав тихий писк и почуяв дрожь айкома. Коснулась сенсора на браслете айкома:

– Да?

– Уходи отсюда! – вонзился в ухо шёпот: звонил один из оперативников Тараса. – Быстро!

– Что слу... – начала она.

Голос телохранителя прервался кашлем, смолк.

Дива подняла голову, увидела торжествующую ухмылку на вывернутых губах Сливняка, почувствовала укол в шею, и пол кабинета ринулся ей в лицо.

Глава 8

Пересечение интересов

Они собрались в том же составе и в том же помещении, в Центральной церкви христиан-баптистов. Не было только митрополита Слободана, занятого подготовкой саммита UnUn в Лавре.

– Говори, – сказал Турчанов, мрачный вид которого отбивал у каждого, кто с ним разговаривал, желание пошутить или улыбнуться.

– Чего говорить, – пожал плечами Сливняк. – Её сейчас приведут, она сама всё расскажет.

– Как прошло задержание?

Помощник расплылся в самодовольной улыбке:

– Как по маслу. С ней было два телохрана, с ними пришлось повозиться. У обоих были нейтрализаторы МКН, сопротивлялись они яростно, трёх наших хлопцев поломали, началась стрельба.

– Допросили?

– «Двухсотые» на вопросы не отвечают, – ухмыльнулся Сливняк.

– Надо было брать живыми. Документы при них нашли?

– Никаких, профессионалы.

– Русская разведка, – со знанием дела проворчал Заливайченко, не раз сталкивающийся с противником и знавший его кондиции. – Дилетантов не держит. Удивительно, что они попались в западню.

– Вы же задерживали их шпионов, – прищурился Овценюк. – Помню, каждую неделю в прессе вой поднимался по поводу поимки «русских диверсантов».

– Надо же было поднимать дух у наших парней? – усмехнулся Заливайченко. – На самом деле ловили наёмников, да и то не всегда, чаще подсовывали дезу, покупая «добровольные признания».

У Сливняка крикнул айфон.

– Ведите, – ответил он абоненту.

Через минуту в помещение двое рослых парней в чёрных сутанах ввели задержанную в зоопарке женщину, пытавшуюся завербовать Сливняка. Лицо у неё было бледное, под глазами пролегли тени, однако «русская шпионка» была так красива, что проняло даже Турчанова.

– Снимите с неё наручники.

Конвоиры повиновались. Один из них подал Сливняку пакет, в котором лежали личные вещи пленницы.

– Это всё? – спросил он.

– Всё, – кивнул монах.

– Оружие? – спросил Заливайченко.

– Нема.

– Телефон?

– Есть, но он кодирован, не включается.

Заливайченко порылся в пакете, раскрыл паспорт, прочитал брезгливо:

– Аверченко Клара Кирилловна, украинка тысяча девятьсот девяностого года рождения. Неужели правда?

– Проверьте, – насмешливо посоветовала пленница, разглядывая иерархов Союза Неизвестных красивыми дерзкими глазами. – Вот, значит, с кем я имею дело? Украинский UnUn.

– А мы с кем имеем дело, позвольте узнать? – поинтересовался Турчанов.

– В паспорте написано.

– А выговор у вас смоленский.

– Папа оттуда.

– У неё псевдо – Сигма, – сказал Сливняк. – Я вообще удивляюсь, как она вышла на меня.

– Расскажите? – посмотрел на пленницу Заливайченко, потрянув роскошным чубом; виски у него были подбриты, и взбитые в чуб волосы поднимались над его длинноцефальной головой, как девятый вал.

– Адвоката вы мне, конечно, не предоставите?

– Зачем он вам? – усмехнулся Овценюк. – Вы же не украинка, хотя и разговариваете по-украински, вы русская шпионка, вам никакой адвокат не поможет.

– В таком случае не затрудняйте себя беседой со мной.

Сидевшие за столом мужчины переглянулись.

– Мы не собираемся вас пытаться, – сказал Турчанов. – Вы сами расскажете, добровольно, с какой целью прибыли в Киев и пытались завербовать Константина Львовича.

– Вы уверены?

– Существует много способов развязать язык человеку без применения особых процедур, – важно заметил Заливайченко. –

Это я вам как профессионал говорю. У нас есть МКН, знаете, что это такое?

– Мужской клуб наркоманов? – с прежней иронией проговорила «Клара Аверченко».

– Хуже, зонды из нанороботов, внедряемые вам в мозги. Они легко заставят вас говорить. – Заливайченко изобразил улыбку. – И не только говорить.

– Хотелось бы проверить.

Лица мужчин, взглядами дружно раздевающих пленницу, отразили разнообразные эмоции, от удивления и недоверия до возмущения и раздражения.

– Она издевается над нами! – скривил губы Сливняк.

– Панове, а почему бы и в самом деле не испытать на ней американську психотехнику? – поднял брови Овценюк. – Что мы теряем?

– Она сломается, – пожал плечами Заливайченко.

– Да и хрен с ней, вам её жалко? В любом случае нам пришлось бы от неё избавляться, а так мы без хлопот узнаем, на кого она работает, и остальные подробности.

Трое посмотрели на одного.

Турчанов провёл ладонью по своей седой «свиной щетине» на щеке.

– Мадам, вы всё ещё не хотите рассказать нам цель вашей миссии и кто вас послал?

– Не хочу, – с насмешливой строптивостью качнула головой «Клара Аверченко».

– Вы понимаете, какие будут последствия? Мы мирные люди, но...

– О да, знаю, – рассмеялась пленница. – Ведь это не вы отдали приказ начать войну с жителями Донбасса? Не вы приказали стереть с лица земли Донецк, Луганск и другие города Новороссии? Не вы командовали нацистами, насилующими женщин и убивающими стариков и детей? О, вы очень мирные люди!

Блеклые глаза Турчанова сверкнули по-волчьи, блинообразное щетинистое лицо стало ещё угрюмее:

– Это *наша* страна, и мы что хотим на ней, то и делаем! Не вам, кацапам, учить нас жить! Вы в своей Росиянии тоже постреляли немало мирного народу!

– Лжёте, пастор! И знаете, что лжёте! Народы наши суть один народ, но мы и вы – разные люди! Да и люди ли вы – вопрос. Думаю, вы прямые потомки Блаттоптера! Иначе не натворили бы столько бед для своего народа и не поддались бы пентагоновским поводьям!

– Ага! – ошеломлённо откинулся на спинку кресла Овценюк. – Так вы знаете?! – Он повернулся к Турчанову. – Святейший, она знает о предках! Уверен, она из российского UnUn!

– Какая догадливость! – саркастически хмыкнула пленница.

– Говорите, кто вы! – потребовал Турчанов.

– Сигма.

– Сучка москальская! – взорвался Заливайченко. – Кость, зови своих спецов.

Сливняк посмотрел на анарха.

Турчанов помедлил, разглядывая «Клару Аверченко», кивнул.

– Нечего с ней церемониться, – пробурчал Овценюк как заклинание, не сводя масляных глаз с высокой груди пленницы. – Зло надо искоренять!

– С этим я согласна, – усмехнулась «Клара». – С той лишь разницей, что именно вы являетесь носителями зла, хотя и обвиняете других. Как же надо умудриться промыть вам головы, чтобы вы каждую минуту разговаривали идеологическими клише!

– Это вам промыли мозги... – начал бывший вицепремьер обиженным тоном.

Турчанов поднял руку, прерывая его, проговорил с философским высокомерием:

– Одно и то же зло исходит либо от Бога, который испытывает нас, либо от дьявола, который нас искушает^[11].

– О да, чувствуется, что вы пастор, – иронически поклонилась анарху «Клара». – Умеете убеждать тупую паству сладкими проповедями. Но не льстите себе, вы не посредник между людьми и Богом, вы посредник между людьми и дьяволом! О вас очень метко выразился один российский правительственный чиновник: «Редкая гнида заведовала в восьмидесятых годах Днепропетровским обкомом комсомола!» Так что не читайте мне свои гнилые проповеди, делайте своё грязное дело.

Заливайченко вскочил:

– На кол её!

– Сядь, – угрюмо приказал Турчанов, оставаясь спокойным. Пробить его самомнение можно было разве что из гранатомёта.

В комнату вошли двое: толстяк в синем халате, нёсший небольшой серебристый чемоданчик, и баскетбольного роста парень в камуфляже, тоже с чемоданчиком, но чёрного цвета.

– Вот и вивисекторы прибыли, – сделалась задумчивой пленница. – А вы утверждаете: вы мирные люди... вы палачи, господа!

Вошедшие раскрыли свои чемоданчики. Один выдвинул изнутри экранчик с клавиатурой, в другом оказалась сложная конструкция из чешуй, трубок и зеркал. Парень в камуфляже вынул из неё нечто вроде заправочного пистолета в миниатюре, пощёлкал клавишами небольшого пульта на выдвижной консоли.

Его спутник в халате включил компьютер, вытащил решёточки антенн, прошёлся толстыми пальцами по клавиатуре.

Пленница с любопытством, но без страха, наблюдала за ними, склонив голову к плечу. Прокомментировала с гримаской:

– Мэйд ин Штаты, господа? Своего-то у вас и нет ничего?

Толстяк посмотрел на Турчанова:

– Мы готовы.

– Работайте.

В следующий момент пленница замерла, широко раскрыла глаза и мягко опустилась на пол помещения, теряя сознание.

Сидевшие за столом иерархи привстали, с недоверием глядя на женщину. Вызванные Сливняком операторы наноконтекста переглянулись, толстяк подошёл к пленнице, нагнулся к ней, прикладывая пальцы к шее.

– Что это с ней? – удивлённо спросил Сливняк.

– Она решила поиграть в женские игры, – хрюкнул Овценюк.

– Не дышит! – выпрямился толстяк. – Сердце, кажись, не бьётся.

Турчанов обошёл стол, наклонился над «Кларой».

– Врача, быстро! Откачайте её! Она наш единственный свидетель, связанный с российским UnUn!

Сливняк и Овценюк взялись за мобильники.

Толстяк начал массировать грудь упавшей, парень в камуфляже встал на колени, попытался сделать ей искусственное дыхание.

– Какого чёрта?! – пришёл в себя Заливайченко. – С чего это она отключилась? Приняла яд, что ли?

– Русские иерархи умеют программировать своих боевиков на самоликвид, – пробурчал Турчанов. – Ты ведь многих допрашивал, должен знать.

– Такого на моей памяти не было.

У Турчанова вякнул телефон. Он достал смартфон, поднёс к уху:

– Ну?

– Добрый день, Парфён Иудович, – раздался в трубке голос Дубинина. – Я знаю, вы сейчас допрашиваете эмиссара инфарха и готовы пойти на крайние меры, так вот, не переходите черту. Госпожа Соболева послужит гарантом безопасности для нас и для нашего мероприятия.

– Кто?! – не сразу очнулся от шокирующей новости Турчанов. – Соболева?

– Совершенно верно, родная дочь инфарха и его посланник. С её помощью мы получим недостающие Вещи для инициации «сорока», и она же не позволит «чистильщикам» атаковать нас.

– «Чистильщикам»?

– Разве вам неизвестно, что в России снова активизировался «Стопкрим», то есть «чистилище»? Его опера уже в Киеве.

– Вы... шутите...

– Ни в коем разе, пан Турчанов, я готов помочь вам ликвидировать помеху, а вы не трогайте Соболеву, мы обменяем её на Вещи и спокойствие, да и инфарх вам не простит, если с ней что-нибудь случится. Договорились?

– Откуда вы знаете... что она у нас?

Трубка издала смешок:

– Я даже знаю, что вы хотели передать пленницу своим паханам-американцам в качестве, так сказать, жеста доброй воли. Не делайте этого, будет только хуже. Резиденты инфарха из-под земли вас достанут, никакой американский спецназ не поможет. Всего доброго. Позвоните мне, как только обдумаете моё предложение.

В трубке загудело.

Турчанов подержал её несколько секунд, опустил руку с телефоном, встретил вопросительный взгляд Заливайченко.

– Кто? – спросил бывший директор СБУ, внезапно бледнея.

– Русский анарх... – Турчанов тряхнул головой. – Откуда он знает, что пленница у нас?

– Я... не знаю... – Глаза Заливайченко вильнули. – Не может быть... никто из моих хлопцев...

– Ты сдал! – вскочил Овценюк. – Ты давно с американцами сотрудничаешь! Парфён Иудович, точно он слил инфу, падаль!

– Сам ты шакал! – взорвался Заливайченко. – Сам им служишь!

Турчанов остановил обоих, подняв руку:

– Заткнитесь! Кость, где врачи?

– Будут через десять минут, – дрожащими губами ответил побледневший Сливняк.

* * *

Советом Дубинина Турчанов пренебрёг.

Пленницу удалось откачать, она не умерла, хотя и осталась лежать без сознания. Турчанов же, после того как дочь инфарха поместили в хорошо охраняемый военный госпиталь Министерства обороны, позвонил Кэтрин Блохшильд и доложил о прошедших событиях, в том числе о предупреждении российского анарха.

– Хорошо сделали, уважаемый сэр, – сказала анарх США голосом школьного учителя, хвалившего ученика. – Вы достойны поощрения. Как только она придёт в себя, доставьте её в подземелье с Великими Вещами. Ещё раз распространите легенду о местонахождении коллекции артефактов в замке Акарин, это собьёт с толку многих искателей Вещей и направит их по ложному следу.

– Будет сделано, дорогая мисс Блохшильд. Что мне ответить господину Дубинину?

– Что дочь инфарха останется у вас. Поблагодарите его за совет и поддержку.

– И всё?

– Пока больше ничего. После Схода и удачной активации «сорока» мы решим, что с ним делать.

– Как прикажете.

– Всего хорошего. – Кэтрин Блохшильд выключила канал.

Турчанов поскрёб щетину на скуле, соображая, почудилась ему насмешка в голосе американки или нет, и вызвал Сливняка.

– Сигму... э-э, Соболеву отправьте в МИР с артефактами. К ночи она должна быть там.

- Ей потребуется сиделка... и охрана.
- Позаботься.
- Но они не должны знать о существовании подземелья...
- Уберёшь после Схода.
- Слушаюсь. – Сливняк попятился к двери кабинета.
- Ослабь охрану подземелья под Дальними пещерами, – добавил анарх. – Поставь самых неопытных охранников.
- Будет сделано. – Помощник с поклоном вышел. Он не знал, что его ждёт в будущем, но, как и всякий недалёкий человек, верил в могущество своего господина.

Глава 9

Последняя ошибка

Стас напомнил о себе поздно вечером:

– Ты ещё не раздумал отказаться от своего слова?

Матвей, только что закончивший сеанс «просвечивания» Дальних пещер Лавры и собравшийся ложиться спать, почувствовал приступ бессильного бешенства. Он уточнил местонахождение МИРа Акарин и готов был идти в поход за Великими Вещами, но данное брату слово превращало его в заложника собственных обещаний. И забрать их обратно он не мог.

– Нет...

– Я нашёл точные координаты спуска в МИР.

– Ты?! – не поверил Матвей.

– Был вариант узнать местонахождение акаринского замка у американского анарха, и я им воспользовался. Ты тоже нашёл, я полагаю?

– Ну-у...

– Только не бреши, я же чую.

– Нашёл.

– Где?

– А ты где?

– Под Дальними пещерами. Вход через келью старца Феодосия. Правильно?

Имя монаха, из кельи которого и в самом деле начинался спуск в пещеру с МИРом Акарин, Матвей не помнил, но совпадений в таком деле быть не могло, Стас действительно каким-то образом узнал о существовании под Дальними пещерами Лавры сооружения древних инсектов.

– Не знаю.

– Я знаю, правильно. Предлагаю воспользоваться моментом, спуститься в МИР и попытаться активировать Великие Вещи.

– Разве это возможно? Нас всего двое...

– Вещи уже начали слушаться тебя, судя по Эскулапу, если напрячься – они заработают, одна за другой. И мы уничтожим всю эту

поганую свору бывших колдунов и магов, управляющих человечеством.

Матвей сжал зубы:

– Один... я... не пойду!

– Боишься? – хмыкнул Стас.

– Мы провалим операцию, нужны ещё реципиенты...

– Ты справишься!

– Это авантюра, я не могу рисковать такими вещами.

– В таком случае слушай сюда, братец. Диву захватила камарилья украинского анарха Турчанова, она сейчас находится в госпитале Министерства обороны, откуда её ночью перевезут в подземелье с МИРом Акарин.

В голове зазвенело, как от пощёчины.

– Диву... захватили?!

– Глухой?

– Не может быть...

– Попробуй связаться с ней через астрал, или как там называется эта штуковина, по пси-каналу, у тебя может получиться, и звони. – Стас отсоединился.

Матвей не сразу вышел из ступора, порождённого известием о пленении Дивы. Начал было анализировать тон, каким говорил с ним брат, но отбросил сомнения, осознав, что Стас в такой ситуации не стал бы шутить. Напился холодной воды из бара, занял кресло, сосредоточился на энергорезонансе.

Зона восприятия привычно расширилась, охватывая не только номер гостиницы, само здание и её окружение, но и реку, правобережье, здания на другом берегу. Зона стремительно расширялась, к ней начали присоединяться призрачные овалы и стреловидные контуры – вышки теле- и радиотрансляторов, генераторы и мощные заводские электроподстанции.

Матвей увидел чёрную паутину ходов под зданиями города, напоминавшую своеобразную грибницу, опутавшую всё подземное хозяйство Киева. Стали видны подземелья Лавры, подвалы и галереи, клочки черноты в горном основании – кельи и церквушки. Смутно проявилась бесформенная пустота, пронизанная горкой тлеющих углей; это был МИР Клещей разумных, вдруг раскрывший свои объёмы пси-взгляду человека.

«Дива!» – позвал Матвей.

Весь призрачный психолевой массив Киева содрогнулся, покрываясь искрящейся морозной пылью. Но звездочка ауры любимой не просияла в хаосе излучений города, не протянула к нему лучик ментального ответа.

«Дива-а-а!»

Ещё одно содрогание светящихся и чёрных паутин, ещё одна вспышка звёздной сыпи.

«Дива!» – в третий раз бросил он клич в пространство, напрягаясь до боли в сердце.

Она не ответила. И хотя это вовсе не означало, что женщина мертва, скорее – находится без сознания или заблокирована в застенках украинского анарха, имеющих специальную полевую защиту, Матвей на миг испытал такую тоску, что едва не закричал от горя и боли.

Дива-а-а...

Зазвонил телефон.

Рука с трудом нашла браслет айкома на кровати.

– Алё...

– Нашёл? – раздался в ухе голос Стаса.

– Нет.

– Собирайся, поедem в Лавру.

– Ночью?! Зачем?

– А ты хочешь дожидаться прибытия американского спецназа? Турчанов дурак, решивший перехитрить всех. Он сейчас перевезёт Соболеву в Лавру и попытается соблазнить нашего анарха спуститься в МИР, имея козырь на руках – дочь инфарха. Мы их опередим.

– Но... ты уверен... что Диву отправят в Лавру? Именно в МИР Акарин?

– Абсолютно! Один из бодигардов Турчанова сотрудничает с нами. Собирайся.

– Как мы проникнем на территорию Лавры? Она же охраняется.

– Конечно, охраняется, только нас никто не ждёт – это раз, и два – охрану Лавры доверили не операм американского UnUn, а вертухаям-монахам Турчанова, вряд ли натренированным по высшему разряду. Воспользуемся этим моментом. Да и ты выйдешь на режим. – Стас помолчал. – Я надеюсь.

Дым отчаяния, заполнивший голову, начал таять.

– А если мы не сможем... освободить?

– Ты будешь дело делать или рассуждать? – со злобной насмешливостью осведомился Стас. – Боишься – сиди на печи, как Илья Муромец, попивай медовуху, жди, пока тебя калики перехожие богатырём сделают. Будешь радоваться жизни и ходить без костылей. Решай.

– Я... собираюсь.

– Тогда жду тебя внизу под Лаврой, на набережной, через час. – Стас отключил телефон.

Несколько секунд Матвей сидел оглушённый свалившейся на душу новостью, ничего не соображая, пытаюсь понять, что делает не так, потом перед глазами соткалось призрачное лицо Дивы с горькой складочкой губ, он очнулся и начал действовать, отбросив прочь сомнения в правильности реакции на поступивший вызов.

Из такси на Набережном шоссе, напротив подъёма к Лавре, он высадился в половине первого ночи.

Фонари горели через один, освещая набережную, редкие автомобили и заросли на крутом горбу горы, а также шеренгу кустарника, за которой начинался подъём.

Стас появился, как чёртик из коробки, возникнув из темноты за стеклянной будочкой автобусной остановки. Матвей, настроенный на поиски Дивы, увидел его в последний момент, испытал приступ досады.

– Игрушки взял? – спросил Стас.

– Какие игрушки? – не сразу понял Матвей. – А-а... взял.

Речь шла о Великих Вещах, уместившихся в карманах куртки.

– Иди в тенёчек, подождём возвращения.

– Мы не одни? – насторожился Матвей.

– Я послал ребят разыскать подходы к Лавре. Если внешние крепостные стены периметра контролируются телекамерами, пройти на территорию будет сложно.

– Я мог бы посмотреть...

– И тебе работы хватит.

В кустах зашевелилась неясная масса, превратилась в человека, укутанного в бесформенный серый балахон. Стас подошёл к нему, выслушал торопливую речь, поманил Матвея:

– Всё тихо, нам везёт, камер нет. Взберёмся на спуск, тут всего метров двести до стены, и сообразим, как двигаться дальше.

– Ты знаешь Лавру?

– У нас есть проводник.

Послышался тихий свист. Вслед за исчезнувшим в кустах балахоном появился ещё один такой же.

– Йдіть за мною.

Стас нырнул в кусты.

Матвей перешёл на «интегральное» зрение, раздвинувшее границы систем видения и чувствования. В местности он не ориентировался, не будучи жителем Киева, но стал видеть все тропки и камни днепровской кручи, поднимавшейся к стенам монастырского комплекса.

Действительно, подниматься вверх по зарослям лещины, вереска и винограда пришлось недолго. Вышли к дороге, которую проводники называли Днепровским узвизом.

– Як підемо? – спросил один из них ломким баском. – Можемо через церкву Богоматері і наліво.

– Нам нужно пройти по галерее к церкви Феодосия.

– Тоді краще йти від нижнього входу, він ближче, – предложил второй проводник; голос у него был сипловатый, прокуренный.

– Нижній охороняється, краще через верхній, через Аннозачатіївську церкву.

Проводники заспорили.

– Перелезть через стену напротив верхнего входа можно? – спросил Стас.

– Тамо стіна метрів п'ять заввишки.

– Это не проблема. Обследуйте стену. – Стас повозился с планшетом, развернув наручный компьютер. – Ждём пару минут. Капитан, попробуй оценить участок стены за дорогой. Ночью дроны вряд ли станут посылать над Лаврой, но лазеры и телекамеры могут включить на территории запросто.

Матвей послушно направил «луч биолокатора» на видневшуюся за дорогой стену, сложенную из обожжённых глиняных кирпичей и украшенную «кремлёвскими» зубцами. Стена потеряла плотность и твёрдость камня, стала зыбкой, расслоилась на полупрозрачные колонны и горизонтальные блоки. За ней проступили контуры строений, в основном одно- и двухэтажных, с островерхими крышами и колоколенками. Большинство из них давилось ночной темнотой, у двух – снаружи и внутри – бродили слабые облачка искр и светящиеся клочки тумана.

– Везде тихо... метров в пятидесяти, справа – вижу движение.

– Это наверно вход в Аннозачатьевскую церковь, нам туда. Много народу видишь?

Матвей посчитал:

– Человек пять.

– Прорвёмся. Стена просматривается?

Матвей сосредоточился на монастырской стене:

– Ничего не вижу...

– Значит, эти идиоты не позаботились о контроле периметра, это хорошо. Не понимаю только, почему там мало охраны у церкви. Может, в самом лабиринте спрятан гарнизон, в засаде?

Матвей снова напрягся, изучая подземный ход, ведущий от церкви к подземным церквушкам и кельям.

– Люди есть... но мало... вижу двоих.

– Начинаем, нет смысла ждать, пока охрана не усилится.

Перебежали не освещённую фонарями дорогу, поднялись к стене, древняя кладка которой, простояв сотни лет, и по сей день сохранила прочность и геометрический рисунок, хотя щели между блоками кое-где увеличились, а сами кирпичи покрылись щербинами.

Объявились проводники.

– Лезьте на стену, – велел им Стас. – Мы за вами.

Монахи, или кто они там были на самом деле, достали из заплечных котомок мотки верёвок с крючьями, закинули их на не слишком высокую стену, ловко полезли вверх. Подали сигнал через пару минут.

– Взберёшься? – спросил Стас.

Матвей молча взялся за конец верёвки. Память сохранила навыки прохождения полосы препятствий в учебке, а тело способно было выдержать и не такую нагрузку.

Взобрался он на стену быстрее, чем брат.

Верх стены был достаточно широк, чтобы на нём можно было устроиться с комфортом – между зубцами – и отдохнуть.

Матвей ещё раз внимательно изучил дорожки между строениями Лавры, покрытые плитами или булыжником, заросли деревьев и кустов, дал знак спускаться.

Все четверо бесшумно спустились к подножию стены, оставили верёвки висеть, предполагая вернуться тем же путём. Перебежками двинулись по дорожкам к единственному освещённому объекту этой

части Лавры – небольшой трёхкупольной церквушке, стены которой, окрашенные в белый цвет, были укреплены контрфорсами.

Фонарь неподалёку от прямоугольного притвора церкви, примыкающего к центральному строению с высоким позолоченным куполом, светил тускло, но всё же его света хватало, чтобы рассмотреть большие полуциркульные окна притвора и самой церкви, позолоченные купола, апсиды под куполами, башни, восьмигранный барабан самой церкви и двух мужчин в чёрных рясах, прохаживающихся вдоль ступенек входа в притвор, накрытого резным металлическим полукруглым навесом.

– Что видишь? – прошептал Стас.

– Двое, – так же тихо ответил Матвей. – Внутри ещё трое.

– Вооружены?

– Похоже...

Стас пошушукался с проводниками, и те, спрятав руки в складках серых плащей и накинув капюшоны на головы, двинулись через площадь к церкви.

– Приготовься! – выдохнул Стас.

Матвей не ответил, он был давно готов.

Парни Стаса приблизились к переставшим разговаривать монахам в рясах.

– Якого диавола?! – начал один из них.

– Гей, ви що тут робите? – окликнул посланцев Стаса второй.

– Перевірка, – угрюмо ответил проводник. – Наказ проконтролювати, чим ви займаєтесь.

Монахи в рясах переглянулись, один вытащил мобильник, второй шагнул к проводникам.

– Нас ніхто не попереджував, зупинись!

– Щас, тільки портки натягнемо, – насмешливо проговорил проводник по имени Арсений, продолжая идти.

Монах сунул руку под рясу, и проводники дружно бросились к нему и его спутнику. Завязалась драка.

Стас в три прыжка достиг дерущихся, не предлагая Матвею следовать за ним. Раздались хлесткие удары, вскрики, и монахи легли на плиты тротуара у крыльца притвора церкви.

– За мной! – махнул рукой Стас, распахивая двустворчатую дубовую дверь притвора.

За ним бросились проводники и Матвей.

Аннозачатьевская церковь, возведённая на территории Лавры в семнадцатом веке на пожертвования жителя Печерского местечка Александра Новицкого и восстановленная в восемнадцатом, была не слишком помпезной и ничем не отличалась от других древних церквей того времени, что в Украине, что в России. Разве что отреставрирована была сравнительно недавно, в начале двадцать первого века, и её притвор – пристройка прямоугольной формы, освещённый лампами паникадила, – сверкал свежими красками росписей стен и свода. Притвор был пристыкован к церкви позже и по площади превосходил её втрое. Но в сам зал церкви, где располагались иконостас, аналой и алтарь, бежать не было нужды. Спуск в подземный ход, ведущий к Дальним пещерам, начинался в притворе, отмеченный поручнями лестницы.

Монахи, охранявшие вход в подземную галерею, а может быть, и не монахи вовсе, но все в чёрных рясах, отреагировали на атаку Стаса запоздало. Да и вооружены были слабо, лишь у одного оказался пистолет, который он так и не успел применить.

Пока проводники Стаса дрались с мощного сложения мужчинами, он с одного удара уложил своего противника и помог им справиться с монахами. Матвею даже не пришлось вмешиваться в схватку.

– Тащите сюда тех, снаружи!

Проводники исчезли, одного за другим приволокли в притвор двоих внешних охранников церкви.

– Свяжите! Лихой остаётся здесь, Арсений со мной. Веди!

Парень в сером, названный Арсением, бросился к металлическому поручню лестницы в дальнем углу помещения.

Начали спускаться по металлическим ступеням узкой и крутой лестницы, пока не оказались в коридоре, пол которого был устлан чугунными плитами.

К счастью, ход освещался лампочками в решетчатых колпачках, упрятанных в потолок, сюда было подведено электричество, и фонари не понадобились.

Стас вытащил пистолет; до этого он оружием не пользовался.

– Далеко идти?

– Метров сто, – ответил Арсений, оказавшийся после того, как он откинул капюшон, монахом средних лет с хорошо ухоженной бородкой и усами.

– Бегом!

Побежали на цыпочках, стараясь не производить шума.

Матвей всё это время пытался уловить отклик ауры Дивы, почувствовал раздражающую душу неуверенность. Догнал Стаса.

– Я её не чую...

– Она уже здесь, клянусь! – сказал брат, дыша на бегу глубоко и ровно. – МИР заблокирован непроглядом, поэтому ты её не видишь.

– Непрогляд не работает.

– Как магический эффлектор – да, не функционирует, как энергоинформационное зеркало, подпитываемое древними генераторами, работает.

– Какими генераторами?

– Хранители – особая каста Внутреннего Круга, это не простые охранники МИРов, это люди с опытом и большими связями, использующие самые современные технологии защиты объектов.

– Что-то я не заметил особых технологий в Крыму и на Кипре. Да и в Москве тоже.

– Не все Хранители относятся к своим обязанностям качественно. Пока мы идём, посмотри получше, не прячется ли кто в кельях, ты должен почувствовать засаду.

– Не чую.

– Напрягись, ты не простой смертный, ты избранный.

– Ага, родной брат Нео, – съязвил Матвей, вспомнив фильм «Матрица».

– С той разницей, что воюем мы не с машинами.

Матвей перестал отвлекаться, *вспыхнул* как прожектор, просвечивая толщу пород вокруг на десятки метров. Но подсознание не отметило поблизости каких-то глобальных препятствий и человеческих аур. Мелькали по сторонам коридора ниши – аркосолии, выдолбленные в стенах пещерных ходов, внутри которых стояли раки – ларцы из кипариса и дуба с мощами святых, погребальные локулы, вмурованные в стены окошки затворников, карнизы, арки, выступы, орнаменты и фрески, но людей нигде видно не было. И хотя давно наступила ночь и никто сюда не должен был спускаться, Матвеем снова овладело смутное недовольство замыслом и его исполнением. По его рассуждению, вход в МИР с коллекцией Великих Вещей должен был охраняться серьёзнее.

Ход раздвоился. Свернули в тоннельчик налево напротив кельи преподобного Моисея чудотворца, как гласила латунная табличка возле

ниши. Миновали кельи Нестора некнижного и святителя Филарета. Задержались у подземной церквушки Филарета, чтобы отдышаться и прислушаться к тишине подземелья.

Какая-то призрачная вуаль мелькнула перед глазами Матвея на фоне стен, изломов коридора и арок.

– Там... человек! – прошептал он, указывая на ход, огибающий полость церквушки.

– Один? – уточнил Стас, показав палец.

Матвей кивнул.

Стас тенью скользнул в темноту хода, единственного неосвещённого, как остальные.

Какое-то время ничего не было слышно. Потом один за другим хлопнули два выстрела, негромкие, задавленные толщиной камня и коленами коридора. Спустя несколько секунд появился Стас.

– Чисто.

Проводник протиснулся мимо него, шмыгнул в проход, включая фонарь.

Стас и Матвей последовали за ним.

Перед нишей, за которой угадывался вход в келью преподобного старца Феодосия, лежало тело монаха в чёрной рясе.

Матвей остановился.

– Не бери в голову, – подтолкнул его в спину Стас. – У него под рясой пистолет-пулемёт. Если бы он открыл огонь, от нас остались бы рожки да ножки. Это гвардеец украинского анарха.

Арсений скрылся в келье.

– Откуда он знает о МИРе? – Матвей мотнул головой на скрывшегося в нише проводника.

– Он не знает о МИРе, но осведомлён, что здесь начинается ход в нижние уровни пещер, о которых имеют представление только слуги Хранителя.

В нише мелькнул отблеск фонаря, появился проводник.

– Одному мне не поднять.

Стас молча отодвинул монаха, включил свой фонарь, шагнул в келью. За ним туда же втиснулись спутники.

Келья была маленькой, три на три метра площадью, высотой около двух с половиной метров, поэтому в ней можно было стоять не сгибаясь. Она имела два выступа по обеим сторонам прохода. Один олицетворял собой лежак, второй выступ – стол. Стены кельи были

оштукатурены, хотя слой штукатурки не скрывал грубых рубцов и ложбин, проделанных кирками в незапамятные времена. В трёх стенных нишах стояли какие-то сосуды, а в самой большой – икона с изображением старца, подсвечник и человеческий череп на подставке, иссохший, но чистый, отблескивающий металлом. Пыль с него стирали регулярно.

Мощи Феодосия находились в церкви его имени, поэтому келья была пустой, пропитанной запахами ладана.

В центре помещения между выступами был виден квадрат люка, с которого проводник снял жёлтую циновку крупного плетения.

– Посмотри, – посторонился Стас.

Матвей послушно «просветил» келью, стены, люк, увидел узкую трубу колодца, уходящую в неведомую толщу горных пород. Мелькнула мысль, что Диву здесь трудно было бы опускаться, если она находилась без сознания, но где-то на грани восприятия – в глубине массива – протаял холмик тлеющих угольков: это отозвалась на его ментальный луч энергоинформационная структура МИРа, – и мысль об отсутствии следов пленницы исчезла.

– Никого... колодец.

– Берёмся!

Взялись за металлическое кольцо, вделанное в крышку люка, с виду сделанную из камня. Однако с первого раза приподнять крышку не удалось. Со второго тоже. Когда и в третий раз объединённых усилий Стаса, Арсения и Матвея не хватило, Стас, отпустив кольцо и промокнув вспотевший лоб платком, качнул головой.

– Должен быть какой-то механизм для отпирания, или замок. Ищите рычаги и дырки.

Проводник начал облизывать пол и стены лучом фонаря.

Матвей сосредоточился на люке, уже имея опыт преодоления подобного рода запоров.

«Биолокатор» не подвёл и на сей раз.

Механизм оказался совсем простым, хотя обнаружить хитрую защёлку, препятствующую подъёму крышки, было непросто. Едва заметная выпуклость практически целиком была упрятана не в плитах пола, а в ступеньке лежака. Стоило вдавить её пальцами в ступеньку, как что-то щёлкнуло, и крышка люка дрогнула. Вцепившийся в кольцо Матвей почти без усилий поднял её.

– Гигант! – постучал его по спине Стас.

Подсвечивая путь фонарями, полезли в темноту колодца по скобам в его стенках, вытертых до блеска ладонями спускающихся. Оставили крышку люка открытой, на всякий случай, чтобы не искать потом способ открыть её по возвращении.

Колодец был вырублен в скале сравнительно недавно, судя по характерным следам отбойного молотка, лет пятнадцать назад. Его проделали скорее всего после битвы инфарха и Конкере, когда земная реальность перестала подчиняться воле Хранителей и всякого магического сброда, в том числе иерархам Внутреннего Круга, квинтэссенцией которого стал Комитет 300.

Хранители не сразу осознали своё положение, и немногие из них остались собственно хранителями древностей, запрятанных в глубинах материков и морей. Те же, кто был верен традиции и служил человечеству верой и правдой, побеспокоились о доступе к модулям иной реальности, созданным древними разумными насекомыми.

Хранитель МИРа Акарин под Киевом был одним из таких мастеров, организовавшим доступ к замку Клещей разумных.

Колодец оказался совсем коротким. Расширив трещину между скалами, он пронзил слой осадочных пород и на глубине двенадцати метров (по оценке Матвея) вошёл в довольно приличных размеров каверну, имевшую естественное происхождение, судя по отсутствию на её стенах следов обработки и разбросанным по полу глыбам камня.

Затем фонари высветили отверстие в полу каверны, и уже по её блестящему, глазурированному краю стало ясно, что шахта – а это было устье шахты – пробита в горе в незапамятные времена с помощью технологий наподобие лазерных или ещё более крутых, с использованием магической нейтрализации молекулярных связей.

– Дальше мы пойдём вдвоём, – сказал Стас проводнику, оглядев шахту, внутри которой когда-то двигался лифт. – Ты останешься.

Арсений заворчал, но Стас остался непреклонен:

– То, что ты увидишь, может стоить тебе жизни. Поднимайся наверх, к Лихому, постерегите спуск снаружи.

Монах, привыкший исполнять повеления старших, с разочарованием полез обратно.

– Поторопимся, – сказал Стас, глянув на часы. – Не сорвёшься? Сил хватит?

Матвей посмотрел в глубь шахты. Скоб в её стенах не было, вернее, не было горизонтальных скоб, зато имелись вертикальные

поручни, уходящие вниз на всю глубину шахты, и, чтобы спуститься, надо было перебирать руками как при спуске по канату.

– Подожди.

Стас оглянулся:

– Устал?

– Нет... я о другом... здесь нет Дивы.

Вопреки ожиданиям Стас не взъерился и не стал иронически шутить.

– Я уже об этом подумал, хотя был уверен, что её отправят сюда. Эта паскуда Кэтрин уверяла меня, что холуи Турчанова по её приказу поместят Соболеву в МИР Акарин.

– Кэтрин? Кто это?

– Американский анарх.

– Женщина?

– Что тут удивительного? Женщины-американки могут дать фору в ненависти к русским и к России любому мужику. Вспомни Кондолизу Райс, Мадлен Олбрайт, Хиллари Клинтон.

– И ты... ей... служишь?!

– Конечно, нет, – усмехнулся Стас. – Я служу человечеству, если ты ещё не понял.

– Отец сказал, что ты служишь себе.

– И себе тоже. Твой отец мудрый человек, но и он способен ошибаться.

– Дивы здесь нет, я возвращаюсь.

– Подожди. – Стас выбрался на пол каверны. – В принципе я могу спуститься туда и один, но без тебя мне там делать нечего. Давай спустимся вместе, убедимся в том, что Вещи находятся там, активируем их и освободим мир от зла.

Матвей сделал движение назад.

Стас ухватил его за рукав куртки:

– Да стой же, упрямец! Если мы добьёмся цели, то и твою красавицу освободим! Одним движением бровей, как говорится! Ты сам это сделаешь, используя силу всех сорока Вещей! Как волевой оператор. Подумай!

Матвей остановился в нерешительности...

Глава 10

Вихри враждебные веют над нами

Обсуждение плана действий со всеми представителями боевых групп затянулось чуть ли не до утра.

Разъехались по гостиницам и квартирам в начале пятого, обнаружив, что Киев и в эти ночные часы не спит; потоки машин в центре города уменьшились ненамного по сравнению с дневными часами.

Синельников отправился за город, где жил у родственников и где тренировались бойцы его команды.

Прилетевший недавно Парамонов спустился к площади Свободы в сопровождении Галины Вересневой, работающей в русской дипломатической миссии и готовившей многие документы для «чистильщиков». Он остановился на постой у неё.

Вениамин Соколов отправился «на хазу» (как он выразился) в деревне Малые Гуляки, где был расквартирован его отряд.

Котов и Самандар поехали на такси через весь город – совещались в одном из малых залов киевской консерватории – к себе в гостиницу.

По дороге молчали. Всё было обговорено, намечены места высадки групп возле Лавры, определены запасные варианты операции, и если что и грызло душу Василия Никифоровича, то это отсутствие Матвея. Он позвонил ночью, когда ещё не было двенадцати, сообщил, что собирается ложиться спать, и с тех пор не выходил на связь. Василий Никифорович звонил ему трижды, однако ни разу сын не ответил. Возможно, он действительно уснул, измученный поисками спуска к замку Акарин, забыв телефон в ванной или настроив его на беззвучный профиль, но Василий Никифорович забеспокоился, хотя и не показал виду, когда Самандар спросил, вылезая из такси у гостиницы:

– Решил Матвея не грузить лишний раз?

– Пусть отдыхает, – ответил он. – Общий план операции он знает, подробности я ему сообщу утром.

Стоянка автомобилей у гостиницы была забита машинами с одесскими номерами. Возле них сутились какие-то фигуры,

слышался украинский говор, перебиваемый речью на грузинском и английском языках.

Самандар обратил на это внимание:

– Слышишь? Забугорные гости пожаловали?

Котов не ответил. Ему активно не нравилось молчание сына. И суета возле гостиницы в пять часов утра, а также английская речь только усиливали тревогу. Тем не менее он спросил у администраторши, искусно имитируя польский акцент:

– Для чего замиешание тако? Нова делегация осиедла? Э-э... селиться?

– Из Одессы, – ответила ему молоденькая озабоченная сотрудница ресепшен, изучая какой-то длинный список фамилий.

Поднялись на свой этаж.

– Как ты думаешь, какого хрена тут делают одесситы? – спросил Самандар. – Плюс грузины и англичане?

– Вероятно, для того, чтобы обеспечить охрану мероприятия. Ты знаешь, какого.

– Наверно. – Вахид Тожиевич вставил чип-ключ в замок своего номера. – Когда подъём?

– В семь тридцать, – посмотрел на часы Василий Никифорович.

Самандар скрылся за дверью своей комнаты.

Мысль постучаться к Матвею показалась правильной, однако вторая мысль «сначала принять душ и переодеться» отменила первую.

Уже открывая дверь номера, Василий Никифорович почуял чужого. Мгновенно сконцентрировался на определении степени опасности, привычно прикинул варианты *контакта*... и расслабился. Угрозой в номере не пахло. Тем не менее он приостановился, пытаясь определить местонахождение гостя.

– Тарас?

В номере зажёгся небольшой торшер у кресла, в котором действительно сидел посланец инфарха, когда-то бывший его «правой рукой», одетый в строгий тёмно-серый костюм «для приёмов».

– Проходите, Василий Никифорович.

Котов вошёл в номер, повесил куртку, подал руку привставшему гостю.

– Не ждал вас.

– Мы уже на «вы»? – прищурился Горшин; его серебристая седая шевелюра буквально светилась в полумраке.

– Извини, голова забита другим. Что случилось?

– Зови Вахида Тожиевича, у нас проблема.

Сердце дало сбой.

– Какая?

– Очень серьёзная, увы.

– Матвея звать?

– Вряд ли вы его дозовётесь. Проблема возникла именно у него. – Тарас подумал. – И как следствие – у всех нас.

Василий Никифорович сжал зубы с такой силой, что едва не раскрошил их. Но виду не подал и расспрашивать гостя не стал, позвонил Самандару:

– Зайди.

Через минуту в номер зашёл Вахид Тожиевич, увидел Горшина, поднял брови.

– А мы хотели звонить утром. Мимо проходил или по делу?

– Диву взяли подручные Турчанова и передали американцам.

Комиссары «чистилища» с одинаковым выражением недоверия остановили взгляды на губах Тараса.

– Это ещё не всё, – добавил он. – Стас уговорил Матвея спуститься в МИР Акарин, и они уже там.

Тишина, повисшая в номере, была сродни грозовой.

Самандар попятился, не спуская глаз с Тараса, сел на диван, откашлялся.

– Стас в своём амплуа... мозгов – кот наплакал, зато амбиций – слон наложил. Но и твой сынок, – Самандар посмотрел на Котова, – пошёл вразнос.

– Не пори чепухи, – ровным голосом проговорил Василий Никифорович. – Должна быть какая-то причина, заставившая Матвея пойти на уговоры Стаса.

– Она есть, – кивнул Горшин. – Он не рассказывал? Когда они с Дивой обнаружили в Москве муравьиный МИР, Стас проследил за ними и захватил Соболеву. Пообещал отпустить, если Матвей, будучи в Киеве, согласится с ним реанимировать сорок Вещей, имея при себе три. Матвей не стал рисковать жизнью любимой женщины и дал зарок в Киеве отдать Вещи.

– Откуда ты знаешь такие подробности?

– Дива рассказала.

Котов кинул взгляд на Самандара. Комиссар-2 развёл руками.

– Это уже входит у Матвея в привычку. Он человек слова, и Стас этим пользуется. Хотя ты сам сделал бы то же самое.

– Плохая привычка – делать ошибки, – качнул головой Тарас.

– Кто-то сказал: хорошие привычки продлевают жизнь, а плохие делают её приятней. Но тут другой случай. Что будем делать, рыцари плаща и кинжала? Точнее – без плаща и кинжала. Планы меняются? Надо срочно идти в МИР Акарин и вызволять наших детей.

– Вещи находятся в другом модуле, в замке Робберфилов.

Комиссары заворожённо уставились на Тараса.

– Что ты сказал?! – с недоверием произнёс Самандар.

Василий Никифорович очнулся, прошёл в ванную, плеснул на лицо воды, вернулся в номер.

– Рассказывай всё, что знаешь.

– Подождите, Робберфиловы – это же... – начал Вахид Тожиевич.

– Хищные мухи – ктыри. Их МИР располагается не под Дальними пещерами, а под Ближними, на глубине двухсот метров. Возможно даже, что существует проход между ними. Верховные жрецы Комитета 300, зная, что Вещи ищут все любители острых ощущений, сделали ловкий ход, направив охотников по ложному следу, пустив слухи о МИРе Акарин.

– Это уже второй раз.

– Совершенно верно, если учесть случай с МИРом на Кипре.

– Но ведь Матвей обнаружил Вещи там.

– МИРы стоят недалеко друг от друга – это первое. Спинторсинное поле, излучаемое Вещами, ориентировано таким образом, что даже посвящённым легко спутать их местонахождение. Матвей ещё неопытный экстраоператор, поэтому принял ожидаемое за действительное.

– МИР Акарин охраняется?

– Естественно, хотя и существенно слабее, чем МИР Робберфилов.

– Мы сможем прорваться туда?

– Подожди, – остановил друга Самандар. – Зачем Матвей полез в МИР Акарин, если Дива у американцев?

– Они перевели её из госпиталя в подземелья Лавры.

– Зачем?

– Тут я могу опираться только на догадки. Думаю, чтобы гарантировать передачу недостающих Вещей в обмен на её жизнь.

– Какую роль при этом играет Стас?

– Он сейчас служит американскому анарху... и одновременно тешит себя надеждой уничтожить всю систему Союзов Неизвестных.

– Предатель!

– Я бы так вопрос не ставил. В человеке уживаются бог и дьявол, и побеждает тот, кого человек больше кормит. Стас, к сожалению, не способен слушать советы других и служит не светлым силам.

– Как он рассчитывает справиться с Комитетом?

– Активировав Великие Вещи.

– Но он же не... – Самандар пожевал губами, – не экстрасенс, не волевой оператор.

– Зато Матвей – имаго оператора, который получил этот дар от инфарха. Точнее, этот дар получил ты, – Тарас посмотрел на Котова, – а потом уже передал сыну.

– Матвей сможет активировать Вещи один?

Тарас с усилием потёр лоб ладонью, встал:

– Не знаю. А строить догадки не хочу.

– Насколько я понимаю, – проговорил Вахид Тожиевич, – у вас есть свои источники информации.

– Нынешняя Служба безопасности Украины прогнила насквозь, сверху донизу, американские инструкторы не спасают, а, наоборот, увеличивают зависимость силовых структур от ЦРУ. Найти источник легко.

– Понял. Жаль, что Матвей ничего нам не рассказал перед тем, как пойти на этот безумный шаг.

– Это его испытание, как будущего Архитектора Согласия, и он должен пройти его сам, без подсказок и помощи со стороны. Да и Диве тоже необходимо заявить о себе как о спутнице Архитектора.

– С какой стати?

– Если вы помните, у прежнего инфарха было второе «я» – физически реализованная в образе женщины сущность – Светлана. У Матвея Соболева тоже есть спутница – его жена. И твоему сыну необходима надёжная психоструктура, любимая женщина, которая и делает мужчину человеком.

Самандар собрал морщины на лбу.

– Это значит, что мы не должны вмешиваться в происходящее?

– Я этого не говорил. Не знаю, чем закончится поход Стаса и Матвея в подземелья Лавры, точнее, в МИР Робберфилов, Матвей

должен определить его координаты, но они неминуемо попадут в засаду.

– Что ты предлагаешь?

– Подготовиться к атаке на Лавру. Как только мне станет известно, где находится Дива, начнём операцию.

– А Матвей?

– Он должен будет сам добраться до замка ктырей.

– Но до Схода осталось два дня...

– Боюсь, попытка Матвея и Стаса прорваться в МИР Акарин заставит Комитет действовать с опережением графика, и тогда они соберутся раньше. Как много вам потребуется времени на сбор боевых групп?

– Три-четыре часа, – сказал Самандар. – Так, Никифорович?

Котов молчал, сцепив челюсти, ни одна чётка не дрогнула на его лице, подчёркивая твёрдость характера, но ему в настоящий момент было исключительно тяжело, и собеседники это почувствовали.

– Он справится, – сказал Вахид Тожиевич.

Тарас ободряюще сжал плечо Василия Никифоровича железными пальцами.

Глава 11

Спасибо, что пришёл

«Чистильщик», представившийся Мартином Полански, с которым Ухватов познакомился в Киеве после того, как Лось не сдержал эмоций и едва не убил трёх «правосеков» у стен Бессарабского рынка, позвонил в шесть часов утра. Майор ещё спал.

– Слушаю, Кум, – просипел он в трубку, разлепив глаза.

– Собирайтесь, – раздался в трубке характерный глуховатый голос. – Ситуация изменилась, вы должны быть в Киеве к одиннадцати часам дня.

– Я один? – уточнил Ухватов.

– Вся группа.

Сон слетел с майора лёгким облачком.

– В полном боевом?

– Совершенно верно.

– Задача?

– Узнаете на месте. Вероятнее всего, придётся атаковать монастырский комплекс Лавры, точнее, его подземелья.

– Наконец-то, ребята затосковали без дела.

Мысль, что нападение на известное не только в Украине, но и во всём мире, хорошо защищённое сооружение, по сути – крепость, может закончиться гибелью группы, даже не пришла майору в голову.

– Будем.

– Скрытно и без эксцессов. Вы знаете, какова обстановка. Это не разведка боем.

– Мы привыкли работать скрытно и не оставлять следов.

– Остановитесь в километре от Лавры, лучше всего на территории какого-нибудь парка, и сообщите о прибытии.

– Слушаюсь.

Голос Мартина Полански растаял в шуршании эфира.

Ухватов полежал под одеялом, наслаждаясь тишиной, теплом и покоем, задремал, но расслабиться до конца не смог и, поворочавшись полчаса, встал.

Бойцы ещё спали по разным углам дома Екатерины, кто на полу, на матрасе, кто на диване и на раскладушках.

Сама хозяйка спала на утеплённой веранде, охраняемая братом, который устроился в сенях на стареньком продавленном топчане, принадлежащем ещё деду Екатерины. Впрочем, особо охранять дверь на веранду не требовалось, бойцы группы вели себя вполне прилично и никаких игривых намёков в адрес сестры Шинкаря себе не позволяли.

Хата Екатерины топилась углём и дровами. Газ в Семёновку давно перестали подавать. Ухватов принёс дров, затопил печь-временку, добавил в топку угля, поставил на загнетку кастрюлю с водой.

Готовить Кате на постояльцев помогали все бойцы команды по очереди, в том числе и сам Ухватов, поэтому ничего зазорного в том не было, что он встал раньше всех и занялся кухней.

Через полчаса поднялась хозяйка, выгнала майора с кухни.

– Сама справлюсь, приготовлю яичницу, кашу и чай.

Ухватов не возражал. Разбудил Чука, сообщил ему о получении приказа.

Сержант обрадовался не меньше:

– Я уж думал, так и просидим здесь до Нового года! Только Лавру жалко, красивая обитель, мы всю её территорию изучили по картинкам.

– Никто и не собирается стрелять по церквям.

– А что? Было бы здорово запустить туда всю эту забугорную погань и сбросить на них бомбу! Даже не атомную, хватило бы и «объёмки».

Ухватов в душе согласился с мнением Чука, «объёмкой» называли боеприпас объёмного взрыва, по мощности сравнимый с ядерной бомбой, хотя и не оставляющий радиации. Но майор точно знал, что никто не отдаст приказ уничтожить такой древний православный комплекс, как Лавра. Каким бы червем коррупции ни был источен механизм Министерства обороны России, разрушать памятники старины, как это делали боевики «Исламского государства», оно бы не позволило.

В восемь позавтракали овсяной кашей и яичницей с салом. Сообщили хозяйке о скором убытии. И хотя она не подала виду, Ухватов чувствовал, что женщина вздохнула с облегчением, устав от присутствия в доме восьмерых мужиков.

В девять Ухватов собрал группу в горнице.

– У кого какие соображения, как будем добираться до Киева?

– Можно снова на почтовом драндулете, – предложил Шинкарь. – Поллитрыч не откажет.

– Ещё идеи?

Бойцы начали переглядываться, и в этот момент на улице, напротив дома, остановился пятнистый американский «Хаммер». Возбудились окрестные собаки. Хлопнули дверцы броневедомоцила, из кабины выбрались два пассажира в чёрных мундирах, с бурыми беретами на головах. Первый ударом ноги распахнул калитку, двинулся к дому.

– Михайло! – побледнела Екатерина, выглянув в окно.

Бойцы вскочили со своих мест.

– Кто? – спросил Ухватов, медля принимать решение.

– Муж... бывший...

– Можете спровадить его?

– Попробую. – Екатерина бросилась в сени.

– Исчезли! – скомандовал Ухватов, сгребая посуду со стола в скатерть и зашвыривая узел в ещё не остывшую печь.

Бойцы бросились врассыпную, прячась кто где мог, за печью и по углам спальни.

Послышались голоса, смех, стук, в горницу вошёл плечистый молодой мужик с чёлочкой, выбившейся из-под берета. У него были светлые, почти прозрачные, водяные глаза с шалой искрой и узкие злые губы. По тому, как он себя вёл, было видно, что муж Екатерины пьян. Оглядев горницу, он повернулся к говорившей что-то жене, потянулся к ней.

– Яка ти стала гарна, женушка. Оченята горять! А я скучив, ось заіхав провідати. Нагодуєш чоловіка?

– Ти вже давно не чоловік мене, – отбила его руку Екатерина. – Іди, немає у мене нічого!

– А пахне смаженим сальцем. Та нє кокетуй, я ж по-хорошому. Підемо в спаленку, покувыркатись, тобі ж нічого втрачати, не целка давно. – Михайло снова потянулся к бывшей жене.

Вошёл второй черномундирник, здоровый, белобрысый, с близко посаженными мутноватыми глазами.

– Допомогти, Мишо?

– Спочатку я, потім ти. – Михайло подхватил взвизгнувшую Екатерину на руки, понёс в спальню, не обращая внимания на её сопротивление.

Ухватов понял, что ситуация выходит из-под контроля и добром эта сцена не кончится.

– Аллюр!

Его услышали.

Белобрысый битюг, собравшийся было выйти в сени, с недоумением оглянулся.

Михайло остановился, со злобой встряхнул извивающуюся в его руках женщину.

В горнице бесшумно проявились призраки – бойцы Ухватова.

Лось цапнул белобрысого за руку, рывком развернул лицом к себе, и ребро ладони Зура вбило кадык ему в шею.

Михайло отшвырнул Екатерину, схватился за рукоять пистолета, торчащую из кобуры (чисто по-американски), но ни вытащить оружие, ни тем более выстрелить не успел.

Кир сдавил ему руку на кобуре, а Беда одним ударом в челюсть послал его в нокаут. Кир подхватил тело насильника и мягко опустил на пол.

Наступила тишина.

– Такой редкий козёл, – пробормотал Лось, глядя на бывшего мужа Екатерины бешеными глазами, – а в Красной книге не записан.

Екатерина, вся дрожа, всхлипывая, прижала ко рту ладошку.

– Периметр! – скомандовал Ухватов, кивнув на окно.

Бойцы мгновенно раздели обоих нацгвардейцев (чёрную униформу носили боевики особого карательного батальона), Лось и Чук переоделись и вышли из дома, двигаясь так, чтобы водитель «Хаммера» и пассажиры, если они там были, не увидели лиц обоих.

Но водитель был один, и никаких сюрпризов он не ждал.

Лось, отвернувшись, постучал в дверцу, водитель высунулся, и Чук, открыв дверцу с другой стороны, вытолкнул чернявого громилу в руки Лося. Раздался хруст. Водитель обмяк.

К счастью, по улице деревни в это время никто не шлёлся, и водителя удалось втащить в машину без свидетелей.

– Останься, – сказал Лось, возвращаясь в хату.

– Ну? – осведомился Ухватов, наблюдавший за действиями бойцов в окно.

Лейтенант отвёл глаза:

– Мы малость перестарались.

– Тебя никуда нельзя посылать! – Ухватов осекся, поймав взгляд Екатерины, которую полуобнимал Шинкарь, успокаивающий сестру.

– Всё равно их нельзя... – Лось хотел сказать: нельзя оставлять живыми, но замолчал, увидев свирепый блеск в глазах командира.

Подошёл Шинкарь.

– Что собираетесь делать, парни? Оставлять этих подонков в доме нельзя.

– Увезём, – сказал Ухватов. – Хозяюшка, прости, что нашумели. Мы сейчас уедем, но и вам я бы посоветовал где-нибудь отсидеться пару дней.

– А... они?

Ухватов покосился на тела нацгвардейцев.

– Заберём их с собой, где-нибудь спрячем на время.

– Они потом вернутся, – хмуро покачал головой Шинкарь.

– Подумаем, как решить проблему. Договорились?

Екатерина кивнула.

Тела потерявших сознание черномундирников перенесли в кабину «Хаммера», уложили сзади, выбросив запасной баллон и ящик с автобарахлом. С трудом уместились в кабине броневишка, имевшего всего шесть сидений.

Последним из дома Екатерины вышел Шинкарь, помахал ей рукой, влез на колени сидевшего с краю Зура.

Лось, усевшийся на водительском сиденье, тронул «Хаммер» с места.

Выехали за околицу деревни.

– Ты и в самом деле хочешь этих уродов спрятать где-нибудь? – осведомился Шинкарь.

– Лось, к реке, – сквозь зубы выговорил Ухватов.

В кабине стало тихо. Все понимали, что другого выхода из сложившейся ситуации нет. А подвернувшийся «Хаммер» давал возможность группе беспрепятственно добраться до Киева.

Тела мужа Екатерины, его приятеля и водителя утопили в Десне. Без сожаления. Для группы Ухватова война не прекращалась.

В начале одиннадцатого машина тихо притормозила у какого-то зелёного островка леса на окраине Киева, и Ухватов достал айком.

– Мы на месте.

– Ждите, – ответили ему.

Глава 12

Западня

Они дошли!

Спуск длился больше часа, и по крайней мере дважды у Матвея мелькала мысль вернуться: он уже стопроцентно был уверен в том, что Дивы в подземелье с МИРом Акарин нет. Однако надежда на достижение цели иным путём, крившаяся в идее Стаса активировать Вещи и мысленно-волевым усилием освободить любимую, уже укоренилась в сознании и не позволила остановиться. Вслед за Стасом он вылез из колодца в пустую каверну в горных породах, а потом и в пещеру, центральную часть которой занимал замок Клещей разумных.

Оба замерли, разглядывая творение древних насекомых, источавшее тусклое грязно-жёлтое свечение.

Для Матвея это был всего пятый МИР, с которым он сталкивался лицом к лицу, учитывая модули в Крыму, на Кипре и под Москвой. Стас на своём веку повидал не меньше трёх десятков модулей иной реальности, успев попользоваться магическими манипуляциями типа легкоступа и тхабса. Однако сооружений Клещей разумных ни тот ни другой не встречали и с одинаковым любопытством рассматривали косой «парус» – в общем плане – стометровой высоты, пронизанный пузырями разных размеров, от крошечных, пятисантиметровых, до двухметровых и больше.

– Гроб с музыкой! – нарушил молчание Стас. Повернулся к Матвею, держа в руке пистолет: – Что-нибудь слышишь?

Музыки как раз Матвей не слышал, но чувства брата понял. Он тоже ожидал увидеть грандиозное сооружение совершенных геометрических форм, а увидел странный конгломерат пузырей и неровных выпуклостей, объединённых в нечто напоминающее полурасплавленный, торчащий парусом ком рыбьей икры.

– Ничего.

– Люди?

– Нет... никого.

– Вещи?

Матвей обрушил на «икорный парус» луч «биолокатора», ожидая уловить ментальный ответ артефактов, которые должны были находиться в замке Акарин, однако ничего не услышал. Вернее, пришло слабое множественное эхо – не звук, эфемерный шорох, но его источник находился не в замке Клещей.

– Ничего...

– Не может быть! – Стас оскалился, темнея. – Меня уверяли, что Вещи в МИРе Клещей... Неужели эта сексуально нетрадиционная тварь обманула?!

Он бросился к подножию «паруса».

– Ищи вход!

Матвей сосредоточился на просвечивании «паруса», быстро обнаружил пролом в одном из цокольных пузырей сооружения. Пошёл дальше, уже не для того, чтобы проследить вход в недра замка, а чтобы отыскать ауру Дивы. И снова получил слабенькое эхо, на грани слухачувствования, просиявшее на миг из глубин горного массива и тут же погасшее.

– Милая! – окаменевшими губами выговорил он.

– Нашёл? – появился Стас.

– Пролом чуть дальше...

– А Вещи?

– Их здесь нет.

– Где же они?!

– Не понимаю...

– Ищи, чёрт побери!

Душа сжалась в болезненный комок. Вспомнились слова Самандара: «Всегда соблюдай правила шести «П»: Плохое Планирование и Подготовка Приводят к Печальным Последствиям». Он забыл об этом правиле и теперь пожинает плоды своей недалёковидности. Стас уже подвёл его на Кипре, точно так же пользуясь своим положением, амбициозными расчётами и угрозой жизни Дивы. То же самое происходит и в настоящий момент. Что делать, Архитектор недоделанный? Сколько ты ещё будешь ошибаться?! Пенёк в штанах?! Ума хватает только на то, чтобы понять, что его больше ни на что не хватает?!

– Нашёл? – снова объявился рядом взбешённый Стас.

– Нет, но к нам идут...

– Кто?!

– Люди... с оружием.

– Много?

Матвей попытался посчитать светящиеся в пси-диапазоне ауры преследователей, спускающихся в подземелье.

– Восемь... нет, больше... десять человек.

– Чёрт! Нас всё-таки обнаружили! Есть другой выход?

– Не знаю.

– Ищи! Где тот, другой МИР? Далеко?

– Примерно с полкилометра от нас.

– Вот где они прячут Вещи! И Диву туда же отправили! МИР Акарин – подстава! Эта американская курва провела меня, как пацана! В замке Клещей точно ничего нет?

– Я не чую... что-то есть... но это не Вещи... опухоль...

– Что?!

– Плохо пахнет... какой-то контейнер.

– Взрывчатка! Они заминировали замок! Надо валить отсюда!

Ищи запасной...

Слова Стаса прервала автоматная очередь.

Пули с визгом заскакали по стенам и полу пещеры, рикошетируя от пузырей нижнего яруса МИРа и жужжа, как пчёлы.

– Сюда! – рванул к дыре входа в замок Матвей.

Стас дважды выстрелил в смутные тени, закопошившиеся в арке прохода к пещере, нырнул вслед за Матвеем в замок.

Промчались по лабиринту коридора, дважды обошедшего центр строения, выскочили в бесформенный тронный зал царя Акарин, освещённый кривой колонной в середине, несущей на себе саркофаг царя в форме гигантского клеща.

Стас огляделся, водя стволом пистолета из стороны в сторону, обнаружил у стены большой деревянный ящик.

– Вот он!

Он подскочил к ящику, нашёл на его боковине мигающий красной искрой командер для подрыва взрывного устройства.

– Зараза! Успеем отключить?

– Вряд ли, – усомнился Матвей.

– Дело дрянь! Ищи запасной выход.

– Его нет. Назад можно выбраться только тем же путём.

– Плохая новость. А из пещеры есть второй ход?

– Есть.

– А это хорошая новость. Куда ведёт?

– Я не проследил.

– Хреново! Давай выбираться отсюда.

– Как?

– Засядем внизу и будем по одному мочить преследователей, заберём их оружие, потом прорвёмся.

– Там же открытое пространство, нас перестреляют, как зайцев.

– Что-нибудь придумаем. Если у них есть гранаты, взорвём с другой стороны замка стенку коридора и нырнём в ход, который ты нашёл. Главное – убратся подальше отсюда, пусть потом взрывают замок. Годится план?

Матвей прислушался к шуму в пещере, поднятому преследователями: они окружали «парус» Акарин и готовились к его штурму.

– Вариант гнилой...

– Другого нет. Да, вот ещё что: отдай мне одну Вещь, всё равно какую.

– Зачем?

– На всякий случай. Если одного из нас задержат, а второму удастся скрыться, комитетчики не смогут начать активацию Вещей, не имея нужного их количества. А у нас появится шанс обменять эту Вещь на Соболеву.

Матвей помедлил. Мысль Стаса показалась удачной.

Он снял с руки браслет Эскулапа, протянул брату.

– Возьми. Только не потеряй.

– Уж постараюсь, – показал белые зубы Стас, нацепил браслет. – Какой лёгкий! Ладно, помчались!

Они вернулись в коридор, ведущий из зала главной усыпальницы царя Клещей, добрались до пролома в пузыре основания «паруса», замерли по обеим сторонам от дыры, вслушиваясь в шорохи и звуки шагов противника.

Атака началась буквально через несколько мгновений после того, как братья приготовились её отразить.

В пещере стало совсем тихо, и в пролом одна за другой скользнули две плохо видимые в полумраке фигуры, упакованные в современные боевые спецкостюмы.

Только теперь Матвей понял, что преследовали их не монахи Лавры и не простые служители частного охранного предприятия.

Это были прекрасно вооружённые бойцы американского спецназа, экипированные не хуже киношных «киборгов», имеющие приборы ночного видения и компьютерные системы обработки информации. И надо было серьёзно постараться, чтобы справиться с ними, имея всего лишь один пистолет на двоих.

Стас не стал стрелять, схватившись с «киборгом» слева.

Матвей нанёс удар по рукам своего противника, надеясь выбить оружие – десантного образца винтовку «М-14», но не преуспел в этом, и капитану пришлось вцепиться в руки «киборга», попытавшегося вывернуть ствол винтовки ему в грудь и выстрелить.

Противник оказался сильным и сопротивлялся яростно. Удары в грудь, в плечи и в шлем на него не подействовали. Ему даже удалось на мгновение направить винтовку в лицо Матвею, и тот вдруг почувствовал себя абсолютно голым, словно оказался в ледяной полынье перед тем как утонуть!

Он крикнул внутрь себя с яростным отчаянием человека перед расстрелом, *вспыхнул*, пронизанный невидимым пламенем желания жить, и спецназовец перед ним выпустил оружие из рук, перестал сопротивляться! Продолжая движение, Матвей выхватил «М-14», сорвал с него шлем и коснулся костяшками пальцев вздувшихся жил на шее, как учил Самандар.

«Киборг» вздрогнул, широко раскрывая глаза, и завалился на спину, теряя сознание.

Матвей выпрямился, дрожа от напряжения, готовый открыть стрельбу из винтовки. Но помогать Стасу не пришлось. Бывший Воин Закона не потерял боевых кондиций и справился со своим противником, бросив его на пол с такой силой, что сломал «киборгу» позвоночник.

Оба замерли.

Снаружи прилетел лающий крик: кто-то по-английски приказывал отряду преследователей начать общую атаку.

Стас наклонился над поверженным противником, вытащил из кармана спецкомбинезона запасные обоймы.

– Обыщи своего!

Матвей перевернул «киборга», снял две гранаты, достал обоймы для «М-14».

– Здесь мы не прорвёмся.

– Дай гранаты.

Матвей бросил Стасу рубчатые яйца гранат.

– Задержи их!

– А ты?

– Я рвану стенку с другой стороны замка и зайду им в тыл.

– Давай.

Стас исчез.

В проломе возникло сгущение темноты, засверкали вспышки выстрелов: боец преследующей группы сразу открыл огонь из автомата.

Матвей ответил, перекатился по полу мячиком, дал ещё одну очередь, снимая второго десантника.

Стало тихо.

Снова прилетел голос командира группы, приказывающего на английском языке применить гранатомёт.

Матвей понял, что шансы у него пробиться сквозь хорошо вооружённый спецназ невелики. Нырнул на пол, укрылся телами двух сражённых «киборгов».

В пролом ворвались одна за другой две гранаты, разнесли часть коридора и стенку пузыря, засыпав полость осколками. В дымной пелене сгустилась тень: в атаку пошли новые десантники. Матвей дал две очереди. Раздались крики, тень исчезла.

Снаружи заорали в три голоса. Потом, спустя несколько секунд, крикнули по-русски, но с акцентом:

– Эй, супермен, бросай оружие! Не перестанешь стрелять – взорвём весь этот бастион! А заодно скрутим голову твоей подружке! Выходи!

Матвей прислушался к звукам с другой стороны замка Акарин.

Там царила тишина. Стас исчез, а взрыва всё не было, и успел ли он проделать дыру в стене замка, было неизвестно.

– Даём минуту! – донёсся тот же голос. – Отсчёт пошёл!

Матвей напрягся, сканируя все помещения нижнего яруса МИРа, однако никого в них не обнаружил. Стас и в самом деле исчез, словно растворился в воздухе подземелья, не оставив следа.

– Выходи!

Матвей помедлил, стараясь найти и в этой ситуации положительный момент, крикнул: «Я выхожу, не стреляйте!» – бросил на пол винтовку и шагнул в пролом с поднятыми руками.

Глава 13

Ничего личного

Страх туманил голову, в Киев лететь категорически не хотелось, но шанс достичь главной цели – стать *над всеми*, во всяком случае, так казалось Меринову – был исключительно высок, и он таки решился на вояж в столицу Украины, надеясь на своих резидентов и агентов влияния, давно освоивших украинское бизнес-пространство.

Уже при посадке в Борисполе стало известно, что СБУ удалось поймать двух разведчиков Купола, сумевших внедриться в Совет национальной безопасности, однако остановить Меринова это известие не могло. Если он что-то затевал, то доводил дело до конца, с какими бы трудностями ни сталкивался. Отчасти этим его упорством объяснялось и положение, которое генеральный прокурор России занимал в её властной элите. И хозяином Купола он стал не без помощи своего упорства и злобной нацеленности на достижение цели.

Разумеется, перед полётом ему сменили внешность, и в Киев прилетел другой человек: рыжеватый, с бородкой и усиками «а-ля фермер». Документы в аэропорту прошли испытание нормально, прилетал «известный ирландский правозащитник» Патрик Макшейн с супругой, роль которой исполнила бухгалтерша Купола Люся Перцова, и «фермер» поехал в скромную гостиницу на окраине Киева с труднопроизносимым украинским названием «Будівельник незалежності».

Сутки ушло у Меринова на ознакомление с материалами, собранными разведкой Купола, и с предполагаемым местом главного события года – Киево-Печерской лаврой. Из донесений агентов следовало, что Сход Комитета 300 должен был состояться 30 октября, и готовились к нему иерархи UnUn серьёзно, стянув в Киев все имеющиеся в наличии силы и средства, используя втёмную киевскую милицию и Службу безопасности.

Из этих же донесений Меринов понял, что ему не удастся осуществить задуманное – ликвидировать американский Союз Неизвестных или хотя бы российский, если он не предпримет какие-то нестандартные ходы. Главные действующие лица – диверсанты

и десантники из групп спецназначения – не успели как следует подготовиться к перехвату лидеров UnUn, некоторые из них были задержаны, силовики в Москве отказались обстреливать самолёты с делегациями «правозащитников» других стран, и даже Стас, обещавший устроить диверсию в Лавре и захватить Великие Вещи инсектов, перестал выходить на связь.

Обдумав ситуацию, Меринов решил действовать хитрее.

Двадцать первого октября в семь часов вечера он позвонил анарху российского Союза Неизвестных.

Дубинин ответил с обычной оскорбительной вежливостью:

– Рад слышать вас, господин Макшейн.

Меринов, сидевший в кресле в своём гостиничном номере, несколько мгновений переваривал услышанное. Никто не должен был знать, что он прилетел в Киев под псевдонимом Макшейн, но Дубинин знал!

– Добрый вечер, Валерий Павлович. – Меринов откашлялся. – Как устроились?

– Неплохо, господин Макшейн. А вы?

Меринов покосился на «жену», сделал движение бровями, и длинноногая крутобёдрая блондинка в обтягивающем фигуру блестящем платье вышла из номера. Она всем устраивала босса Купола, кроме некрасивого лица. Как выразился когда-то министр МВД, увидев Меринова с бухгалтершей: её не пустили бы сниматься даже в фильме ужасов из-за сильно страшной морды.

Меринов тогда стерпел, хотя и начал усиленно искать замену блондинке, и нашёл – Диву Соболеву, пока не получил от строптивой прокурорши отлуп. Так Перцова и осталась в его свите, демонстрируя незаменимость в секретных делах и великолепный секс.

– Всё хорошо, Валерий Павлович, – с запозданием ответил он на вопрос анарха. – У меня деловое предложение на полмиллиона, выслушаете?

Дубинин оценил шутку:

– Всегда готов поговорить о деньгах. Как говорится, деньги – это зло, приносящее радость.

Леонард Маратович делано рассмеялся:

– Рад вашему настроению. Как вы смотрите на то, чтобы взять меня с собой на конгресс... э-э, «правозащитников»? Это было бы весьма полезно для нас обоих.

Дубинин не сразу нашёлся, что ответить:

– Как говорил один одессит: я даже не шевелю мозгом, о чём вы имеете сказать. Как вы себе это представляете, друг мой? И зачем это вам?

– На вас планируется покушение, я мог бы помочь вам избавиться от этого неудобного фактора, решить проблему и указать предателя.

– В моём окружении? – Дубинин подчеркнул слово «моём».

– Так точно.

– Кто же это?

– Стас Котов.

Дубинин помолчал.

– Ну, во-первых, нас хорошо охраняют, и не только собственные службы, но и службы... э-э, «правозащитных» организаций. Во-вторых, вряд ли вас пропустят на Сход, вы не заявлены.

– Так заявите, время ещё есть, представьте меня как вашего личного бодигарда или кандидата Круга.

– Не знаю, не знаю...

– Проанализируйте ситуацию, у вас столько врагов, что позавидует и папа римский.

Дубинин снова помолчал, потом сказал со смешком:

– Честно говоря, дорогой Патрик, вас легче не пустить, чем потом выгнать.

Меринов вспотел:

– Вы не пожалеете!

– Что ж, может быть, вы и в самом деле будете полезны. Подъезжайте ко мне в гостиницу завтра утром в семь часов. Поедем в Лавру вместе. Но не берите с собой ничего лишнего, в том числе телохранителей и агентов, их точно не пропустят на встречу, да и нас тоже. Учтите, на входе будут стоять металлодетекторы и нанитные сканеры.

– Конечно, я буду совершенно один, – торопливо пообещал Меринов, – и без всякой техники.

– Тогда до встречи.

Телефон умолк так основательно, будто умер, как живое существо.

Меринов глотнул пива прямо из бутылки, ему нравился местный напиток «Оболонь», вытер лоб и подумал с угрозой: «Погоди, дьявол высоколобый, будет и на моей улице праздник!»

К гостинице «Shelter Hotel» на улице Каменяров, в которой остановились анарх российского Союза Неизвестных и его свита, он подъехал за пять минут до назначенного срока. Практически без охраны. Телохранитель генпрокурора Павел Пехов хотел было выйти из машины вместе с ним, но Меринов остановил гиганта:

– Ты останешься, пойду один. На всякий случай поедете за нами до Лавры, я дам сигнал.

– Группа тоже? – спросил водитель «Мерседеса», он же – майор Зингер, командир спецгруппы.

– Группа будет ждать у Лавры, – буркнул Меринов, вылезая из «Мерседеса» с киевскими номерами. Майору ни к чему было знать, что босса прикрывает не одна группа спецназа, а три, получившие задание по сигналу нейтрализовать охрану Дубинина и захватить его самого. К Лавре Меринов собирался ехать как заместитель «внезапно заболевшего» руководителя русской делегации.

Было ещё темно. Над Киевом сгустились хмурые осенние тучи. У гостиницы стояли автомобили, но возле них никого видно не было, и определить, принадлежат ли они окружению Дубинина, было трудно.

Меринов задержался у входной двери в гостиницу, набрал нужный номер:

– Я прибыл.

– Заходите, господин Макшейн, – отозвался анарх. – Я в номере двадцать один, вас проводят.

Меринов передёрнул плечами, не столько из-за порыва холодного ветра, сколько из-за нехорошего предчувствия, но Стас, которому он всё же дозвонился поздно ночью, пообещал ему всемерное содействие, и Леонард Маратович понадеялся на спецпорученца.

Как только он скрылся за дверью гостиницы, открылась дверца одного из припаркованных в двух десятках метров от «Мерседеса» джипов, из кабины высунулся чёрный ствол прибора, похожего на карабин, но из него вылетела не пуля, а невидимая очередь нанитов, за секунду преодолевшая расстояние, разделявшее джип и «Мерседес» Меринова. Весь десяток МКН попал в цель – в полуоткрытое водительское окошко; водитель генпрокурора курил.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом сидящие в салоне «Мерседеса» люди зашевелились, начали нервно отмахиваться от невидимых «комаров» и через пару мгновений затихли.

Тишину возле гостиницы их недолгая возня так и не потревожила.

Меринова встретила симпатичная молодая женщина в строгом тёмно-вишнёвом костюме, дежурно улыбнулась:

– Господин Макшейн?

– Yes, it's me^[12], – ответил он по-английски.

– You wait, I'll take you^[13].

Не заметив в холле гостиницы ни одного подозрительного человека, Меринов поднялся на второй этаж «Shelter Hotel», провожатая постучала в дверь номера с табличкой «21» и отступила в сторону.

– Is there anything else, mr. McShane?

– No, thanks^[14], – кинул хищный взгляд на её ноги Меринов и шагнул в открывшуюся дверь.

Дыхание участилось, сердце заработало быстрее. Он волновался и раздумывал, как себя вести при встрече с главным кукловодом России, но вместо Дубинина увидел незнакомого человека, круглолицего, заросшего седой щетиной, угрюмо-недовольного, с мясистыми вывороченными губами, и остановился.

– Извините... я, кажется, ошибся...

– Проходите, дорогой Леонард Маратович, – проговорил незнакомец, изобразив полуулыбку. – Вы ошиблись не сегодня, а гораздо раньше.

Дверь за спиной Меринова закрылась. Он оглянулся, нервно облизнул губы, чувствуя, как потеют ладони и спина покрывается ледяной испариной.

– Вы кто?!

Недобритый незнакомец раздвинул губы шире:

– Давайте знакомиться: Турчанов Парфён Иудович. Рад видеть вас в столице независимой Украины.

Меринов обомлел. Перед ним стоял руководитель украинского Национального Совета безопасности и он же – анарх Украины!

– В-вы... не может быть... меня ждут в другом номере...

– Валерий Павлович любезно предоставил нам возможность встретиться с генералом Купола. Он просил вас не обижаться, ничего личного, как говорится. Но вы были бы лишним на празднике жизни под названием Сход иерархов UnUn. Садитесь, поговорим.

Меринов хотел ткнуть пальцем в тревожный сенсор мобильного, однако в глубине номера что-то сверкнуло, и на голову генпрокурора обрушился тяжкий удар, оборвавший сознание.

Глава 14

Симпозиум монстров в человеческом обличье

Машины стали съезжаться к главному входу в Киево-Печерскую лавру к десяти часам дня.

Делегации стран – участниц съезда дружно собрались перед Святыми воротами церкви Святой Живоначальной Троицы, которую чаще называли просто Троицкой надвратной церковью, откуда им предстояло пешком добраться до Крестовоздвиженской церкви и спуститься в подземный ход с десятками келий давно почивших печерских старцев. Спуск к МИРу, в котором находилась коллекция Великих Вещей, начинался из кельи преподобного Григория Чудотворца.

Весь квартал с Лаврой и её окрестностями был оцеплен милицией. Над скалами, храмами и церквями комплекса парили вертолёты и беспилотники. На двух военных аэродромах под Киевом были готовы подняться в воздух штурмовики «Су-27» и старенькие канадские «Сейбры» «Мк-6». Войска Киевского военного округа были подняты по тревоге. И ни один командир ни одной воинской части, от лейтенанта до генерала включительно, не знал, ради чего такая суматоха. Даже министр обороны Украины, приближённый к телу нынешнего президента, не имел понятия, зачем президенту понадобилось устраивать шоу правозащитников на территории Лавры. В число служителей украинского Союза Неизвестных он не входил.

Первой прибыла американская делегация UnUn во главе с анархом США Кэтрин Блохшильд. Её «Мазератти» пропустили на территорию Лавры, прямо к Крестовоздвиженской церкви, откуда начиналась подземная галерея к Ближним пещерам монастырского комплекса. Это было единственное исключение. Машины остальных делегаций, в том числе украинской и даже английской, руководимой досточтимым епископом Церкви Спасения Фенимором Холлом, останавливались на площади перед главным входом в Лавру.

Всего через арку Троицкой надвратной церкви прошло больше пятисот человек, из которых только триста были допущены к спуску в Ближние пещеры.

Кэтрин Блохшильд, одетая в мужской костюм цвета запёкшейся крови, задержалась в притворе Крестовоздвиженской церкви. Ей сообщили, что некто, назвавшийся Воином Закона, хочет сообщить ей важное известие. Кэтрин улыбнулась: Воином Закона называл себя адепт русского Внутреннего Круга Станислав Котов, пообещавший помочь ей добыть недостающие артефакты, а он ещё ни разу не подвёл.

Через несколько минут агенты службы безопасности Кэтрин ввели в помещение высокого мужчину приятной наружности, светловолосого, голубоглазого, широкоплечего. Он шёл и улыбался, не обращая внимания на трёх мощного сложения парней, готовых в любой момент применить оружие. Подойдя к Кэтрин, которую также окружали монахи и крепкие молодые люди в чёрных костюмах, он остановился с независимым видом, сделал небрежный поклон, заговорил по-русски:

– Добрый день, Катерина. Я сделал, что обещал, очередь за вами. Надеюсь, условия договора остались прежними?

– Вещи, – сухо сказала Кэтрин.

– Две вы должны были забрать у русского резидента, которого я завлёк в МИР Акарин. Кстати, это мой брат, хотя и названный. Он не пострадал?

– Рада вашему признанию, мистер Котов. – Кэтрин тоже заговорила по-русски, почти без акцента. – Брат у нас, как и его подруга. Третья Вещь с вами?

– Так точно.

Кэтрин повела подбородком, и один из сопровождавших Котова конвоиров повернулся к нему лицом, протягивая руку.

Стас помедлил, продолжая улыбаться, но глаза его подёрнула дымка сомнений.

– Сначала ваш шаг, дорогая мисс. Мой брат и его подруга должны быть переданы мне, живыми.

– Вы их получите. Вещь!

Стас покосился на деревяннолицых конвоиров, сделавших шаг к нему, презрительно дёрнул уголком губ, но сдержался. Отцепил браслет с часами, подал парню. Тот передал браслет Кэтрин.

– Тяжёлый! – оценила она вес браслета, с любопытством разглядывая артефакт. – Это и есть Эскулап?

– Так точно.

– А с виду обычные часы.

– Все Вещи изменили свою натуральную форму.

– Он работает?

– Проверен, я уже говорил. Суньте в него руку, он застегнётся сам.

Кэтрин ещё раз оглядела изделие Мирмеков, однако надевать не стала, отдала охраннику обратно.

– Skan.

– And with him what? – кивнул на Стаса негр-священник из свиты Кэтрин.

– Put him to the russian in the crypt^[15].

Котов развёл руками.

– Надеюсь, вы выполните условия договора?

– Как говорят ваши соотечественники, – усмехнулась Кэтрин, – бережёного бог бережёт. Не обижайтесь, Воин, вы недолго посидите со своими друзьями. Ничего личного, я должна быть уверена в искренности ваших намерений.

Улыбка на лице Стаса погасла:

– Мы... так... не договаривались!

– Что ж, я меняю правила игры, только и всего. Потерпите немного. Отведите его... – Кэтрин не договорила.

Стас каким-то невероятным движением вырвал браслет Эскулапа из руки охранника, крутанулся вокруг себя, сбивая его ногой на гладкий плиточный пол притвора, схватился с остальными конвоирами, нанося им удары, от которых они летали по воздуху, как кегли, и метнулся к выходу. Возможно, ему даже удалось бы прорваться сквозь оцепление церкви. Но тот же самый чернокожий помощник Кэтрин, стоявший по правую руку от неё, вытащил из складок рясы пистолет с глушителем и выстрелил.

Стрелком он оказался отменным.

Пуля попала Стасу в спину, развернула его, и на беглеца накнулись с трёх сторон, свалили на пол, скрутили руки.

Кэтрин подошла к нему, взяла выпавший у него из руки браслет, покачала головой:

– Вы, русские, не умеете терпеть. Я бы сдержала слово. А теперь...

– Kill him? – поднял ствол пистолета негр.

Она помедлила.

– No, it is more usefull to me, take to prisoners^[16].

Стаса, потерявшего сознание, подняли на руки и понесли к лестнице, ведущей в подземный ход к Ближним пещерам.

Кэтрин обернулась к негру, прятавшему пистолет:

– Приглашайте всех.

Вскоре начали прибывать иерархи остальных Союзов Неизвестных, первым – координатор Комитета 300 Фенимор Холл. Он подошёл к Кэтрин, поклонился с важным достоинством, проговорил по-английски:

– Вы обворожительны, мисс Блохшильд! Удалось вам переиграть русских?

– А как вы думаете, пастор? – с не меньшим самодовольством осведомилась Кэтрин, перешла на русский: – Фирма веников не вяжет.

Холл посмотрел на неё озадаченно; русский язык он знал хорошо, но не до такой степени, чтобы понимать идеомы.

– Что вы сказали?

– Вещи у меня. Я бы и не начала процедуру Схода, не имея артефакты. Всё в порядке, епископ, можете командовать парадом.

Холл позеленел, понимая смысл сказанного: его унижали при свидетелях намеренно («можете командовать» означало «я вам *разрешаю* командовать!»), – но вступать в перепалку с американским анархом (вот откуда растут ноги политики США: их кукловоды – беспредельщики! – спят и видят себя владыками реальности!) не стал.

– Пожалуй, начнём, дорогая Кэтрин, – сказал он смиренно, надеясь, что инициация «сорока» расставит всё по своим местам.

Делегации одна за другой начали спускаться по лестнице в подземный ход, делясь впечатлениями от архитектурных красот и величия местных храмов, затем входили в модуль иной реальности, созданный десятки миллионов лет назад Робберфилами, Ктырями разумными, в котором бывший анарх России Рыков собрал тридцать семь Великих Вещей. Пользоваться ими он так и не успел.

Спуск всех членов Комитета длился около часа.

Незначительная заминка вышла, когда дошла очередь спускаться российской делегации: украинцы попытались высказать им какие-то претензии, небритый анарх Украины даже оттолкнул российского анарха, получил удар по щеке, иерархи схватились меж собой, однако русских было вдвое больше, и украинцам пришлось отступить. Хотя Турчанов прошипел им вслед:

– Мы ещё поговорим, господин Дубинин!

Он ещё до Схода пытался убедить Кэтрин лишить русскую делегацию права участвовать в собрании и даже подготовил две роты

нацгвардейцев для захвата иерархов из России, половина из которых были персонами нон-грата в Украине, однако без них Сход вообще не состоялся бы, и ему пришлось умерить свой пыл.

В начале второго все триста иерархов всеземного UnUn собрались в центральном зале замка Робберфилов, похожего на пирамиду, образованную телами трёх гигантских насекомых – мух-ктырей.

Все Вещи находились в зале, возле колонны саркофага царицы Робберфилов, также похожего на муху. Упакованы они были в непрезентабельные с виду картонные коробки. Груда коробок не превышала в высоту полутора метров, и кое у кого из присутствующих возникли сомнения в том, что Вещи являются действительно *великими*.

Холл взял процедуру Схода в свои руки:

– Господа, минуточку внимания! Артефакты проверены, сомнений в их подлинности нет, но я попросил бы всех ознакомиться с ними поближе. Я напомню, какую функцию выполняла каждая Вещь. Мы будем активировать их все одновременно, и вы должны знать облик каждой и её возможности.

Помощники главарха в рясах быстро соорудили из заранее принесённых в замок досок нечто вроде ступенчатого помоста. Гости обступили помост тремя рядами. Холл поднялся на первую ступеньку помоста, и монахи стали подавать ему одну за другой коробки разных размеров. Самая маленькая была размером с книгу, самая большая – с ящик для бананов.

Многие иерархи, из тех, кто служил Комитету недавно и не видел Вещи воочию, подступили к помосту вплотную. Стоящие в заднем ряду вытянули шеи.

Холл открыл первую коробку, вытащил плоский брусок красного цвета с чёрными вставками, покрытый с двух сторон иероглифами. Больше всего брусок напоминал смартфон последней модели, с выходом на Интернет.

– Кодон – программатор психики. – Холл показал артефакт всем желающим, положил на вторую ступеньку помоста, образующую стол. Вскрыл вторую коробку, среднего размера.

– Интегратрон – генератор бессмертия, или, точнее, вечного омоложения.

Интегратрон напоминал дугу с наушниками.

– Инфран – распознаватель Тьмы, так сказать, датчик агрессивных намерений.

Инфран представлял собой прозрачный цилиндр, формой напоминающий фаллос. Внутри него сгущались и расплывались облачка слизи, похожие на пиявки.

– Ухряб. – Холл поднял над собой обыкновенную кочергу, не спеша давать комментарии.

По толпе иерархов прошло движение. Некоторые из них даже хотели отступить от помоста, спрятаться за спины других.

Холл криво усмехнулся, кивнул:

– Да, об этом вас предупреждали. Ухряб ещё не синкэн-гата и не Умертвие, но тоже очень опасная штука, способная изменять генетику этноса. В незапамятные времена ею воспользовался один южноазиатский правитель, вразумляя излишне свободолобивых предков персов, и цивилизация Шумера исчезла с лица Земли.

По рядам иерархов прошёл шепоток.

Холл раскрыл очередную коробку.

– Святейший, – обратился к нему желтолицый японец, предпочитавший и на Сход в подземелье одеться как на приём к президенту страны; это был анарх Японии, глава центра айкидо, господин Сюити Ямато. – Умертвие тоже находится здесь?

– Увы, друг мой, господин Рыков оставил его в Адовых мирах.

Речь шла об Игле Парабрахмы, «абсолютном оружии», импульсы которого останавливали все энергоинформационные процессы в материи.

– А синкэн-гата?

В толпе заговорили. Все иерархи знали, что синкэн-гата, «устранитель препятствий», или «духовный меч познания», имевший широкий диапазон магического оперирования, также использовался как оружие.

– И меча здесь нет, – признался Холл. – Прошу меня не отвлекать, господа, я сам покажу каждую Вещь. Для инициации «сорока» не важно, какую функцию выполняли артефакты, но в качестве оружия их можно было использовать почти все.

Следующей Вещью оказался Ядовитый Коготь.

– Вот пример моего утверждения. – Холл поднял над головой Вещь, похожую на сверкнувшую металлом саблю. – Коготь способен

заживлять раны, выравнивать энергетику организма и одновременно рубить головы дистанционно.

Затем одну за другой он перебрал оставшиеся Вещи, дав потрогать их тем, кто этого захотел, и с минуту держал над головой с виду обыкновенный мастерок с деревянной ручкой, названный им Эвон-айк. Это был Деформатор, способный изменять геометрию любого материального объекта, в том числе живого существа, не меняя его функционального назначения.

И последнее, что вытащил Холл из самой большой коробки, было седло. Самое обыкновенное лошадиное седло с высокой задней лукой, но без приструг и бинфутеров.

– Уэллс, – ухмыльнулся главарх. – Объяснить, что это такое?

Иерархи загудели, на лицах многих промелькнули недоверчивые улыбки. Мало кто из них верил в существование машины времени, описанной Гербертом Уэллсом в конце девятнадцатого века, но, по уверениям Хранителей, это «седло» – а все Вещи приобрели совсем иные формы с момента последней битвы инфарха и Монарха Тьмы – и в самом деле в какой-то мере могло изменять прошлое.

– Теперь давайте рассредоточимся вокруг собрания, – предложил Холл, – и настроимся на процесс.

– Минутку, святейший, – сказал вдруг анарх России, – вы показали нам тридцать семь Вещей, я считал. Где остальные три? Мой посланник должен был передать их вам. Кстати, не подскажете, где он находится в данный момент?

Холл посмотрел на Кэтрин Блохшильд:

– Дорогая мисс?

– Он... в надёжном месте, – с запинкой проговорила Кэтрин. – В одном из помещений МИРа.

– Прошу учесть: он очень полезный человек.

– Я учту.

– И всё-таки я хотел бы увидеть Вещи.

Кэтрин сделала знак спутнику-негру; он был диархом американского UnUn и тоже являлся служителем Церквы, как Холл.

Негр вышел из толпы анархов, протянул Холлу белый пластиковый пакет.

Англичанин развернул пакет, вытащил из него покрытый с двух сторон иероглифами кругляш, браслет и берестяную дудочку.

– Вот эти Вещи: Дзюмон, Эскулап и Свисток.

По толпе снова прошло движение. Иерархи из Бразилии подошли ближе. Один из них, пузатый, широкий, смуглолицый, в цветном балахоне, показал на дудочку:

– Прошу прощения, преподобный, это...

– Иерихонская Труба, – важно сказал Холл. – Когда-то с её помощью вызывали ураганы и тайфуны, её глас слышался даже в Адовых мирах.

– Но она такая... маленькая... и Дзюмон, то есть Щит...

– Щит Дхармы тоже побывал в деле и отлично себя показал. Не сомневайтесь, друг мой, все эти артефакты прячут в себе *силу*. Её надо пробудить.

Холл положил последние Вещи в общую кучу.

– У вас всё, господин Дубинин?

Российский анарх кинул оценивающий взгляд на Кэтрин. Она улыбнулась:

– Спасибо за подарок, Валерий Павлович.

Дубинин слегка поклонился и отступил. Оба поняли друг друга: Кэтрин благодарила Дубинина за Меринова.

К главе американского Союза Неизвестных робко сунулся было Турчанов, чтобы выразить ей свою преданность и дать понять всем, что он близок Кэтрин, однако американские иерархи его не подпустили к ней.

– Займите *своё* место, уважаемый, – показал ему крупные белые зубы негр-священник.

– Вы знаете, что делать, – объявил Холл торжественно, голосом уличного глашатая. – Сосредоточьтесь на объединении! Думайте сразу обо всех! Возбуждайте психорезонанс! Проникайте в суть Вещей! С нами Господин!

В зале наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь дыханием трёхсот человек. Все закрыли глаза, концентрируя внимание на магических объектах. Кто-то сел на пол, кто-то даже прилёг. Но все иерархи совсем недавно обладали колдовскими способностями, могли заставить служить себе любого обывателя, любого политического деятеля, и жаждали одного – вернуть эти способности и великие возможности манипулировать человечеством и всей земной реальностью.

Через минуту от разложенных на помосте Вещей послышалось тихое потрескивание. Многие из них покрылись паутинками свечения.

Воздух в зале царицы Робберфилов, над помостом, завибрировал, загудел, словно это был огромный пчелиный рой.

По волосам собравшихся заскакали электрические искорки.

Украинский диарх Овценюк не выдержал, вскочил, размахивая руками, завертелся волчком. С лица рано облысевшего главы Нацбанка Украины ручьями лил пот.

– Я не моджу боле! Нічого не існується! Всі ми здохнемо!

– Успокойте его! – громовым голосом приказал Холл.

В толпу бросились двое бородатых смуглолицых мужчин в рясах, помогавших устанавливать помост, схватили Овценюка, согнули, сунули лицом в пол, сжали ему горло.

Диарх обмяк, ему надавали пощёчин, подняли на ноги, повернули лицом к помосту.

– Эйерен афгешнеден! – прошипел один из монахов на каком-то своём языке.

Овценюк побелел, затрясся, выставил вперёд ладони.

– Я зрозумів, зрозумів!

– Продолжаем, владыки!

Адепты Комитета снова закрыли глаза.

Однако прошло пять минут, десять, гул в зале достиг громкости концертных динамиков и вдруг пошёл на убыль. Великие Вещи, начавшие было трансформироваться, увеличиваться в размерах, вернули свою прежнюю форму. Свечение артефактов стало гаснуть.

– Дияболо! – проскрипел Холл, воздевая руки к потолку зала. – Конкере, помоги!

Но крик главарха вернулся каркающим эхом. Вещи умолкли.

– Что происходит, святейший? – в недоумении посмотрел на Холла польский анарх.

– Это он, это он! – вдруг выбежал к помосту негр-священник из свиты Кэтрин, указывая на Холла пальцем. – Он виноват! Он потерял силу! Его надо переизбрать! Немедленно! Он не главарх!

Холл выпучил глаза:

– Вы с ума сошли?!

– Он виноват! – сорвался с места ещё один анарх, из Люксембурга. – Я всё понял! Фенимор иссяк, его время ушло! Предлагаю немедленно, сейчас же, избрать нового главарха! Доктор Шнайдер, вы согласны?!

Все оглянулись на немецкого анарха.

Седой благообразный старикан откашлялся:

– Всё это неожиданно...

Холл побледнел, потряс руками:

– Вы все... ошибаетесь! Дело не во мне! Нам что-то мешает довести инициацию до конца! Давайте разберёмся!

– Молчите, святейший! – шепнул ему на уход подскочивший Джеймс Пинто, триарх английского Союза. – Будете сопротивляться, искать правых и виноватых, вас убьют! Всё заранее подстроено. Уйдите добровольно!

Холл поймал весёлый взгляд Кэтрин Блохшильд, полный презрения и превосходства, сгорбился. Он знал коллег по Комитету хорошо и не сомневался, что его никто не пожалеет.

– Я... согласен, – объявил он дрожащим голосом. – Процедура отречения требует...

– Долой процедуру! – прокричали делегаты Схода.

– Хорошо, предлагаю на пост главарха кандидатуру доктора Шнай...

– Кэтрин! – завопил негр. – Кэтрин Блохшильд!

Он вскочил на помост, столкнул с него Холла и Пинто, развёл руками в стороны, начал скандировать:

– Кэтрин! Кэтрин! Кэтрин!..

К нему присоединились члены американской делегации, потом польской, канадской, австралийской, турецкой, а через несколько мгновений скандировали все, кроме россиян:

– Кэтрин! Кэтрин! Кэтрин!

Она вышла вперёд, ей помогли взобраться на помост, встали внизу стеной.

Кэтрин подняла руку.

Наступила тишина.

– Спасибо за доверие, господа, – проговорила женщина, давно готовившая себя занять пост главарха. Положение США в земной реальности пошатнулось, и она была уверена, что сможет вернуть миру *однополярность*. – Предлагаю отдохнуть, сейчас сюда принесут напитки и закуски, и продолжим инициацию. Согласны?

– Да-а-а! – проревели двести девяносто девять плотов.

Человечество решало свои проблемы: обыватели спали, занимались любовью, бизнесом, играми, сражались друг с другом, отстаивая право сильного или же право на жизнь, и почти никто из них

не знал, что в Киеве в настоящий момент решается судьба мира, и никакие суперкомпьютеры, атомные бомбы, ракеты и оружейные системы не могут этому помешать. Разве что люди, если бы нашлись такие безумцы...

Глава 15

Безумство храбрых

Операция началась в десять тридцать по местному времени.

Всего в ней участвовали четыре группы.

Отряд «Штурм» Ухватава направили к главному входу в Лавру, которыми служили ворота Троицкой надвратной церкви.

Группу «Блиц» под командованием майора Рубиса, успевшую перебраться в Киев из Турции, отправили на небольшой частный аэродром под Киевом и велели ждать сигнала. Она должна была уничтожить беспилотники с помощью ПЗРК и высадиться с арендованного вертолётa перед Крестовоздвиженской церковью, а потом завязать бой с охраной подземной галереи, ведущей в МИР Робберфилов из кельи преподобного Григория Чудотворца.

Группа Вениамина Соколова включилась в атаку раньше, начиная движение от стен Благовещенской церкви и отвлекая силы милиции, СБУ и собственно охраны Комитета на себя.

Комиссары «Стопкрима» – Котов, Самандар и Парамонов, а также Тарас Горшин – высаживались из «Мерседеса» перед Аннозачатьевской церковью. Их целью были Дальние пещеры, через которые они намеревались спуститься в МИР Акарин и дальше – через секретный ход пройти в МИР Робберфилов.

Снабжением и оснащением групп занималась квартирнерская служба «чистилища», осевшая в Украине почти месяц назад, но кое-что смог предложить и Тарас, не ставший раскрывать секреты своих обслуживающих структур.

Вертолётa – итальянский «Агуста» и российский «Ми-8» – достали «чистильщики», броневик «Динго» плюс бронированный «Мерседес» с президентскими номерами, пригнали к Лавре люди Тараса. Он же раздобыл – и это намного упростило действия оперативников – необходимые документы для командиров всех групп, ставших «особо уполномоченными офицерами СБУ».

В группе Соколова было шесть оперативников, успешно действовавших в России в самых удачных бандликаx «Стопкрима». Все они прошли многие войны в составе десантно-разведывательных

отрядов ГРУ и ФСБ, были награждены орденами и медалями, ранены, ушли в отставку, сменив военную жизнь на мирную гражданскую, но не успокоились, отстаивая права и принципы справедливости, и без колебаний примкнули к «чистильщикам».

К стенам Благовещенской церкви группа высадилась из итальянского «Динго», сбив для начала беспилотник, зависший над Ближней Лаврой. До этого группа «Блиц» удачно отвлекла на себя вертолёт, облетавший периметр Лавры, два канадских «Quest AVQ», и высадке группы Соколова у церкви никто не помешал.

Одетые в американские «оборотни» (для вящей убедительности в том, что нападают на Лавру «международные террористы ИГИЛ», всё оружие и экипировка на бойцах были иностранного производства, хотя российский ВПК изготавливал не хуже и комбинезоны, и оружие), профи Вениамина с ходу прорвались к притвору Благовещенской церкви (вертолёт тут же улетел), положили на плиты площади с десятков украинских спецназовцев, одетых в боевые костюмы натовского образца, и заняли оборону.

Им не надо было искать спуски под землю и входы в подземные галереи, в задачу группы входило привлечь к себе внимание охраны, и они с этой задачей справились великолепно. К церкви были переброшены два подразделения спецназа СБУ и американские «бурые береты», что снизило давление на другие группы атакующих.

Группа «Блиц» на российском «Ми-8» завязала воздушный бой с двумя барражирующими над правобережным массивом «Ирокезами», давно списанными из американской армии и переданными украинской армии «в знак солидарности с борцами за независимость», подбила один и увела за собой другой, уничтожив его над Днепром. После этого вертолёт вернулся к Лавре, и группа высадилась в самом центре храмового комплекса, у Большой лаврской колокольни, начиная продвижение к Крестовоздвиженской церкви.

Спецназу, бросившемуся к Благовещенской церкви, пришлось разделить, завязался бой, и впервые за семьдесят с лишним лет, прошедших со времён Великой Отечественной войны, по улочкам и переходам Киево-Печерской лавры засвистели пули. Причём в отличие от атакующих, щадивших архитектурные шедевры церквей и пристроек и стрелявших точно по живой силе противника, защитники Лавры, в особенности иностранцы, палили из автоматических винтовок

и пистолетов-пулемётов во все стороны, отчего в стенах церквей и даже в золочёных куполах стали появляться выемки, шрамы и пробоины.

Группа Ухватава, оставившая себе добытый в Семёновке «Хаммер», вступила в бой позже всех.

Документы, показанные майором на входе в Лавру, не вызвали подозрений, и «Хаммер» покатил к Успенскому собору Пресвятой Богородицы. Повернул дважды, доехал до площади у Крестовоздвиженской церкви, уже со стороны Лавры, и бойцы Ухватава открыли огонь по цепи укро-американского спецназа, стягивающегося вокруг бойцов «Блица». Их атака оказалась настолько неожиданной, что «бурые береты» побросали модули для запуска МКН, оставили своих раненых и убитых товарищей и поспешно отступили.

Взорвав южную дверь притвора церкви, обе группы ворвались в помещение, потеряв всего двух бойцов, добили охранников и доложили командирам операции о своём успехе.

– Ухватов, спускайтесь вниз! – приказал им Василий Никифорович. – Но будьте осторожны, не нарвитесь на мины или на роботов с МКН. Рубис, займите оборону у церкви!

– Есть! – ответили оба майора.

Сами комиссары в это время вместе с Тарасом Горшиным, в образе «офицеров СБУ», без особого экшена обезоружили охрану Аннозачатьевской церкви и начали спускаться из притвора в подземный ход, ведущий к церквушкам и кельям святых старцев. С одной стороны, их часть операции была самой лёгкой, так как вся сборная коалиция защиты Комитета охраняла сейчас главный вход в подземелье – Крестовоздвиженскую церковь, и Аннозачатьевский вход в лаврские пещеры практически никто не охранял. С другой – именно этой четвёрке предстояло достичь подземной пещеры с МИРом Робберфилов, вызвать пленных и сорвать активацию «мировой закулисы» магического наследия Древнего земного Разума. Она же взяла на себя ответственность за жизнь всех участников операции, в результате которой должна была измениться «запрещённая» земная реальность, но не по лекалам американского или мирового UnUn, а по божественным законам Света и Справедливости. Для этого четвёрке надо было дойти до места собрания «кукловодов» человечества в подземельях Лавры и «принудить их к миру». И времени на весь этот процесс оставалось всё меньше и меньше.

Но шанс был. Большую роль во всём деле сыграл элемент неожиданности: никто из охранников и руководителей спецслужб Комитета 300 *не ожидал* нападения на святая святых Системы – на главную камарилью UnUn во время тщательно подготовленного съезда! Никто из иерархов не думал, что найдутся-таки храбрецы, способные бросить вызов Системе! Поэтому охранники Схода стали отвечать на атаку «чистильщиков» с запозданием, и теперь исход всей операции решали слаженность атакующих, их профессионализм и сила воли.

Шли в «оборотнях», вооружённые теми же штурмовыми «М-14», купленными на складах, доставшихся нацистам майдана во времена революции две тысячи четырнадцатого года (винтовки в Украину поставлялись из Польши, Албании, Прибалтики и Канады), немецкими «глоками» и французскими светозумовыми гранатами. Самандар с сожалением вспомнил времена, когда «реальное» оружие намного уступало по эффективности магическому.

– Это ты к чему? – осведомился державшийся за ним Парамонов.

– К тому, что наши возможности ограничены, – ответил Вахид Тожиевич. – Тот же синкэн был эффективнее зенитно-ракетной установки. Будь он с нами, да ещё активированный, мы бы уконтропутили всю эту приезжую свору!

– Нашёл о чём жалеть.

– Что поделаешь, у меня ностальгия.

– Ностальгия, – оглянулся Тарас, шагавший впереди, – это когда хочешь вернуться, а некуда. Кстати, возвращаться в колдовское прошлое я не хочу.

– Я тоже, – проворчал Парамонов.

Добрались до перекрёстка: коридор разветвился на три хода.

Тарас вдруг выключил нашлемный фонарь.

– Алярм! Впереди кто-то есть!

– Они всё-таки оставили охрану, – процедил сквозь зубы Самандар. – Сколько их?

Шли, не снимая шлемов, общаясь по рациям, поэтому их переговоры вряд ли кто слышал, несмотря на глухую тишину подземелья.

– Двое, – ответил Тарас через пару секунд.

– Мы в пути уже минут двадцать...

– Двадцать две.

– Надо поторопиться. Давайте, я прошмыгну в левый ход...

– Нет времени на игры, сосредоточьтесь на ответвлениях. Стёкла!

Десантники опустили на забрала шлемов тёмные пластины, вложили в уши беруши.

Тарас бросил в оба хода по светобарической гранате.

Дважды грохнуло! Вспышки ярчайшего света выхватили из темноты изгибы и стены коридоров, чугунные плиты пола, ниши с ларцами в них и вмурованные в стены оконца.

Из центрального коридора донёсся крик.

Котов и Самандар дали по очереди в разветвления коридора. Тарас призраком метнулся в центральный проход, раздалась короткая очередь, зажёгся фонарь.

– Что у вас?

– Чисто, – ответил Самандар.

– Вперёд!

Миновали поворот, обнаружив два тела в рясах. Оба монаха сжимали в руках автоматы (у них были русские «калаши») и могли задержать отряд надолго, держа под прицелом все ходы, однако опытом боевого охранения они обладали никаким и серьёзного сопротивления оказать не могли.

– Ищите келью старца Феодосия, – сказал Тарас, освещая лучом фонаря ниши по обеим сторонам коридора.

Разошлись по ходам, изучая таблички с именами святых старцев.

Вскоре раздался голос Тараса:

– Идите сюда, я нашёл.

Собрались у кельи с табличкой «Пр. Феодосий Чудотворец».

Дверь кельи оказалась закрытой, а так как искать механизм открывания или ключ было некогда, дверь взорвали, используя знаменитую американскую взрывчатку – пластит.

Стены коридора содрогнулись, и Парамонов проворчал:

– Как бы нас не услышали.

– Охрана сейчас занята боем, – сказал Тарас, откидывая с пола кельи циновку и обнажая квадрат люка. – По моим подсчётам Сход уже начался.

– А если эти нелюди успеют активировать Великие Вещи?

– Что ж, мы тоже обретём такие же колдовские возможности, что и анархи Комитета, а может быть, и большие. Но я надеюсь на Матвея.

– Ты думаешь, он...

– Он жив, я чувствую – это во-первых. Во-вторых, Дива где-то с ним или недалеко от него, я это тоже чую. А вдвоём они и есть...

– Архитектор?

– Пока ещё – оператор реальности, замена инфарха. Если оба уцелеют...

– Если? – Парамонов оглянулся на Котова.

– Мир изменится в лучшую сторону, – закончил Тарас. – Хотя им придётся тяжело. По сути, Сход Комитета означает собой проявление Монарха Тьмы. Конкере нельзя уничтожить, его можно только ограничить, что и сделал инфарх два десятка лет назад. В каждом из иерархов Комитета живёт частичка Монарха, частичка Дьявола, поэтому они так легко и объединяются в структуру сатанинского управления человечеством. Сход – это вообще замысел Конкере с помощью Комитета вернуть себе власть и трансформировать реальность, здорово урезавшую его права. Он всегда будет искать способы корректировать земную реальность по своему усмотрению либо вообще запустит код самоликвидации человечества. Если уже не запустил.

– Неужели он способен это сделать?

– А кто ему помешает?

– Ну... мы. И что это за код такой?

– В генетическом комплексе человека есть так называемые депрегивные – спящие гены, которые и отвечают за самоликвидацию, стоит запустить эти программы. И вморозил программы в геном человека Конкере, на всякий случай, когда трансформировал род Блаттоптера, наших предков. Я подозреваю, что рост агрессии, числа психически больных людей, тупых ублюдков, развязывающих войны, и есть следствие запуска глобального вируса самоуничтожения.

– Мрачноватый прогноз...

– Оптимистичного у меня нет.

– А что же инфарх? – спросил Самандар. – Почему не вмешается?

– Инфарх, аллегорически выражаясь, как *сила* Света, заключён в каждом из нас. И больше всего в твоём сыне, – Тарас кинул взгляд на молчащего Котова, – и в дочери Соболева.

– Почему он оставил нас?

– Он не оставил, иначе здесь не было бы ни меня, ни Дивы. Но если человечество всё время будет уповать на вмешательство,

образно говоря, Бога-защитника, оно никогда не станет истинно разумным и свободным, никогда не преодолеет тараканью стадию войны всех против всех. Помогите.

Тарас взялся за кольцо люка.

Комиссары присоединились к нему.

Крышка не поддалась.

– Замок, – разочарованно сказал Самандар. – Или засов. Интересно, как Матвей со Стасом здесь прошли?

– Давайте искать засов, – предложил Парамонов.

– Нет времени, – качнул головой Тарас. – Взрываем.

Под светом двух фонарей он выдавил из чёрного тюбика колбаску серой пасты по всему периметру люка, воткнул в неё иголку детонатора.

– Отходим.

Десантники отступили в коридор.

Тарас нажал на браслете коммуникатора кнопку.

Бабахнуло, в коридор выплеснулись струи дыма и пыли.

Обломки люка раскидало по всей келье, в свете фонарей засеребрилось устье колодца и верхние скобы.

– Ныряем!

Тарас прыгнул в люк, цепляясь за скобу. За ним начали спускаться остальные.

Через полчаса они вышли в пещеру, заполненную странной парусовидной конструкцией, покрытой сыпью маленьких и больших волдырей.

– Это... замок? – нарушил молчание Парамонов.

– Никогда не видел МИРа Акарин? – оглянулся на него Самандар.

– Ни боже мой.

– Привыкли, что инсекты возводили геометрически совершенные постройки? – хмыкнул Тарас.

– В общем-то... да.

– Клещи и в те времена, десятки миллионов лет назад, были паразитами и на геометрию своих изделий не тратили творческое вдохновение.

– Не помню, чтобы они создавали Великие Вещи.

– Тем не менее по крайней мере одну они сделали – Врата Наслаждений.

– Серьёзно?

– Кажется, я читал запись в библиотеке Круга, когда она была доступна, – сказал Самандар. – Врата ещё называли «наркотиком гетьмана». Что-то там было связано с кровью.

– Акарины подключали к своим системам питания кровеносные сосуды захваченных врагов и жертв и получали их энергию, испытывая величайшее наслаждение.

– При чём тут украинский гетман?

– Говорят, Хранители МИРа Акарин испытали Врата на себе лет четыреста назад, и с тех пор на всё украинское племя легло проклятие. Во всяком случае, таких ультранационалов, какие сейчас празднуют бал на Украине, не создавал ни один земной этнос.

– Похоже, – буркнул Парамонов.

– Не останавливаемся, джентльмены, я чую, совсем недалеко происходит что-то очень плохое! Ищем проход к МИРу Робберфилов. Матвей и Стас были здесь, значит, они нашли ход.

Десантники разбрелись по залу, приглядываясь к стенам пещеры, уже не обращая внимания на «прыщавый клещевой замок».

Нашёл вход в коридор Котов: интуиция помогла, да обострённое восприятие. Он тоже чувствовал присутствие сына, желая одного: чтобы Матвей остался жив!

Глава 16

Дьявольское невезение

Тело Кэтрин переполняла такая могучая сила, что она могла в настоящий момент подчинить любого человека, а если потребовалось бы, то и разорвать его на части!

Впрочем, примерно то же самое чувствовали и остальные иерархи Комитета. Глаза их заблестели, хмурые лица просветлели, засверкали улыбками, те, кто сел или прилёг, вскочили, в зале на фоне «пчелиного гудения» просыпающихся Великих Вещей послышался гул возбуждённых голосов.

– Мы сделали это! – не сдержал радостного вопля всегда сдержанный доктор Шнайдер.

Кэтрин хотела ему ответить не менее радостной улыбкой, но в воздухе вдруг повеяло холодом, электрическое сияние артефактов пошло на убыль, и душу американки охватило мерзкое ощущение обмана.

Иерархи замолчали разом, прислушиваясь к стихающему гудению Вещей, приглядываясь к гаснущей электрической короне, окутывающей артефакты; некоторые из Вещей почти полностью приобрели свои прежние размеры и форму, но не удержали надолго, превращаясь в «дудочки» и «игрушки».

– В чём дело?! – резко спросила Кэтрин.

Её вопрос повис в воздухе. Было ясно, что активация сорока магических артефактов снова не удалась, не хватило какой-то мелочи, детали, какого-то дополнительного усилия, но чего именно, не знал ни один анарх.

– Осмотрите все Вещи! – приказала Кэтрин, готовая растерзать любого, кто подвернётся под руку. – Всем отдыхать полчаса! Далеко от замка не отходить!

Её поняли.

Сход длился уже больше двух часов, никто из присутствующих не собирался задерживаться в замке Робберфилов так долго, и многим уже приспичило справить естественные физиологические потребности. А туалетами МИРЫ инсектов оборудованы не были.

Появились монахи, обслуживающие Сход. Один из них торопливо подбежал к американке.

– Госпожа, донесение сверху: на Крестовоздвиженку совершено нападение! Идёт бой!

Кэтрин с изумлением вгляделась в бородатое лицо монаха, не сразу осознав смысл сказанного:

– На Крестовозд... напали?! Кто?!

– Предположительно террористы, по экипировке не распознать – чьи. Комбезы на них ваши, натовские.

– Бред! Зачем нашим союзникам атаковать Лавру? Это маскировка! Сколько их?

– По подсчётам около батальона, спецназ, у них броневики и вертолёты, охрана несёт значительные потери.

– Фак ю! – Кэтрин уловила косой взгляд бывшего главарха, прошипела: – Это не ваших рук дело, пастор?! Заранее подготовили своих штурмовиков на случай смены власти?!

– Конкере с вами, Кэтрин! – побледнел Фенимор Холл. – Мы не воюем со своими, а если воюем, то другими методами. Кто-то узнал о Сходе из тех, кто посвящён в Круг, и затеял свои игры. Боюсь, это ваши украинские друзья решили изменить соотношение сил.

Кэтрин махнула рукой помощнику, и через минуту негр и двое дюжих иерархов из американской делегации подвели к ней Турчанова. Украинский анарх был бледен, но держался независимо.

– Что случилось, мисс? Почему меня хватают, как карманника?

– Вы знаете, что на Лавру напали?

– Ну... только что узнал.

– Кто напал? Ваши люди?!

– Конечно же, не мои, я не сумасшедший. Думаю, это сделали русские, люди Дубинина. Не зря же они крутились возле меня и моих советников. С него и спрашивайте.

Кэтрин перевела взгляд на группу русских иерархов, стоявшую в сторонке и что-то обсуждавшую. Анарх России оглянулся, будто почувствовал огненный взгляд женщины, ставшей главархом Комитета, быстро подошёл.

– Это «чистилище», Кэтрин! Только оно имеет классных оперативников и способно пойти на такой шаг! Кстати, вы допросили Меринова? Он многое знает и связан с одним из «чистильщиков».

Кэтрин пожевала губами, видя ненаигранную озабоченность анарха:

– С кем связан Меринов?

– Со Стасом Котовым.

Кэтрин не сразу удалось справиться с шоком:

– Со Стасом? Фак хим год демент! Он же отыскал мне... – Женщина посмотрела на негра. – Патрик, найдите Эскулап!

Негр метнулся к постаменту с Вещами, порылся в куче артефактов, принёс браслет.

Кэтрин внимательно осмотрела его, взвесила в руке.

– Часы? Мобильный?

– Дайте, – протянул руку Дубинин. Повертел в пальцах металлический браслет, включил, но экранчик айкома высветил лишь иероглиф, похожий на человеческую ладонь: коммуникатор требовал пароль.

– Это обычный мобильник, мисс. Ну, может, не совсем обычный, с устройством кодирования. Котов провёл вас.

Кэтрин прикусила губу:

– Он не мог вынести его из подземелья! Патрик, приведите Котова!

Негр поманил пальцем монахов, и они выбежали из тронного зала замка царицы Робберфилов.

Дубинин покачал головой:

– Похоже, у нас проблема, душа моя?

Глава 17

Отрицание ненависти

Туман был густым и плотным, как кисель. Туман лез в рот, в глаза, уши, размывал мысли и желания, разъедал душу, хотелось откашляться, вынырнуть из него и дышать полной грудью, без риска захлебнуться или раствориться в глухой белой пелене.

Она попыталась отыскать в тумане светлое окно, определить своё местонахождение, позвать кого-нибудь на помощь, и её усилия изменили мир вокруг. Туман начал разбиваться на струи и облака, расходиться в стороны, в его сплошной пелене возникли пустые пузыри, каверны, дыры, в одной из дыр проступила тень, обозначилось смутное световое пятно, Дива рванулась к нему... и оказалась лежащей на твёрдом ребристом ложе в тёмном помещении, освещённом неровной выпуклостью в потолке, которая мгновение назад казалась смутным пятном.

Кто-то тронул её за руку.

Дива скосила глаза.

Рука исчезла. Донёлся тихий спотыкающийся голос:

– Собо... лева... очнись...

Руки и ноги не слушались, но она заставила себя сконцентрироваться на восстановлении подвижности, напряглась до звона в ушах и села.

Под лежаком, который представлял собой выступ в полу помещения, лежали двое – Матвей и Стас. Матвей лежал навзничь, с закрытыми глазами, Стас лежал на боку, пытаясь приподняться и лечь поудобней. Это у него получилось. Он опёрся спиной на второе возвышение напротив, раскинул руки, поднял голову.

Лицо у него было бледное, с тенями под глазами, и дышал он тяжело, с хрипом, как астматик. На полу под ним расплзлось тёмное пятно. Дива вдруг осознала, что это кровь!

– Ты... ранен?!

– Попортили шкурку... я ошибся... меня подставили...

– А ты подставил нас!

– Я не хотел... не было выбора...

Дива перевела взгляд на Матвея, хотела встать, но голова закружилась, и она едва не упала на лежак.

– Что с ним?!

– Мне влили... пулю в спину... а ему МКН с нейротропиком...

Дива всё-таки нашла в себе силы сползти с лежака на пол, на коленях подползла к Матвею, склонилась над ним, положив руку на лоб.

– Он... не дышит!

– Дышит... только медленно. Помоги ему... прийти в себя. У вас обоих... неслабые ресурсы. У нас ещё маленький есть шанс...

– Какой шанс?!

– Вмешаться в процесс.

Дива с трудом села, пытаясь справиться с головокружением. Вспомнила встречу с анархом Украины и его пособниками. Её попытка отключить сознание удалась, она ничего не сказала на допросе, но и не помнила, как оказалась в этой странной камере.

– Где... мы?

– Одно из помещений... МИРа Робберфилов. Эти кретины... решили почему-то... перенести нас сюда... а сами... – из уголка губ Стаса стекла на подбородок струйка крови, он стёр её ладонью. – Чёрт! Не сдохнуть бы... раньше времени.

– Мы в МИРе...

– Клопов разумных, будь они неладны, – скривил губы Стас. – Жаль, что я так и не смог... восстановить свои способности... оператора. Ему повезло больше...

– Вот бы дров наломал! Рассказывай всё.

– Помоги ему... выйти из комы... это сейчас важнее всего.

– Мне сначала надо прийти в себя самой.

Стас шевельнулся, прикусил губу.

– Дьявольщина! Пуля торчит аккуратно над сердцем... Ладно, слушай... – Он коротко рассказал собеседнице о походе с Матвеем в МИР Акарин. – Нас круто подставили, завели в ловушку... я смог вырваться, а он нет. Зато я и эту тварь... обвёл вокруг пальца! – Стас сделал попытку улыбнуться.

– Кого?

– Кэтрин Блохшильд... анарха Союза Незвестных США. Отдал ей вместо Эскулапа... свой коммуникатор.

– Это в твоём стиле, – невольно усмехнулась Дива, набираясь сил. – А настоящий Эскулап где?

– Недалеко, в щели коридора... метров двадцать от пещеры Робберфилов... я не стал рисковать... спрятался в самом замке... дождался Схода... Кстати, Сход, видимо, уже начался, но у Комитета ничего не выйдет... я надеюсь. Здесь, в замке, только тридцать девять Вещей... а для инициации нужны все сорок. Вот почему нам надо... как можно быстрее вытащить Матвея из бессозналки. Я вне игры... на тебя надежда.

– Я тебе... не верю...

Стас засмеялся, закашлялся розовой пеной, побледнел ещё сильнее, схватился рукой за грудь:

– Ничем не могу помочь... поспеши! Всю жизнь я пытался... делать добро... всем назло. – Он снова закашлялся, изобразил улыбку. – Такой вот дурак... но до сих пор уверен... что моя политика правильная. Если бы мы смогли... активировать сорок ВВ с Матвеем... ещё до Схода... изменили бы реальность!

– Да уж, превратили бы её в один из Адовых миров!

– Принудили бы её к миру... справедливому воздаянию... каждому по заслугам при жизни... по любви и ненависти.

Дива с сожалением покачала головой:

– Это не путь сил Света.

– Кто знает? Твой отец не смог очистить реальность от Зла, и это подтверждает правильность моих умозаключений. Он ошибался!

– Мой отец дал нам шанс самим измениться изнутри.

– Почему же мы не меняемся? Почему Зла всё больше, ненависти всё больше! – Стас без сил опустил голову на грудь, забормотал невнятно: – Не хочу спорить... нет времени... буди брата.

Дива очнулась, сосредоточилась на Матвее. Она уже уловила его дыхание и почувствовала слабое токанье крови, но прочитать его мысли не смогла. Да это было и немудрено, нейротропик сделал своё чёрное дело, перекрыв нервные пути и заблокировав работу мозга Матвея.

Она погладила молодого человека по волосам, по лицу, потолкала в плечи, в грудь, погрела виски ладонками.

– Ну, милый, любимый, выходи из темноты, пора спасти мир!

Веки Матвея задрожали...

Он был вне себя...

То есть висел, как воздушный шарик, над своим же собственным телом, не ощущая ни жары и ни холода, видел его ощутимо мёртвую неподвижность и не мог до него дотянуться. Потому что не чувствовал ни рук, ни ног.

В принципе ему было хорошо, так как никакие болевые ощущения его не мучили. Но сквозь этот панцирь тишины, уюта и покоя пробивались странные лучики беспокойства, кто-то звал его по имени, и хотелось побыстрее избавиться от колеблющего пространство уюта голоса, чтобы раствориться в приятном небытии.

Голос смолк, потом подобрался вплотную, нарушая эйфорическое блаженство ничегонеделания, проник в сердце, по коже пробежали щекочущие пальчики, возбудившие память прошлого, какие-то приятные моменты.

– Вставай, любимый! – выговорил кто-то внятно.

Слово было изумительно сладким на вкус, как халва, оно ласкало слух, и Матвей повиновался ему, как сомнамбула, начал *всплывать* в мир добра и света, цепляясь за воспоминание о губах, произносящих эти слова. По сути, заработал наконец защитный механизм подсознания, включившийся от голоса любимой женщины, чтобы компенсировать не решённые сознанием проблемы, но неизбежно опиравшийся на возможности и оценки сознания.

Душа ударилась обо что-то твёрдое, оказавшееся родным телом, и он резко подался вперёд, захлебнувшись воздухом и холодной темнотой, как водой, вылившейся из ведра на голову.

Руки его остановили, добрые ласковые руки, и принадлежали они Диве!

– Тихо, капитан! – прошептала она, наклоняясь к нему. – Всё хорошо, я с тобой. Дыши, успокаивайся.

Несколько секунд Матвей не двигался, впитывая, как губка, энергетические волны тела женщины, пронизывающие каждую клеточку его тела, баюкающие, ласкающие, насыщенные удивительной живительной силой и заботой.

– Ди... ва...

– Это я, полежи, приди в себя.

Он лёг, заметил невдалеке полусидящего Стаса, снова приподнялся на локтях, пытаюсь встать.

– Кто... это? – Язык не повиновался, шёпот получился невнятным, и он повторил громче: – Кто это?!

– Брата надо узнавать в любом состоянии, – проговорил Стас насмешливо. – Не обращай внимания на кровь, по мне просто пробежало стадо комаров.

– Ты... не брат мне... – не принял шутки Матвей.

– По крови – не брат, по воспитанию – сын твоего отца.

– Он... воспитывал... не тебя.

– А кого?

– Воина... Закона... а ты – предатель...

– Это спорный вопрос, я бы не стал наклеивать ярлыки. Мы делаем одно и то же дело, только разными средствами и способами.

– Ты меня... бросил!

– Я тебя спас, дурак! Хотя не ожидал, что меня кинут, как последнего фраера. Но это ещё можно исправить. Ты готов спасти человечество?

– Не хочу... иметь с тобой... никаких дел!

Нежные пальчики Дивы легли на его губы:

– Не время выяснять отношения, капитан, выслушай его.

– Он... трепло...

Стас рассмеялся, охнул, лицо его исказилось от боли:

– Господь любит нас всех, братец, но ни от кого из нас не в восторге.

– Выслушай его! – умоляюще сжала руку Матвея Дива.

Дым неприятных воспоминаний, оценок, мыслей, переживаний, охвативший душу и мешающий сосредоточиться на реалиях ситуации, наконец начал рассеиваться, таять, исчезать. Матвей обрёл нужное состояние душевного спокойствия, голова прояснилась, тело, получив от Дивы первоначальный посыл на восстановление энергетики, завибрировало в нужном диапазоне частот и помыслов. Причём к внутреннему энергорезервуару (кровь, сердце, печень) подсоединился некий светлый ручеек извне, причину которого Матвей осознал не сразу.

Сначала показалось, что ручеек исходит от Дивы, продолжавшей подпитывать его. Потом он уточнил вектор луча и понял, что на его попытки вернуть себе *силы* откликнулся... Эскулап! Великая Вещь,

созданная разумными муравьями, запомнила его пси-код и напонила о себе, посылая не видимый ничьими глазами *сигнал*! И она действительно находилась неподалёку.

– Долго соображаешь, – пробурчал Стас, бледнея ещё больше.

– Матвей, милый! – Дива прижалась щекой к руке Матвея, поглядела умоляюще.

– Тебе повезло, Архитектор, – продолжал Стас ёрническим тоном, слабея на глазах. – Она красивая... и умная... а красивой женщине можно простить многое – и ум, и его отсутствие.

– Говори, – разомкнул он губы.

– Собственно, я уже всё сказал. Комитет не добьётся цели, так как сороковая Вещь находится вне общей коллекции и никто об этом не знает. Попробуйте с Дивой заактивировать «сорок» дистанционно, у вас может получиться. Да и попытка не пытка, знаете ли.

– А если у них получится? – нерешительно проговорила женщина.

– Если бы у них получилось, мы бы уже не разговаривали. Что-то застопорилось, я чувствую, и мы имеем шанс объявить шактипат.

– Что?! – Матвей не сразу понял, о чём идёт речь.

– Шактипат – закон, меняющий структуру реальности. Разве отец тебе не говорил об этом варианте?

Матвей посмотрел на Диву.

– Отец... – начала она, – мой отец... уже объявлял шактипат...

– Но он был... инфархом!

– Ты выше, – криво улыбнулся Стас. – Ты Архитектор Согласия... должен быть. – Он поднял глаза к потолку. – Господи, ну почему ты даёшь такие возможности желторотикам?!

– Я... не могу, – покачал головой Матвей, – не имею права... решать за всех! Изменять реальность! Магия не должна решать за людей... особенно чёрная!

– Магия ни цвета не имеет, ни запаха, ни добра, ни зла. Доброй или злой её делает человек. Ты можешь изменить реальность, просто поверни её к Добру, как ты это понимаешь. Говорят, что реальность существует для людей, у которых отсутствует воображение. Но в данном случае даже фантазировать не придётся. – Стас вконец обессилел, закрыл глаза. – Ты... так... живёшь...

Дива отпустила руку Матвея, подползла на коленях к старшему Котову, проверила пульс.

– Потерял сознание... ему плохо. – Она оглянулась. – Поможешь?
Матвей напрягся, заставил себя встать.

Покачало немножко, голова пошла кругом, но длилось это состояние *включения* недолго. Он окончательно пришёл в себя.

– Попробую подсоединить Эскулапа...

– Но он же... не здесь.

– Дистанционно, я его чую, он отзывается на мои мысли.

– Как здорово! – обрадовалась Дива.

Матвей сосредоточился на вызове артефакта, ощутил ответный импульс. Включайся, дружище, ты нужен, этого парня надо подлечить, просканируй его.

Он перенёс внимание на Стаса, осторожно прижал одну ладонь к груди раненого, другую положил на лоб.

Чуешь? Он ранен! Включайся, лечи!

Прерывистый импульс превратился в луч прожектора, пронзил самого Матвея, заставив ёжиться от щекотливых резонансов всех органов тела, стёк на ладони и проник в тело Стаса.

Стало жарко! Через позвоночник из космоса к голове и рукам текла огромная энергия, разогревая их выделявшимся теплом, и Матвей с трудом сдерживал себя, чтобы не дрожать и не делать лишних движений.

Стас вздрогнул, зашевелился, открывая мутные глаза.

– Лежи тихо! – остановил его Матвей. – Сейчас будет легче.

– Что... ты... делаешь?

– Не я – Эскулап.

– Эс... кулап?! Ты его... нашёл?!

– Дистанционно.

– Чёрт! Значит... ты и в самом деле можешь... активировать остальные Вещи!

Матвей отнял ладони, стряхнул с них на пол камеры тающие струйки электрического свечения.

– Лучше?

– Ты не сникерс... но мне лучше... спасибо. – Стас вздохнул, прислушиваясь к себе, сел поудобней. – Кажется, я снова у тебя в долгу.

– Обойдусь.

Дива бросилась к Матвею, обняла:

– Ты молодец!

И в этот момент стена слева разошлась щелью, и в помещение ворвались трое монахов. Один из них – негр – держал в руке пистолет с глушителем. Разыгралась немая сцена, длившаяся всего пару секунд.

Матвей не стал ждать, чем закончится визит неожиданных гостей. Пистолет в руке чернокожего монаха не оставлял сомнений в его намерениях. И первым влип в стену лицом именно он, вряд ли успев сообразить, что происходит.

Спутники негра тоже были вооружены, однако шансов применить оружие у них не оказалось. Двигаясь с быстротой молнии, Матвей применил приёмы «смертельного касания», которым научил его Самандар (приёмы вызывали психосоматическое торможение коры головного мозга), уложил обоих на пол без излишних эффектов, остановился, прислушиваясь к общему ментальному шуму за стенами помещения. Шум подсказал ему, что собрание иерархов Комитета 300 встревожено, среди них зреет недовольство, многие испуганы, но ими руководит чья-то злая мощная воля, задавшаяся целью довершить начатое, и оставить пленников в покое она не желала.

– Допроси, – посоветовал Стас, пробуя встать.

Матвей бросил ему один «глок», второй протянул Диве.

– Пригодится.

Наклонился над негром, пошлёпал его по щекам.

Монах открыл мутные глаза.

– Кто тебя послал?

– Сначала спроси, кто нас сюда определил, – добавил Стас.

Матвей повторил вопрос по-английски.

– Служба безопасности, – прохрипел негр.

– Чья? Всего Комитета?

Негр дёрнулся, замер, заметив движение ствола пистолета с глушителем, который отобрал у него Матвей.

– Спецназ американского...

– Союза Неизвестных, – закончил Матвей. – Он уже главней мирового?

– Анарх...

– Кэтрин, – хмыкнул Стас, медленно поднимаясь.

– Э-э... анарх США... теперь главный координатор...

– К чёрту подробности! Не теряй времени на выяснение второстепенных обстоятельств. – Стас вздохнул с явным облегчением, держась рукой за грудь. – Надо выбираться отсюда.

– Вы не сможете уйти, – осмелел негр. – В зале триста посвящённых... и два десятка спецагентов... вся Лавра заблокирована силами украинского спецназа.

– Ничего, справимся, нас обучали не ваши хвалёные инструктора.

– Чего вы хотели? – спросил Матвей.

В глазах негра загорелась ненависть:

– Он... подменил...

– Эскулап?

Ненависть ненадолго сменилась замешательством:

– Вы... знаете?

– Эскулап спрятан в надёжном месте, – усмехнулся Стас, взвешивая в руке «глок». – Вам его не достать! Жить хочешь?

Негр бросил взгляд на Матвея. Тот, в свою очередь, посмотрел на брата.

– Они должны были обследовать МИР Робберфилов, – сказал Стас. – Нам нужен второй выход. Через центральный зал идти нельзя.

Матвей повернулся к монаху:

– Второй выход?

– Второго нет, – мотнул он головой. – Есть нечто вроде галереи балконов на уровне третьего или четвёртого этажа.

– Замок окружён?

– Оцепление...

– Сплошное?

– Через каждые двадцать метров.

– Идём отсюда и побыстрее, – сказал Стас. – Их скоро хватятся, и к нам пожалует взвод спецназа. Выберемся на ту сторону замка и решим, что делать.

Матвей оглянулся на Диву:

– Выйдешь за меня замуж?

– Что?! – растерялась женщина.

Стас красноречиво покрутил пальцем у виска, шагнул к зашевелившемуся на полу монаху, съездил ему рукоятью пистолета по затылку. Монах сунулся лицом в пол.

– Вас долго ждать?

– Выйдешь?

По лицу Дивы пробежала сложная гамма чувств, сменившаяся лукавой улыбкой:

– А если я и в самом деле готовить не умею?

– Переживу.

– Выйду.

Он шагнул к ней, и Дива повторила поцелуй, о котором он мечтал со времени первого.

– Вот же как дети! – Стас добил второго монаха, наставил ствол пистолета на негра. – Чего вылупился?! Веди!

Негр вздрогнул, послушно вскочил, направился к щели входа.

– Держись сзади, – шепнул Матвей, переживая всплеск необычайной ясности мысли. – Отвечаешь за мою спину.

– Отвечаю, – согласилась Дива.

Выбрались в коридор, огибающий центральный зал замка Робберфилов. Ход налево вёл в пространство, насыщенное негативными эмоциями. Негр шагнул было туда, но Матвей, догнав его, развернул в другую сторону, показал пистолет.

– Не дури! Стреляю без предупреждения!

– Бегом! – добавил Стас, подталкивая пленника.

Побежали вверх по наклонной полосе коридора, прислушиваясь к гулу голосов, доносившемуся в коридор из каких-то ниш и щелей.

Матвей просканировал строение Ктырей разумных – оно по организации мало отличалось от замков других инсектов: центральный зал с усыпальницей владыки, множество мелких помещений, образующих своеобразную пузырчатую массу наподобие губки вокруг зала, спиральные коридоры, поднимающиеся вверх от внешнего цоколя к верхним помещениям, – и примерно представлял, где они находятся. Собирая Великие Вещи, Рыков окружил подземелье и сам МИР Робберфилов печатью недоступности – магическим заклятием, снять которое мог далеко не всякий посвящённый Круга, поэтому он был уверен в недоступности схрона. Однако инфарх – отец Дивы после победы над Конкере лишил «запрещённую» реальность магии, точнее, повысил потенциальный барьер её срабатывания, и все МИРЫ потеряли свои защитные магические оболочки, в том числе МИР Ктырей. А он имел не один вход, а также выход, о чём не подозревали даже иерархи украинского Союза Неизвестных. Этим вторым выходом, идущим к пещере с МИРом Акарин, и воспользовался Стас ночью, оставив Матвея одного. Этим же выходом хотел теперь воспользоваться и Матвей, обнаружив его в хорошо скрытом углу пещеры, за пределами замка.

Приостановились у каверны в правой стене коридора, из которой отчётливо донеслись голоса разговаривающих в зале.

– Здесь собралось всё Зло мира! – прошептала Дива, кивнув на каверну.

– Далеко не всё, – возразил Стас, понизив голос; вытер лоб платком; несмотря на вмешательство Эскулапа, чувствовал он себя скверно, но терпел. – В каждом из нас есть частичка Монарха Тьмы. Даже во мне. Не останавливаемся, нас, наверно, уже ищут. Я прав, брат?

Матвей прислушался к потокам полей и излучений:

– Да, там засуетились.

– Можешь возбудить Вещи в зале?

Матвей уже пытался просканировать гору артефактов за стеной и даже получил ответ – на уровне ощущений: через голову пробежал ручей муравьёв, образно говоря. Но для детального изучения Вещей требовалось время, а его как раз и не было.

– Не знаю... не уверен... да и зачем?

– Чтобы подчинить их себе! Пока там царит растерянность и неразбериха, мы бы активировали «сорок» и сорвали банк!

– Я уже говорил... мы не имеем права...

– А жить хочешь, пацан?! Или хотя бы её спасти?! – Стас кивнул на Диву. – Ты же только что предлагал ей выйти за тебя замуж! Передумал?!

Матвей потемнел, сжал кулаки:

– Не твоё дело!

Дива встала между ними, умоляюще положила руку на грудь Матвея:

– Не злись, капитан! Не придавай его словам значения, он так живёт и думает. Решать тебе.

Матвей выдохнул застрявший в лёгких воздух, подтолкнул негра, пытавшегося понять, о чём спорят русские.

– Вперёд!

Поднялись на второй этаж здания; этажом назвать его было не совсем правильно, помещения опускались и поднимались нерегулярно, ступенчато, подтверждая истину, что по коридорам разного сечения МИРа ползали гигантские мухи, а не ходили люди.

– Ещё выше, – показал проводник.

Поднялись на третий уровень, практически дважды обежав центральный зал замка. Коридор здесь не имел ни одной двери, но Матвей чувствовал слева по ходу движения пустоты и остановил монаха.

– Стой! Как вы входили в помещения слева?

– Не здесь, – сверкнул волчьими глазами монах. – Выше...

– Другого пути нет?

– Нет.

– Плохо дело, – сказал Стас, тяжело дыша. – Чем выше мы заберёмся, тем труднее будет спускаться.

– У тебя есть другое предложение?

– Я видел замок... со стороны... это гигантская пирамида, сложенная из трёх колонн... в форме мух... брюшки мух внизу срастаются, образуя тронный зал. Вверху колонны-мухи соединяются головами... Если здесь и есть галереи с балконами, то они прячутся под крыльями на спинах мух.

– Ты хочешь сказать... – неуверенно начала Дива.

– Он врёт!

Негр вдруг оттолкнул женщину, кинулся бежать по коридору назад, в ту сторону, откуда они шли.

Реакция Стаса превзошла реакцию Матвея.

Он ещё размышлял, что делать в этой ситуации, а Стас уже поднял пистолет и выстрелил.

Звук выстрела был негромким, рубчато-складчатые стены коридора погасили эхо.

Пуля попала беглецу в затылок, и он нырнул головой вперёд, пропахав лицом грубо-пористую ленту коридора.

– Шакал! – выговорил Стас сквозь зубы.

– Зачем? – хмуро осведомился Матвей. – Я бы его остановил... без стрельбы.

– Я не такой толерантный человек, как ты. – Стас посмотрел на него исподлобья. – Многие беды в мире творятся именно по причине безумной толерантности. Вспомни, во что превратили Европу беглецы из Африки и Ближнего Востока. Белой Европы больше нет! Есть большой исламский табор, исповедующий свои законы и не желающий работать!

– К чёрту твои философские...

– Остынь, двери здесь наверняка имеются, надо только найти механизм открывания. Они же как-то открывали их?

Матвей вспомнил, как стена камеры, куда их поместили, разошлась щелью. Сосредоточился на сканировании стены слева. Строителями замка Робберфилов были те же мухи – «рабочие муравьи» в каком-то смысле, они даже замок царицы строили по её образу и подобию, поэтому следовало искать «мушиные замашки» везде, в том числе в конструкции обслуживающей замок автоматики.

Догадка оказалась верной: стопор, открывающий дверь помещения слева, находился на стене под потолком – небольшое углубление, в которое можно было вставить хоботок мухи либо щетинку на передней лапе, так сказать, «указательный палец» мухи.

«Щетинка» нашлась у Дивы – обыкновенная заколка.

Матвей подпрыгнул, с первого раза воткнул заколку в углубление, и стена перед ним бесшумно лопнула двумя краями мембраны, образуя треугольную – вершиной книзу – щель.

Из-за поворота коридора, куда хотел скрыться проводник, выбежали несколько расплывчато-плывущих призраков; это были спецназовцы Комитета, одетые в спецкостюмы с хамелеон-эффектом, превращавшие солдат в привидения.

Затрещали выстрелы.

Матвей втокнул Диву в щель, сделал несколько ответных выстрелов, ему помог Стас, и они вдвоём нырнули в проём начавшей закрываться двери.

Края мембраны сошлись, оставив едва видимую неровную линию.

Стало тихо.

Помещение, в котором они оказались, имело форму неправильного параллелепипеда со скруглёнными углами и освещалось белёсой выпуклостью в потолке. Из его пола вырастали разной высоты круглые и овальные выступы с дырами в округлых шляпках, пол морщился бороздами и пестрел выемками, напоминая старую позеленевшую от времени губку. Выступов было девять, и заработавшая фантазия Матвея представила, как в помещение вползает гигантский ктырь и растягивается во всю длину комнаты, устраивая лапы и брюхо на выступах.

Дива, успевшая пробежаться по комнате, оглянулась:

– Выхода нет!

– Сволочь! – невнятно проговорил Стас. – Нет здесь никаких веранд и балконов! Не надо было верить этому черножопому скоту!

– У нас ведь не было другого выхода, – обиделась почему-то Дива. – А бежать через общий зал – авантюра!

– Может быть, и прошла бы эта авантюра, если бы мы накинули на себя монашеские рясы. Брат, есть светлые мысли?

Матвей, сканирующий «биолокатором» стены помещения, подбежал к его дальнему торцу, вдвое меньшему по площади, чем торец входной двери, подпрыгнул, вонзил булавку Дивы, которую он не выбросил, в углубление под потолком.

Стена лопнула треугольной щелью.

– Оба-на! – пробормотал Стас.

Матвей выглянул в щель и вовремя дёрнулся назад, увидев на полу пещеры, под стенами замка, цепь фигур в камуфляже. Затрещали выстрелы. В помещение влетели автоматные очереди, пули с кафельным треском пробороzдили бугорчатый потолок, проделывая в нём шрамы и борозды.

Матвей подпрыгнул ещё раз, втыкая булавку в отверстие замка.

Стена закрылась.

Стрельба стихла.

– Кажется, приплыли, – сказал Стас, тяжело оседая на один из выступов. – Мы в ловушке.

Дива с надеждой повернулась к напряжённо застывшему Матвею.

– Мы не сможем спуститься?

– Не сможем, – осоловело качнул он гудящей головой; мысли бежали торопливо, но среди них не было ни одной дельной. – Их там человек десять.

– Может быть, мы сдадимся и нас не тронут?

Матвей не ответил, он принимал решение.

– Да выслушай же меня! – дёрнула она его за руку.

Стас сплюнул на пол сгусток окровавленной слюны, растёр плевок подошвой, поднял голову.

– Брат, женщина не просто так просит её выслушать. Она просит помочь ей понять, о чём она говорит.

Дива бросила на него уничтожающий взгляд:

– Ты не знаешь, чего я хочу!

– Даже если мы знаем, чего хотим, мы не знаем, зачем живём, – со смешком ответил Стас.

– Тихо! – поднял руку Матвей.

В стену с дверью постучали.

– Выходите, герои! – заорал кто-то на английском языке. – Даём минуту на размышление! Не подчинитесь – взорвём весь этот угол!

– Я бы всё-таки попробовал спуститься. – Стас оглянулся на стену, выходящую наружу здания. – В три ствола мы легко выбьем охранение.

– Мы сделаем иначе, – наконец решил Матвей.

Спутники с одинаковым ожиданием посмотрели на него.

* * *

Их вели по одному, держа за руки каждого с двух сторон.

Стас намеренно обвисал на конвоирах при каждом шаге, и его приходилось тащить, что отвлекало внимание остальных «призраков» и позволяло Матвею потихоньку налаживать связь с Вещами в тронном зале МИРа. Ещё до входа в зал ему удалось найти контакт с десятком Вещей, в том числе с Дзюмоном и Свистком (Иерихонская Труба мгновенно узнала бывшего владельца), и связь эта крепла с каждой секундой.

Вошли в зал, заполненный гудящей толпой иерархов Комитета. Светящимися панелями цвета янтаря и витражами зал напоминал увеличенную и слегка искажённую янтарную комнату, воссозданную умельцами в Санкт-Петербурге. Несмотря на предназначение замка – хранить саркофаг царя рода, создатели храма не украшали его стены иконами своих святых (если они были), а их панно представляли собой вязь странных рун и геометрических символов, хотя изредка какие-то рисунки напоминали очертания насекомых.

Саркофаг царицы Робберфилов в центре зала также копировал форму основателей «мушиного» вида инсектов – гигантскую муху. Но не это привлекло внимание Матвея.

Вещи!

Перед саркофагом, напротив входа в зал, из обыкновенных досок был сооружён помост, на котором лежали бесценные артефакты, предназначенные послужить материальной основой процесса магической активации *всей* реальности, от них веяло будоражащим теплом, и от них невозможно было оторвать взгляд.

Стаса, Матвея и Диву провели сквозь толпу поводырей человечества, возжелавших стать на уровень создателя реальности, и вытолкнули перед кучкой мужчин в монашеских рясах и строгих костюмах, окружавших женщину в таком же тёмно-сером мужском костюме. На груди женщины сверкал на цепочке медальон в форме шестилучевой звезды, символ верховной власти Внутреннего Круга.

– Поздравляю, Кэт, – прохрипел Стас, снова обвисая на руках дюжих бойцов спецназа. – Вы уже главарх!

– Где настоящий Эскулап?! – сдвинула брови Кэтрин Блохшильд.

– Разве я его не отдал? – сделал удивлённый вид Стас.

Кэтрин кивнула кому-то из приближённых, и Стаса начали избивать прикладами автоматических винтовок, повалили на пол, нанесли несколько ударов ногами.

Матвей рванулся к нему под тихий вскрик Дивы, но ему воткнули в висок ствол винтовки и удержали на месте.

Стас свернулся клубком, послышался его свистящий сдавленный шёпот:

– Работай!

Матвей понял, что брат обращается к нему, специально отвлекая внимание конвоиров, давая ему время на активацию Вещей.

Кэтрин сделала знак пальцами. Стаса рывком подняли на ноги.

– Где Эскулап?! – по-русски спросила женщина. – Отвечай! Иначе мы разберём вас всех на запчасти!

Стас презрительно скривил губы:

– Фи, дорогуша, напугала... скоро сюда спустятся наши парни... советую перестать надувать щёки и сдаться в плен. В этом случае вас пощадят.

В толпе мужчин, собравшихся вокруг пленников, раздался глухой ропот.

Кэтрин повела головой, и двое солдат вытолкали вперёд Диву, один схватил её за волосы. Она закусил губу, сдерживая крик.

– Где Эскулап?! – в третий раз каркнула владычица «Комитета».

Матвей снова дёрнулся, намереваясь освободить любимую, но поймал чёрный предупреждающий взгляд Стаса и с усилием остановился, не обращая внимания на боль в выкрученных руках и содранную стволом винтовки кожу на щеке.

«Работай!» – приказал ему взгляд брата.

Спасение Дивы не решало задачи, и только полная концентрация на вхождении в стрессовое состояние энергоотдачи могла обеспечить победу.

Он послушно расслабился, снова сосредоточился на коллекции Вещей, открывая их одну за другой и присоединяя к растущему общему объёму «магической цепной реакции».

Внезапно кто-то закричал, пытаясь привлечь внимание Кэтрин:

– Фрау! Они... шевелятся!

Матвей повернул голову к помосту.

Вещи действительно зашевелились, подчиняясь его воле, покрылись шубой электрических искр и начали вырастать в размерах, заставляя слоняющихся вокруг людей отступать к стенам зала.

– Кто посмел?! – не поняла этой метаморфозы Кэтрин. – Прекратите немедленно!

Стас захохотал, кашляя, давясь кровавой слюной:

– Кретины! Вы проиграли! Бегите отсюда, пока не поздно!

– Это он! – взвизгнул мужчина мрачного вида, с покрытым седой щетиной круглым лицом, тыча пальцем в Матвея. – Он пытается активировать Вещи!

Лицо Кэтрин пошло пятнами, глаза сверкнули:

– Убить его! Убить их всех!

Матвей почти без усилия рывком рук ударил друг о друга державших его «призраков», метнулся к Диве, на которую направил ствол винтовки спецназовец в маскировочном костюме, но его опередил Стас, ужом вывернувшийся из рук своих конвоиров и прыгнувший к дочери Соболева.

Раздался выстрел.

Пуля попала в грудь Стаса, он упал, увлекая за собой Диву.

Толпа иерархов шарахнулась прочь.

– Работай! – прилетел слабый гаснущий голос. Вернее, не голос – *мысль* Стаса.

И время для него почти остановилось. Продолжая «подключать» к себе Вещь за Вещью, испытывая при этом восторг и ужас от нарастающей мощи, он выдернул из кучи артефактов Дзюмон и усилием воли метнул к Диве и брату, раскрывая *суть* Дзюмона в качестве его главного предназначения – защищать!

Медальон Дзюмона раскрылся, превращаясь в слой жидкого стекла – с виду – и образуя купол над Дивой и Стасом. Поэтому очередь

из «М-14» не причинила им никакого вреда: пули буквально *завязли* в «стекле»!

Тогда «призраки» обратили внимание на самого Матвея, и он вряд ли смог бы сражаться на три фронта – защищать Стаса, Диву и самого себя, если бы не помощь извне, которую он не ждал.

В зале появились люди, такие же «призраки», с оружием в руках, но стрелять они начали по своим же, в течение нескольких секунд уничтожив всех, кто помогал Кэтрин допрашивать пленников и пытался их убить.

Толпа иерархов заметалась по залу в поисках укрытия.

Украинская делегация во главе со свинолицым анархом налетела на одного «призрака» и полегла под одной очередью, чтобы уже никогда не встать.

К Матвею подбежал «киборг», снявший двух «призраков» перед Кэтрин, стоявшей в ступоре, забрало шлема поднялось вверх, на Матвея глянули нестерпимо светлые глаза отца.

– Ты как?!

– Пытаюсь... синхронизировать Вещи, – очнулся Матвей.

– Это я уже понял.

– Стас меня спас... и Диву...

– Помощь нужна?

Голову пронзила странная боль: энергия, объединяющая Великие Вещи, стала переполнять психику, хлынула через край возможностей Матвея, начала в буквальном смысле сжигать его изнутри! Зона восприятия, доступная ему, расширилась, казалось, до пределов Галактики!

– Я не удержу их... один...

– Вахид! – рывкнул Василий Никифорович.

Рядом проявился из воздуха «киборг», похлопал Матвея по плечу.

– Подсоединяйся! – приказал Котов-старший. – Он активирует «сорок».

«Киборг» на мгновение откинул шлем, превращаясь в Самандара.

– Понял!

Кэтрин наконец опомнилась, завизжала:

– Убейте их! Патрик, взрывайте...

Самандар дал очередь, и поводырь Америки, мечтавшая повелевать всем человечеством, упала на пол сломанной куклой, не успев как следует насладиться властью главарха Комитета 300.

Иерархи перестали метаться по залу, отбежав к мерцающим стенам помещения в надежде уцелеть.

У входа началась новая пальба.

– Держитесь, их там ещё до хрена! – Василий Никифорович метнулся к Парамонову, залёгшему за телами убитых солдат Комитета.

«Стеклянный слой» Дзюмона сжался в медальон, тот сам собой прыгнул в руки Матвею.

Он освободил Диву от тела Стаса, не подававшего признаков жизни, помог сесть.

– Цела?!

– Как будто... что мне делать?!

Откуда-то появился Тарас Горшин, в комбинезоне, но без шлема.

– Включайся! Ему нужны дополнительные ресурсы!

Исчез.

Стрельба у входа в зал возобновилась с новой силой.

Дива обняла колени Матвея, посмотрела снизу вверх.

– Я с тобой...

Живительная струя энергии прынула от её рук по ногам, позвоночнику, в голову капитана. Боль ослабла, потом вообще пропала, когда подбежавший Самандар обнял его со спины.

– Давай, сынок! Пора заканчивать с этим безобразием!

Матвей расправил плечи, осознавая разом всё тело, не отдельно каждый орган – руку, ногу, ухо, локоть, как это делает каждый человек, – а *всё тело одновременно!* На голову упала настоящая *гора света!* Раньше он уже испытывал нечто подобное, добиваясь состояния самадхи – просветления, однако нынешний процесс проявился намного масштабнее и мощнее! Тело буквально засверкало, как осколок солнца, вбирая в себя пси-лучи друзей и щедро возвращая энергию обратно!

Одна за другой Великие Вещи древних дочеловеческих цивилизаций вырвались из темниц маскирующих фигур: «Пок! Пок! Пок! Пок!» – словно раскрывались почки на ветках мистического Древа. Сияние, исходившее от Матвея, Дивы и присоединившихся к ним близких людей, объединилось с волшебным сиянием Вещей!

Глубокая вселенская тишина потрясла его душу!

Голос он слышал, не принадлежащий человеку, принадлежащий *всей* земной реальности:

– *Чего ты хочешь?!*

Он сглотнул ком в горле.

Надо было ответить: я хочу справедливости!

Надо было ответить: я хочу мира!

Надо было ответить: я хочу изменить *суть* человека, лишить его зла и ненависти!

Надо было ответить: я хочу вытравить из человека зёрна Тьмы!

Надо было сказать, наконец: я хочу любви! И будь что будет!

Но Вселенная и без слов поняла его...

Сентябрь-2015

notes

Сноски

Подснежники – дети; *штыфт* – вещь; *дряницы* – малоценные вещи; *коты* – колёса (уголов. жаргон).

Аноплюриды – вши (род разумных инсектов, существовавших сотни миллионов лет назад).

А. П. Чехов.

Комары, муравьи, бабочки слышат усами-антеннами, тараканы – хвостовыми придатками, сверчки, кузнечики – голеньями, саранча – щетинками живота и так далее.

Медвежатник – специалист по взлому сейфов (крим. жарг.)

6

Это мой родной язык (*албан.*).

Не повторяйся, мы об этом договорились ещё в Москве (*польск.*).

Браслет (*немецк.*).

Роман «SNUFF».

Тараканов (*укр.*).

Д. Дидро. Монахиня.

Да, это я (*англ.*).

Вас ждут, я вас провожу (*англ.*).

Что-нибудь ещё, мистер Макшейн? – Нет, спасибо (*англ.*).

Просканируйте.

А с ним что?

Поместите пока к тем русским (*англ.*).

Убить его?

Нет, он мне ещё пригодится, отнесите к пленникам (*англ.*).